

ISSN 0131-2596

охота

и охотничье хозяйство

3

1995

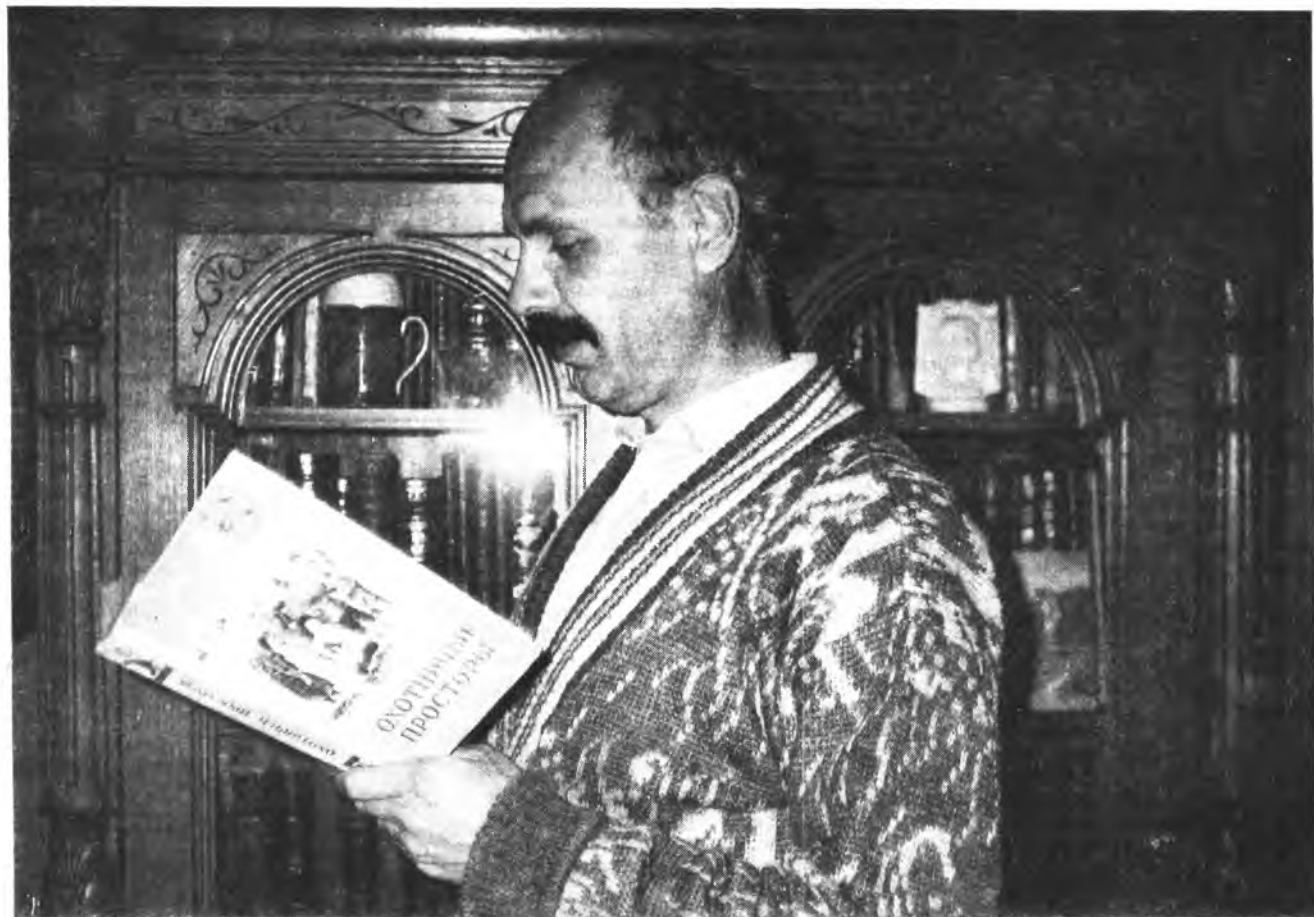

Собиратель

ИНТЕРВЬЮ С М. В. БУЛГАКОВЫМ

ОХОТНИЧЬЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В 1988 году в журнале «Охота и охотничье хозяйство» появилась небольшая статья М. В. Булгакова под заголовком «Счастливая находка». Ее автор сообщал, что ему удалось обнаружить неизвестную книгу-конволют (сборник, со-

На первой странице обложки: Ранней весной у многих видов копытных животных начинают расти рога — так называемые пеньки.

Фото Л. Бойченко

охота

и охотничье хозяйство

3 1988

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,
Союз общества охотников и рыболовов РФ.

• Основан в октябре 1955 г.

ставленный из ранее изданных произведений) А. А. Черкасова «На Алтае». Из записок Сибирского охотника.

Это было первое печатное выступление М. В. Булгакова, но вскоре за ним последовали новые, и стало очевидным, что для наших читателей счастливой находкой оказался и сам автор статьи — он сумел занять почти пустующую в журнале «экологическую нишу», став одним из наших главных книговедов и книгоописателей.

Со времени первой публикации на страницах журнала увидели свет более тридцати его оригинальных работ, без которых журнал был бы заметно беднее. Все опубликованные М. В. Булгаковым материалы можно, при желании, разложить по нескольким тематическим «палочкам».

Собиратель, хранитель и исследователь охотничьей литературы, М. В. Булгаков познакомил нас со многими произведениями почти забытых охотничьих литераторов прошлого и с их биографиями, а также с малоизвестными охотничьими публикациями широко известных и даже знаменитых писателей. Достаточно назвать имена М. П. Вавилова, Флегонта

Арсеньева, А. Н. Савельева, А. И. Комарова, Л. Д. Александрова, Н. А. Лейкина, Алексея Чапыгина, В. Я. Шишкова, Гр. Федосеева, Ю. М. Смелницкого, Е. Н. Опочинина, И. А. Садова, чтобы увидеть, насколько публикации о них М. В. Булгакова расширили наши знания об охотничьей литературе.

Большой ценитель не только книг охотничьего содержания, но и богатейшей охотничьей периодики, он возвратил из небытия, воскресил в нашей памяти многие охотничьи газеты, журналы и альманахи.

Почетное место в его творчестве я бы отвел статье-исследованию «Царская охота» (№ 10, 1994 г.), где впервые с такой глубиной и любовью к антикварной книге рассказано об одном из самых изумительных охотничьих изданий старой России.

И он же поместил у нас несколько превосходных художественных очерков: «На грязи», «Самотопом», «По сталинским местам», «В недорубах». Они свидетельствуют не только об умении автора находить самые точные и нужные слова, о его природном чувстве слова, но и о серьезном постижении «буквы и духа» благородной охотничьей страсти.

Кто же он, М. В. Булгаков, где и кем работает, чем увлекается!

Михаил Васильевич Булгаков родился в Москве в 1954 году. Окончил факультет инженерной геодезии Московского землеустроительного института — одного из старейших высших учебных заведений России. Нашим читателям будет приятно узнать, что первым директором этого института был «патриарх русской охоты» сам Сергей Тимофеевич Аксаков.

Вот несколько извлечений из автобиографических заметок, написанных по нашей просьбе.

«Работал топографом, начальником изыскательных партий, в настоящее время — сотрудник научно-исследовательского института... Только по амурской тайге и болотам прошел и проехал на вездеходе больше тысячи верст.

Детство провел в столичном пригороде, в те годы зайцы, перепелки и коростели жили на лугу в сотне метров от дома.

Охотников в семье не было, зато компания школьных друзей подобралась такая, что охотиться просто заставляли бы. Но меня и не надо было заставлять. Охотничьи вылазки

— Михаил Васильевич, Вы, несомненно, один из наиболее матерых охотничьих библиографов и целеустремленных собирателей охотничьей литературы в нашей стране. Откуда в вас эта страсть к охотничьей книге и ее коллекционированию! Может быть, Вы помните ту первую книгу, которая оказала на Вас влияние и в дальнейшем, возможно подсознательно, побудила Вас к собиранию библиотеки!

— Помню, всю жизнь буду помнить! Эта книга — «Лесная газета» Виталия Бианки с иллюстрациями художника Курдова. Для пацанов моего поколения «Лесная газета» была восторгом и блаженством. Герои Кулера и Майн Рида жили далеко, за океанами, а зверюшки и птицы из «Лесной газеты» — рядом, стоило только выйти за порог или на крыльцо дома. Виталий Бианки был охотником, и вся его книга насквозь охотничья, но с любовью, бесконечной любовью ко всему живому. До сих пор считаю «Лесную газету» лучшей книгой для мальчишек, но что-то не видно ее на сегодняшних богатых книжных прилавках.

Вообще говоря, в приглашении книголюба для беседы кроется большой риск — разговор о литературе может получиться бесконечным. Но,

помню с двенадцати лет. Деньги (10 рублей) на свое первое ружье мастерски выиграл в мальчишескую игру «расшибалку».

На охоту предпочитаю ездить в северный край — вологодский, архангельский. Любимая охота — на весенней вальдшнепной тяге и глухариных токах.

Заветные увлечения — охота, чтение и собирание охотничьей литературы».

Первую и, кажется, единственную попытку периодизации истории русской охотничьей литературы предпринял охотовед Д. К. Соловьев. Историю русской охотничьей литературы он разделил на три «довольно характерных периода»: с 1635 по 1852 год — первый период, с 1852 до 1918 — второй период и после 1918 года — третий.

Началом первого периода Д. К. Соловьев считал появление «первого обстоятельного сочинения по охоте на русском языке»: «Регул (т. е. устав), принадлежащий до псовой охоты» [1635].

Второй период ведет начало с публикации «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова. Третий — с июня 1918 года, с выхода первого охотничьего журнала революционного времени «Охота для всех».

Первый период, как писал Д. К. Соловьев, «характерен ничтожным количеством изданий по охоте [около 15]». К 1896 году, по данным С. В. Безобразова, было издано уже около 300 охотничьих сочинений, а к концу 1911 года, по Д. К. Соловьеву, «цифра эта перевалила за 1000».

За какие тысячи перевалила цифра охотничьих произведений, изданных к 1995 году, не знает никто.

К счастью для нас, на смену знаменитым библиографам прошлого пришли новые знатоки и собиратели охотничьей литературы, талантливые и образованные библиофилы: Олег Алексеевич Егоров, Михаил Васильевич Булгаков, Борис Иванович Марков — продолжатели традиций бескорыстных хранителей книжных сокровищ России, просветители и мечтатели.

М. В. Булгаков, постоянный автор журнала и член его редакционной коллегии, любезно согласился ответить на наши вопросы.

О. ГУСЕВ

чтобы больше не возвращаться к «первой охотничьей книге», расскажу еще вот о чем. В детстве я часто бывал у своего друга, отец которого выписывал «Охоту и охотничье хозяйство». Красочная обложка сразу же бросалась в глаза — журнал лежал в доме повсюду. Секрет журнальной «экспансии» я узнал позже — жене охотника было запрещено не то чтобы складировать журналы в шкафах или — Боже упаси! — выкинуть, жене было запрещено прикасаться к ним. Это не шутка, какие могли быть шутки, если на цветную фотографию любимых охотником гончих однажды опустилась горячая сковорода с картошкой! Наверное, именно тогда я понял, что охота и охотничья литература — дело серьезное, мужское.

А истоки привязанности к охотничьей литературе надо искать в любви к охоте, — охотники неравнодушны ко всему, что связано с любимым занятием. Кто-то часами вертит в руках ружья и ножи, мастерит чучела, кто-то вырезает из дерева фигурки животных или печатает фотографии после очередной охотничьей вылазки. А я отношусь к тем, кто, помимо охоты, любит читать книги о ней. И поскольку охотничьи книги в магазинах редкие гости, поневоле пришлось заниматься их поиском, собиранием.

Тяга человека к собирательству (разумеется, не денег) общеизвестна, но книжники всегда стояли особняком, собирание книг — сильнейшая человеческая страсть со времен изобретения письменности. Из истории мы знаем о знаменитых книжных собраниях, например о сгоревшей Александрийской библиотеке и бесследно исчезнувшей библиотеке Ивана Грозного.

Охота в чистом виде занимает не так много времени в жизни охотника, но он не желает с этим мириться, и книги помогают ему продлить счастливые охотничьи мгновения.

Знакомые, увидев у меня дома множество охотничьих книг, часто удивляются: «Неужели ты все прочитал?» Конечно нет, и вовсе не из-за лени или отсутствия любви к охоте. Если имеются в виду бесчисленные справочники и руководства, то ларчик открывается просто: есть книги оригинальные, написанные автором, и есть книги, составленные «автором». О последних (их очень много) сказать нечего, а читать первые — одно удовольствие, их авторы — Мачеварианов, Алфераки, Кишенский, Зворыкин. Желание познакомиться с трудами этих авторов было еще одной причиной моих книжных поисков. Поверьте,

это очень увлекательное занятие, иногда собирателя ждут находки и настоящие открытия. Буквально два года назад в редчайшем журнале «Охотник» (1887—1888 гг.) удалось обнаружить неизвестные ранее специалистам «Воспоминания» А. А. Черкасова. Они готовились к переизданию, но так и не были напечатаны.

Считаю, что книга и в конце XX века остается главным источником знаний, особенно в России. Это враки, что наша страна якобы только «была» самой читающей. Была, есть и, надеюсь, будет. И не только самой читающей. Достоверный факт, что половина американских школьников уверена, что Америка в последнюю мировую войну воевала против Гитлера и Сталина, а ведь в Америке в 20 раз больше, чем у нас, телевизоров, компьютеров, автомобилей и газоносилок.

Видит Бог — я не хочу надоедать читателям журнала нравоучениями. Но все же: к вам обращаюсь не как телевизионный проповедник, а как собрат по оружию — не уподобляйтесь американцам, любите литературу, особенно охотничью!

— Вы не пытались сосчитать, сколько всего названий в Вашей библиотеке!

— Ответить на этот вопрос нелегко. Дело в том, что моя библиотека постоянно пополняется и, словно живой организм, изменяется. Какие-то книги, особенно старинные журналы, приходится обменивать с другими книжниками, с чем-то, по недостатку места, расстаюсь.

Составлять исчерпывающую карту всех имеющихся у меня книг и подводить черту я пока не тороплюсь, к тому же практически наизусть помню название, автора и год издания каждой из стоящих на моих полках книг. Еще скажу, что в моем собрании около двухсот отдельных изданий и переплетенных в тома журналов, вышедших в России до 1917 года.

Между прочим, уважающий себя книжник никогда не гонится за количественными показателями своей библиотеки. Собрать в наше время все охотничьи книги на русском языке — задача абсолютно невыполнимая, хотя, скажем, дореволюционных изданий существует сравнительно немного. Н. Ю. Анофриев указывал (1905 г.), что в его библиотеке было около тысячи книг охотничьего содержания, но в их число он включал книги по рыболовству, певчим птицам, зоологии и, отчасти, географии. Думается, что и охотовед Д. К. Соловьев, собравший к 1929 году в своей библиотеке почти две тысячи охотничьих книг (существовал ли каталог его библиотеки?) и сообщивший об этом в «Основах охотоведения» (ч. 5, 1929 г.), имел в виду не только книги об охоте в обычном понимании.

— По свидетельству Д. К. Соловьева, до 1852 года увидело свет все-

го около 15 отдельных изданий по охоте. Так ли это! Какие из этих антикварных книг есть в Вашей библиотеке!

— Соловьев ошибался. К счастью, таких изданий значительно больше — около тридцати, правда, некоторые книги издавались дважды. В том, что касается антикварных изданий, ошибался не только Д. К. Соловьев, допускали неточности обладатели огромных библиотек Л. П. Сабанеев и Н. Ю. Анофриев, а в советское время — знатоки охотничьей литературы Н. П. Пахомов, Н. П. Смирнов, В. Г. Холостов. Для меня это необъяснимо, неужели только в наше безалаберное время появились «лодыри» вроде меня и Олега Егорова из Петербурга, которые могут целыми днями просиживать в фундаментальных книгохранилищах за изучением старых книг? Однажды я кому-то в шутку сказал, что женатым людям зани-

маться такими «пустяками» некогда, а я и Егоров — холостяки.

На самом деле причина ошибок уважаемых библиофилов кроется в исключительной редкости антикварных охотничьих книг (их тиражи, по всей видимости, не превышали 600 экз.). Поясню, что машинное производство книг в России было налажено только в 50-е годы прошлого столетия, а до того все книги печатались кустарным, ремесленным способом, мизерными тиражами. Именно поэтому книги, вышедшие до 1850 года (частично и в 50-е годы), принято называть антикварными. Время их выпуска по случайному совпадению приходится на так называемый «доаксаковский период» в истории охотничьей литературы.

О редкости антикварных изданий говорят многие свидетельства. В 1846 году вышла книга «Псовая охота». Ее автор Н. М. Реутт, человек в охотничьей литературе не случайный (он был первым редактором «Журнала коннозаводства и охоты»), считал, что первая охотничья книга в России появилась в 1810 году, то есть ему ничего не было известно о целом десятке книг, изданных до 1810 года!

Далеко не все антикварные издания удалось разыскать самым крупным библиофилам дореволюционной России Л. П. Сабанееву, С. В. Безобразову и Н. Ю. Анофриеву.

До сей поры ряд антикварных книг отсутствует в самом крупном книгохранилище страны — Российской государственной библиотеке (бывшей «Ленинке»).

Названия большинства антикварных книг можно обнаружить в «Указателях» Сабанеева и Анофриева, но лишь совсем недавно Олег Егоров («Наша охота», вып. 7, 1989 г.) свел эти издания в единый список, расположив их в хронологическом порядке.

Долгое время я считал, что собрать все антикварные книги об охоте в наше время невозможно, но несколько лет назад узнал, что в 80-е годы в Москве умер, наверное, самый великий охотничий книголюб России, которому удалось собрать все книги XVIII века и большинство вышедших до 1850 года. Его библиотека не была рекордной по количеству книг, но по наличию книжных редкостей равных себе не знала, больше того, некоторые редчайшие книги были в его библиотеке в двух экземплярах!

Ну, а мне пока удалось «раскопать» следующие антикварные книги: 1. «Достаточный егерь или стрелок» (1774 г.); 2. Левшин В. А. «Совершенный егерь» (Изд. 2-е, 1791 г., т. 1—2); 3. «Карманная книжка для егерей и птицеловов» (1822 г.) — из 6-ки Сабанеева; 4. М. М. «Егерь, псовый охотник и стрелок» (1838 г.) — из 6-ки Сабанеева; 5. Реутт Н. М. «Псовая охота» (1846 г.); 6. Венцеславский А. М. «Псовая охота вообще» (1849 г.);

7. Патфайндер «Егерские записки» (1851 г.) — из б-ки Сабанеева.

— Вы, конечно, знакомы с наиболее полными библиографическими указателями русской охотничьей литературы!

— Последний подобный указатель, наиболее полно отразивший литературу советского периода, был составлен С. Д. Перелешиним в далеком 1950 году («Календарь охоты», изд. 2-е, 1953 г.). Классических же указателей дореволюционной литературы существует два: 1. Л. П. Сабанеев «Указатель книг и статей охотничьего и зоологического содержания» (1884 г.) — недавно переиздан с сокращениями; 2. Н. Ю. Анофриев «Русская охотничья библиотека. Полный список книг и брошюр с краткими о каждой из них отзывами» (1905 г.) и его же «1-е Дополнение к «Русской охотничьей библиотеке» (1911 г.). Квалифицированный указатель, особенно по литературе 1917—1929 гг., содержится в «Основах охотоведения» Д. К. Соловьева (ч. 5, 1929 г.).

Самый большой пробел в охотничьей библиографии — отсутствие полного свода всех книг охотничьего содержания, вышедших в России после революции. Выполнить эту гигантскую работу одному человеку сейчас не под силу (понадобятся годы), что лишний раз доказывает: такие люди, как Л. П. Сабанеев, рождаются один раз даже не в столетие.

Для начинающих или молодых книголюбов порекомендую обзорные, очень полезные статьи об охотничьей литературе Н. П. Смирнова («Охота и охотничье хозяйство», 1967, № 7, 8; 1977, № 11) и Ю. Н. Миленушкина («Охотничьи просторы», № 6—10, 13, 14; «Боец-охотник», 1938, № 11).

— Кого из наших современников Вы бы могли причислить к собирателям охотничьей литературы? Где, у кого, в каких государственных или частных библиотеках хранятся наиболее значительные собрания охотничьей литературы!

— Только не «скупых рыцарей», прячущих книги в сундуки и в одиночестве наслаждающихся своими сокровищами. Не могу назвать знатоками и тех, кто знаком с литературой по библиографическим указателям. Настоящий книжник должен непременно поддерживать книгу в руках, ощутить ее запах, познакомиться с содержанием.

Оценивать старые книги можно по-разному: как материальную, эстетическую, духовную — какую угодно ценность, но по мне книга в первую очередь ценна культурная, источник знаний, а уж затем — все остальное. Собирателей, разделяющих мое мнение, большинство, даже если речь идет не о библиофилах, а об обычных любителях охотничьей литературы, каковыми являются многие охотники. Трудно встретить охотника, у кото-

рого на книжной полке не красовалось бы несколько книг и брошюр по охоте, не лежала бы в столе стопка охотничьих журналов. Иное дело, что им редко удается пополнять свои домашние библиотеки — у кого-то недостает времени, средств, а многие попросту лишены этой возможности — в магазинах пусто. Вот когда при всех этих невыносимых, непреодолимых препятствиях охотник все же ухитряется разыскивать охотничьи книги, именно тогда рождается охотник-библиофил.

Некоторые собирают все, что попадает под руку, кто-то — только книги по охотоведению или только собаководству, оружию, беллетристике. На мой взгляд, уважения заслу-

живает каждый, кто бережно относится к охотничьим книгам, но я знаю немало любителей, которым после многолетних поисков удалось собрать прекрасные библиотеки, насчитывающие не одну сотню томов.

Перечисление их фамилий заняло бы много места, скажу лишь, что далеко не всегда здесь играет роль образовательный ценз или положение владельца. Еще больший круг библиофилов существовал в старой России. По моим прикидкам, в него входило очень значительное число охотников — сужу по индивидуальным переплетам и владельческим знакам имеющихся у меня и других собирателей старых книг. Как правило, хорошие переплеты стоили дороже самих книг.

До революции богатые библиотеки были созданы в охотничьих клубах, обществах, некоторых воинских частях, губернских культурных учреждениях. Все эти собрания постигла незавидная судьба: после 17-го года они были разграблены, растащены, сожжены или просто сгнили, их участь должна стать предметом отдельного исследования, ведь речь идет о невосполнимых культурных потерях.

Нельзя не упомянуть и о военном лихолетье. В блокадном Ленинграде коченеющие от холода люди топили буржуйки не только старинной мебелью, но и книгами — у кого поднимется рука бросить в них камень? Не до книг было и в послевоенные годы.

Но не все так мрачно с нашим книжным наследием. К счастью, в крупнейших книгохранилищах страны (Рос. гос. б-ка — бывш. им. Ленина; Б-ка АН; Гос. публ. б-ка; Гос. публ. истор. б-ка) сосредоточено подавляющее большинство книг охотничьего содержания, изданных на русском языке со второй половины XVIII века. Однако и в этих фундаментальных библиотеках имеется изрядное количество белых пятен. Давно уже нам пора последовать примеру немцев, еще в 70-е годы осуществивших факсимильные издания охотничьих книг-раритетов на немецком языке, сохранившихся в единичных экземплярах.

Большие собрания в первую очередь охотоведческой литературы хранятся в библиотеках Росохотрыболовсоюза, ВСИЗО, ЦНИЛ, ВНИИОЗ, Ленинградского общества охотников. С горечью надо признать, что не было издано, не существует в природе печатных каталогов этих библиотек. Полагаю, что их современное издание спасло бы эти библиотеки от преждевременной гибели, закрыло лазейки для обычных жуликов и официальных приватизаторов. Перечисленные библиотеки — достояние всех охотников России, хотя справедливости ради надо отметить, что многие фундаментальные книгохранилища для рядовых охотников остаются недоступными — по своему статусу или местонахождению.

— Как Вы пополняете свою библиотеку? Были ли у Вас в последнее время счастливые букинистические находки!

— В начале века Н. Ю. Анофриев, поучая начинающих собирателей, советовал «периодически просматривать в букинистических лавках пачки старых книг и, не раскрывая карты перед продавцами, отбирать то, что им нужно». Благословенное время! «Пачки старых книг» снились мне часто, но наяву за двадцать лет я встречал их в магазинах всего два-три раза, причем книги были именно старыми, а не старинными. Обычно на вопрос об охотничьих книгах букинисты отвечают односложно: «Бывают, но очень редко». И тут же добавляют: «Их сразу же покупают».

Наверное, не одну сотню километров исходил я по Москве от одной книжной лавки к другой в поисках охотничьих книг и журналов. Лет десять потратил только на то, чтобы собрать и переплести все комплекты «Охоты и охотничьего хозяйства». Наш журнал в лести не нуждается, но должен сказать, что почти сорок солидных томов — зрелище грандиозное.

А содержание журнала не заменят никакие энциклопедии, настоящие и будущие. В этих томах — история нашей охоты за минувшие 40 лет, бездна сведений об охоте и животных, тысячи рассказов и стихотворений. Горжусь тем, что собрал все журналы, потому что не все охотники более старшего поколения могут похвастаться полной подборкой «Охоты и охотничьего хозяйства». Но это к слову, к тому, чтобы охотники берегли наш журнал для будущих поколений, так же как берегли наши деды и прадеды сабанеевскую «Природу и охоту», любовно переплетая журналы в добротные переплеты.

Говоря о способах пополнения библиотеки, надо сказать, что последние годы для меня, как для библиофила, были счастливыми. Мне удалось приобрести книги, об обладании которыми я не смел думать в самых смелых мечтах. Похвастаюсь двумя рукописными книгами середины XVIII столетия, несколькими книгами из знаменитой библиотеки Л. П. Сабанеева, годовым комплектом «Журнала охоты» Г. Мина за 1860 год, фолиантом «Охота в Беловежской Пуще» издания 1862 года (не путать с альбомом «Беловежская Пуща» 1903 г.). Буквально в прошлом году в мои библиофильские сети угодили еще две диковинные «рыбины» — нумерованный экземпляр (№ 9) книги А. А. Ширинского-Шихматова «По медвежьим следам...» и первое издание «Записок мелкотравчатого» (1859 г.) Е. Э. Дрянского. Кстати, последняя редчайшая книга была мне подарена хорошим и добрым человеком, — это к вопросу о том, как пополняется библиотека.

— Не могли бы Вы назвать самые замечательные, на ваш взгляд, русские охотничьи издания!

— Если имеется в виду культурная, историческая, научная ценность книг, то, вне всякого сомнения, в эту категорию надо зачислить все рукописные и первые, изданные в XVIII веке книги по охоте, большинство редчайших книг, появившихся в «доаксаковский» период.

Все перечисленные книги относились библиофилами к разряду «замечательных» еще в прошлом веке, что же говорить об их сегодняшней оценке? К тому же разряду я отнес бы прижизненные издания С. Т. Аксакова, А. А. Черкасова и Л. П. Сабанеева. Сейчас книги Сабанеева тиражируются (и слава Богу!) сотнями тысяч, но я установил, что его первые монографии, изданные в 70-е годы XIX столетия, были выпущены следующими тиражами: «Соболь и соболиный промысел» — 500 экз., «Тетерев-косач» — 700 экз., «Глухой тетерев» — 500 экз., «Рябчик» — 300 экз. Как же не считать замечательными чудом уцелевшие до наших дней экземпляры! То же можно сказать и о дореволюционных изданиях Ю. М. Смелъницкого, отпечатанных в Казанской университетской типографии мизерными тиражами от 250 до 600 экземпляров.

Несомненна ценность роскошных, выдающихся в полиграфическом плане книг — «Царской охоты», «Охоты в Беловежской Пуще» и просто «Беловежской Пущи», «Гусей России» С. Н. Алферки и ряда других.

А разве можно не упомянуть «Обзор промысловых охот в России» А. А. Силантьева и пять томов «Основ охотыведения» Д. К. Соловьева, изданных уже в советское время?

Ну, а если под замечательными подразумевать охотничьи книги литературного содержания, то разговор может затянуться на неопределен-

ный срок — настолько огромна страна «Охотничья литература». Утверждаю это не как прожженный антикварий, но как обычный читатель. Русская охотничья художественная литература — явление вообще уникальное. Это не квазипатриотизм. Известно, что в западных странах рукописные трактаты и печатные книги об охоте появились раньше, чем в России. Известно, что в тех же странах еще с прошлого века регулярно выходят журналы, но что в них печаталось? Давайте послушаем авторитетного читателя этих журналов, европейски образованного, владевшего многими языками. Итак, слово П. М. Мачеварианову: «Соберутся французы на охоту в предместье, подстрелят или загонят пару-тройку диких кроликов, выпьют вина, — вот и готов охотничий рассказ, а то и повесть». Да, были в мировой литературе охотники Лонгфелло и Майн Рид, Хемингуэй и Фолкнер, были Хантер и Корбетт, но только в России почти вся классическая литература всегда жила бок о бок с охотой. Едва ли не единственное исключение — урбанист Достоевский. Ну, может быть, еще Максим Горький, которому из-за неустанных литературных трудов охотиться было просто недосуг. Но и он в письмах к писателю Алексею Чапыгину живо интересовался промыслом белки в Олонецкой губернии. Почти все русские литераторы были сплошь охотники и писали об охоте. Эта славная традиция продолжалась и в советское время, ослабев лишь в последние 10—20 лет. Но разве не примечательно появление именно в этот период повествования Виктора Астафьева «Царь-рыба» и романа Андрея Скалона «Панфилич и Данильч»?

И все-таки, поскольку вначале был задан вопрос о «самых-самых» охотничьих книгах, отвечу, что, когда буду помирать, положу рядом с собой книги Аксакова, Черкасова и Дрянского, — они были охотниками с большой буквы!

— Вы не только хранитель охотничьей литературы, ее собиратель и исследователь, но и редактор, прекрасно владеющий русским языком. Что Вы пишете в настоящее время! И на что может рассчитывать читатель нашего журнала!

— Интересных, а порой и острых тем, связанных с охотничьей литературой, хватает, хватило бы только сил выполнить задуманное. Мне все же кажется, что, несмотря ни на что, именно сейчас наступило время, когда в нашу охотничью литературу пусть не в одночасье, но обязательно вольются свежие силы, новые энергичные и способные, болюющие за наше охотничье дело люди. Вот и будем сообща закрывать белые пятна в истории нашей охотничьей культуры, не причитать над ущербностью и убожеством нашего прошлого и настоящего, а пропагандировать ценности, которыми мы вправе гордиться.

Позвольте мне отшутиться и рассказать маленькую историю о том, почему я «прекрасно владею русским языком»? Еще в школе, занимаясь зубрежкой грамматических правил, я понял, что никогда их не выучу и русским языком «прекрасно» не овладею. Поэтому решил словчить и впредь старался не употреблять в сочинениях слова и предложения, правописания которых не знал. Результат не замедлил сказаться — двойки в моем дневнике исчезли. А если говорить серьезно, то свои литературные опыты я оцениваю весьма скептически, об их достоинстве пусть судят читатели. Это не кокетство, любой здравомыслящий человек (если он не гений), воспитанный на русской и мировой классике, иначе, как без чувства самоиронии, просто не имеет права садиться за письменный стол. Уж на что не был обделен талантом и амбициями Владимир Набоков, а и он до конца своих дней не изжил комплексы перед гением Пушкина и Лермонтова — в поэзии и Гоголя с Толстым — в прозе. Что же толковать о простых смертных, готовящих материалы для охотничьего журнала?

Главная тема моих очерков, моя любовь и боль — наш Русский Север, с которым я знаком почти четверть века. Но с удовольствием читаю рассказы об охотах на Дальнем Востоке, в сибирской и уральской тайгах, южных степях — Россия большая. И я, как всякий русский человек, горжусь тем, что Россия не кончается за порогом моего дома, и не понимаю, не приемлю тех людей, которые отстраненно и брезгливо говорят, что они вынуждены жить в «этой стране». Собственную мать не выбирают.

Вообще я считаю, что бытие каждого культурного охотника зиждется на трех китах: любви к Отечеству, любви ко всему живому и любви к печатному слову об охоте. Все остальное, как говорится, приложится. И не надо стыдиться якобы двусмысленности в том, что любящий природу человек отправляется в леса и поля с ружьем — вся наша жизнь соткана из противоречий. Но если охота — один из способов общения с природой, то я двумя руками голосую за охоту. Всякий охотник знаком с чувством, которое он испытывал, бродя с ружьем: вокруг — ни души, лишь одна душа — охотничья и та покидает в такие моменты брэнное тело и парит высоко над землей и земными заботами. Но где же все те, кто, зная об этом, осуждает охотников за это общение? Известно где — в мягких креслах у телевизора. Нет и не может быть настоящей любви к живому «по телевизору», все охи и ахи у голубого экрана не что иное, как суррогат чувств. Мороз должен щипать щеки, ветер трепать волосы, а запахи леса шкелотать ноздри. Но наяву, взаправду.

Возвращаясь к теме разговора, напомню, что не телевизор, а только

литература, сильная литература способна пробудить в человеке подлинные чувства. К тому же русская литература испокон веку была гуманной. Макиавелли, маркиз де Сад и Ницше повывились не в России...

— **Глубокий знаток охотничьей литературы, Вы познакомили читателей нашего журнала со многими несправедливо забытыми произведениями охотничьих писателей. На знакомство с какими новыми именами мы можем рассчитывать в ближайшие годы?**

— По-моему, эта оценка завышена. Надо быть самонадеянным человеком, чтобы признать себя всезнающей. А что на это скажет петербургский знаток охотничьей литературы Олег Егоров, познания которого простираются подчас до неведомых мне пределов? Поверьте мне на слово, Егоров еще не раз порадует нас своими оригинальными и глубокими исследованиями в самых неожиданных областях российской охотничьей культуры.

Наш журнал всегда славился тем, что на его страницах находилось место для публикации произведений забытых авторов. Как человек, увлекающийся охотничьей литературой, даже и не знаю, радоваться мне или сокрушаться от того, что в 50—60-х годах Н. П. Смирнов, Н. П. Пахомов и Е. Н. Пермитин уже «открыли» для читателей наиболее талантливых писателей прошлого. Но, зная, какое богатое литературное наследство оставили нам предыдущие поколения, я уверен, что старые и любимые мною друзья-книжки не подведут — в них непременно отыщутся новые яркие имена, новые увлекательные рассказы. Надеюсь, что и читателей заинтересуют истории, давным-давно приключившиеся с нашим братом-охотником. Ну, а что это за истории — пусть пока останется тайной.

— **Дорогой Михаил Васильевич! Вам, конечно, известна одна печальная и разоружающая мысль: если бы молодость знала, если бы старость могла, и все же мне захотелось напомнить о ней, хотя к Вам она пока никаким боком не приложима.**

Ведь Вам всего-то сорок лет — благословенный возраст для творческой деятельности. За 20 лет книжного собирательства Вы накопили большой опыт и глубокие знания и Вам еще очень далеко до ветхозаветных премудростей из ряда «нет ничего нового под солнцем» и «все суета сует и всяческая суета».

Мы очень надеемся на Вас. Мы ценим Ваше участие в работе журнала, верим в еще более плодотворное сотрудничество.

Желаем Вам новых счастливых находок, ждем новых изысканий на прищипке охотничьей библиографии, достопримечательных публикаций на наших страницах.

Большое спасибо за содержательную беседу.

В. ЩЕРБАКОВ

В марте, особенно в его начале, наступает самое критическое время для копытных животных. Еще глубокий снег, но под теплыми лучами солнца он начинает проседать, а после ночных морозов покрывается плотной коркой наста, ранящего ноги копытным. Волки же передвигаются по насту очень легко, не проваливаясь в снег. Их жертвами в это время становятся вполне здоровые и сильные животные. Поэтому март — время, когда борьбе с волками необходимо уделять повышенное внимание.

Ниже мы публикуем статью об охоте на волков в марте старейшего организатора охот — Василия Петровича Щербакова, почти всю жизнь проработавшего в Завидовском охотничьем хозяйстве. Обучать молодежь практике охот, проводить семинары с работниками других охотничьих хозяйств он выезжал в командировки в разные районы страны. По многим причинам, о которых мы еще расскажем, В. П. Щербакова можно было бы назвать главным егерем России.

В феврале—марте на волков в лесной зоне России чаще всего охотятся с флажками. При этом, поскольку у хищников это время гона, в окладе иногда оказывается лишь матерая пара. Случается это по разным причинам: и тогда, когда старые волки остаются без молодых, и в тех ситуациях, когда матерый держит прибитых и переезжает на некотором расстоянии от себя. В типичном случае вся семья волков охотится вместе. Очередность по старшинству соблюдается лишь при пожирании добычи. Но бывает и так, что глава семьи сразу после удачной охоты отгоняет молодых на почтительное расстояние, а те возвращаются, да и то не всегда, лишь после того как старшие, насытившись, отправятся на отдых.

Во время одной из организованных мною охот был такой случай, когда матерые оказались внутри оклада, а молодые на значительном расстоянии за его пределами. Первыми далеко за пределами оклада завали молодые, потом им откликнулись старики. Некоторое время так они перекликались. Ни те, ни другие не рискнули идти навстречу друг другу. Старики были отстреляны, а молодым удалось уйти.

Эпизод этот свидетельствует о том, насколько большую бдительность нужно проявлять при первом же обнаружении следов серых хищников. Если в лесной массив вошли только два волка, обследовать желательно и прилегающие места. Первый круг от входного следа нужно делать как можно больше, чтобы не упустить всю семью. Если волки вышли из этого круга, объезд их или обход нужно делать еще дальше, пока звери не окажутся внутри круга. В дальнейшем очень многое зависит от орга-

НА ВОЛКОВ С ФЛАЖКАМИ

Встречи
со старым
волчатником

низатора охоты, от его знания повадок волков и местности. Но даже опытный окладчик не всегда может предвидеть, где лягут на дневку волки. Поэтому вопреки обычным рекомендациям флажки нужно брать в расчете не на четыре, а на все восемь километров. В моей практике были охоты, когда окладывать флажками приходилось не один, а сразу два квартала (2 км²). Позже, в процессе самой охоты, ориентируясь на следы зверей, площадь оклада можно было сокращать.

В феврале, особенно в глубоком снежном, волки ходят значительно меньше и ложатся подчас в самых неожиданных местах: среди лесоповала, вблизи дорог... В марте, когда пригревает солнце, они любят погреться и чаще выбирают моховые и клюквенные болота с редким и чахлым сосняком, редины, лесные поляны... Ружье егеря во время обходов должно быть обязательно заряжено картечью, так как вовсе не исключены случайные встречи с волками. Так, например, один из егерей во время метели, дувшей ему навстречу, убил двух волков, лежавших у просеки. Еще один случай, хотя и не относится к марту, все-таки показателен. Знакомый мне егерь убил волка, подкрадывавшегося к тетеревиному току.

Вообще же опытные волчатники знают, что обычно волки так привыкают к одним и тем же местам дневков, что создается впечатление, будто места эти передаются у хищников из поколения в поколение по наследству.

Я не стану здесь рассказывать, как и из чего делаются флажки, — старые охотники это знают сами, а молодые пользуются флажками готовыми. Забавно, интересно и поучительно то, что однажды при нехватке флажков мы заменили их снятыми со всех участников охоты портянками. Из оклада не ушел ни один из волков.

Развешивать флажки следует так, чтобы волки их замечали на некотором расстоянии. При этом в начале развешивания флажков необходимо следить за движением воздуха, чтобы запахи не шли внутрь оклада.

Развешивание флажков конечно же нужно проводить бесшумно, ни в коем случае в это время нельзя курить. Хищников, как говорится, можно подшуметь, и тогда прощай вся трудоемкая подготовка к охоте. Однако, по моим наблюдениям, чаще окладывание волков срывается по другой причине. Дело в том, что молодые ведут себя всегда более подвижно, более нервно. Я бы сказал, что старики осмотрительнее, а молодые трусливее, но трусость их часто врывается, — они неожиданно могут подняться с лежки и увлечь за собой матерых.

Загонщики внутри оклада должны вести себя очень сдержанно. Иногда достаточно бывает даже одного загонщика. Чем аккуратнее волки идут вдоль линии флажков в поисках выхода. Чем аккуратнее загонщики, тем уверенней можно оставлять волков в загоне на ночь. Убедившись, что люди им не угрожают,

пройдя вдоль флажков и не найдя выхода, они снова ложатся. И наоборот, в случаях напористого гона хищники могут уйти через флажки. Особенно часто во время шумного гона это происходит в местах, где развешанные флажки образуют углы или довольно крутые закругления. В таких местах волки уходят за флажки не потому, что они очень опытные, а под влиянием крайнего испуга, безвыходности. Хотя попадают, конечно, и очень опытные волки. Так, например, в одну из зим в центре Завидовского хозяйства, близ сторожки известного егеря — Михаила Громова хозяйничала волчица, которую мы прозвали «подсадной». В течение зимы в окладах с нею было убито четыре волка, а она все время уходила.

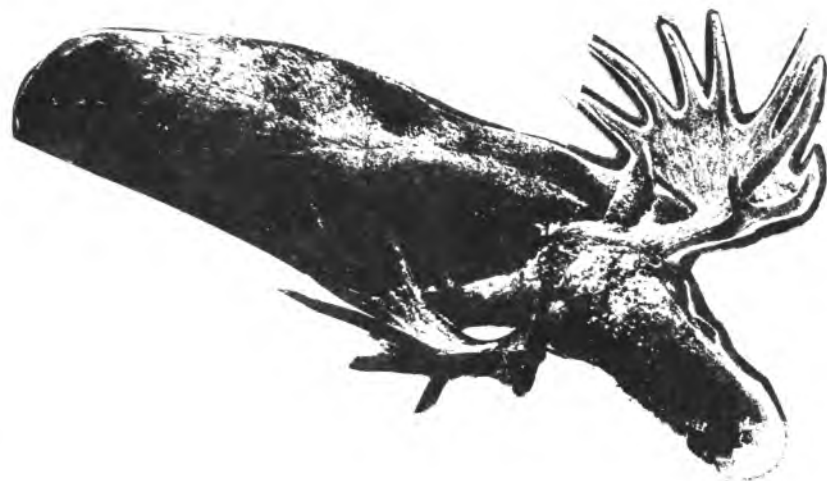
Опытный окладчик, организатор охоты заранее проинструктирует стрелков и расставит их на верных местах. Стрелки же должны вести себя абсолютно бесшумно, и от них как можно меньше должно исходить запахов (табака, потной одежды...). В противном случае волки будут обходить таких стрелков вне выстрела.

В недавнем прошлом именно в марте, когда на дневку волки предпочитают ложиться на открытых местах, практиковалась охота на них с самолета. Теперь это, наверно, слишком дорогое удовольствие.

Скажу еще раз, успех охоты на волков в огромной степени зависит от ее организатора. Опытный егерь, хорошо знающий территорию своего охотничьего хозяйства, может предвидеть направление передвижений волков, ведь волки знают все места концентрации копытных животных, с особым вниманием относятся к подкормочным площадкам и их ближайшим окрестностям, осторожно подходят к местам, где обычно жируют лоси. Опытный егерь может правильно определить величину контрольного круга, который необходимо проделать от входного следа. У него под особым контролем традиционные места дневков хищников. При этом опытный егерь будет вести себя так, чтобы не вызвать ни малейших подозрений у волков. Вот почему случайные выезды на охоту на волков неподготовленных городских коллективов, как правило, заканчиваются неудачами. В принципе я не против таких выездов, но охота для выезжающего коллектива должна готовиться заранее местными охотниками, хорошо знающими и волков, и свои леса. В крайнем случае такую охоту должны готовить заранее выезжающие из города, своего рода разведчики из числа наиболее опытных охотников.

Вот, пожалуй, и все мои советы. Об остальном можно прочитать в популярной охотничьей литературе. Но научиться безошибочно определять волчьи следы даже по рыхлому снегу можно лишь у опытного волчатника, у хорошего наставника. Рисунки в этом вряд ли помогут.

ПИСЬМА О БРАКОНЬЕРАХ И ПРОХОДИМЦАХ

ПОШЛИ НА ЛОСЯ, ДОБЫЛИ... БРАКОНЬЕРОВ

Охоту проводили самую обычную для охотхозяйства «Владимирское». В ноябре 1994 г. наш шеф А. А. Улитин привез на открытие зимнего сезона команду охотников. Были там люди и из правительства, и из администрации президента. Выехали рано утром в район деревни Колабродово. Делаем первый загон, где стрелковая линия оборудована полувышками. Получилось неудачно, 8 лосей и 2 оленя вышли из загона еще за несколько часов до нашего приезда.

Второй загон решили сделать на дороге, которая идет от д. Колабродово в урочище «Лошаки». Зверя в загоне было много. Четыре лося шли на одного очень опытного охотника и хорошего стрелка, а слева от него стоял бывший полковник, совершенно глухой. Когда лоси подходили к Евгению Алексеевичу (он их уже видел), «глухарь» начал топтаться на снегу, сломал сучок. Лоси резко развернулись и, не обращая внимания на загонщиков, ушли в загон.

Семья кабанов из 8 голов, 4 оленя и один крупный секач вышли из загона

правее стрелковой линии, охотники их видеть не могли. Один лось, крупный бык, вышел на молодого охотника и встал в 50 метрах от него на чистом месте. Тот охотник или сильно волновался, или был слишком самоуверен, решил произвести классический выстрел — по шее. Стрелял из хорошего карабина через семикратную оптику. После его выстрела лось, перемахивая через дорогу, едва не задался этого горе-охотника, на снегу осталась лишь щепотка шерсти, состриженная с гривы лося.

На меня в том загоне тоже вышел лось — крупная корова. Зверь вышел на противоположной стороне дороги, в 40 метрах от меня, повернулся ко мне боком и встал. Я выцелил его через оптический прицел своего «Тигра» под лопатку, в сердце, но на спусковой крючок не нажал. Нам надо было отстрелять только одного лося, я не стал лишать наших гостей удовольствия самим сделать удачный выстрел. Да к тому же в последние годы стало жалко стрелять по лосям и оленям, видимо, стареть стал. Вот так у нас в тот день неудачно закончился и второй загон. К счастью, погода стояла хорошая, в лесу было тихо, тепло, охотники не падали духом

и верили в успех, во «Владимирском» безрезультатных охот не бывает.

Поехали дальше за деревню Колабродово в урочище «Маховая сторожка», там лосей всегда много, есть кабан и олень. Саша Сафронов, охотвед наш, повел егерей на загон, я расставил охотников по стрелковой линии. Как обычно, мой номер последний. Предпоследним, слева от меня, стоял А. А. Улитин. Стою на номере. Тихо. Где-то сзади послышался слабый лай собаки. До деревни там километра два с половиной. Я решил, что лай доносится оттуда. Загон начался, минут через пять в середине стрелковой линии послышались выстрелы: два резких, скорострельных, один за другим «бах-бах», через секунду еще, и... тишина.

В середине стрелковой линии стояли охотники со скорострельными карабинами «Сайга» и «СКС». Через некоторое время, смотрю, по порубке идет лось и направляется прямо на Александра Александровича. Мне хорошо видно и лося, и его. А. А. поднял карабин и ведет его за зверем. Лось проходит в 20 метрах от него, но выстрел не прозвучал. Загон закончился, спрашиваю: «Почему не стрелял?» Он отвечает: «Там стреляли четыре раза, зачем перебор делать? Я просто через оптический прицел убедился, что лось этот не подранок».

Подходим к тому месту, где была стрельба, обычного скопления охотников у добычи нет, все идет к машине. Подошли и мы, спрашиваю: «Кто стрелял?» Отвечают, что никто не стрелял, стреляли сзади стрелковой линии метрах в четырехстах. Определили мгновенно, что по зверю были браконьеры из-под собаки. К моему приятному удивлению, один охотник из правительства, другой из администрации президента настойчиво заявили: «Прекращай всю охоту и организуйвай задержание браконьеров». Даже передали свои «СКС» егерям, те ведь в загоны без ружей ходят, даже ракетниц нет.

Я разделил егерей на две группы, одна группа побежала к месту стрельбы, другая на автомашине поехала по просеке наперехват. Ехали, пока было возможно, затем бросили машину и побежали. Вскоре за болотистой речушкой увидели убегающих троих браконьеров с ружьями и маленькой собачкой фокстерьером. Началось преследование, речушку форсировали кто как мог, одни вышли сухими из воды, другие до пояса мокрые. Браконьеры уходили по знакомым тропинкам и перелескам, видно было, что не первый раз в этих местах, ориентируются отлично. Расстояние между егерями и браконьерами 150—200 м, но догнать их никак не удавалось. Наконец один из убегающих ослабел и стал отставать, его догнал и захватил наш егерь. Двое продолжали убежать. Таким образом мы прождали еще шесть километров, пока браконьеры не укрылись в доме в д. Н. Спас.

Было уже темно, наступил вечер. Егеря с охотоведом остались наблюдать за домом, а я поехал вызывать наряд милиции. К счастью, на дежурстве оказался Сергей Танин, самый опытный и добросовестный работник Петушинского РОВД. Он взял подмогу из вооруженных сотрудников РОВД и прибыл к дому, который осаждали наши егеря. В доме в это время шел пир горой, после неудачи в лесу мужички согрели свои души спиртным, а может, отмечали, что удалось уйти от егерей.

Появление милиции в доме было встречено буйно, едва не пришлось применять оружие. Один из сотрудников РОВД уже передернул затвор автомата, другой выхватил пистолет. Лишь после этого «любители природы» пообмякли, всех их усадили в «воронки» и доставили в отделение на трехдневный «отдых». Теперь с ними занимаются милиция и районный охотовед. Майор Сергей Танин хорошо знает психологию браконьеров и отлично организовал изъятие трех ружей. И районному охотоведу опыта не занимать. С браконьерами проведена соответственная работа, предьявлены неопровержимые факты, в отстреле лося они признались, им предьявлен иск на 2,3 млн рублей, оружие конфисковали, всех лишили права охоты.

Вот так закончилась у нас в общем-то рядовая охота, утром начали охотиться на зверя, а вечером добыли троих браконьеров.

Ю. ЗУБКОВ,
директор опытного
охотхозяйства ЦП РОРС
«Владимирское»

КОММЕРЦИЯ ТЕСНИТ ОХОТУ

Уважаемая редакция! Обращается к вам коллектив охотников Галичского охотничье-производственного участка, который расположен на территории пяти сельсоветов: Муравьищенского, Березовского, Унорожеского, Толтуновского и частично Степановского.

Охотничье-производственный участок входит в подчинение охотоведа района Синева В. В., а непосредственно возглавляет его Цаплин В. В. У Цаплина Виктора Васильевича для обслуживания участка имеется необходимый штат егерей.

Причина обращения к вам в следующем. Цаплин и егерская служба, в нашем понимании, должны охранять фауну и создавать необходимые условия для размножения промысловой птицы и зверья в наших лесах. Эта задача в прошлом выполнялась. Соблюдались сроки и правила охоты, а также нормы отстрела.

Так должно быть и сегодня. Но дело охраны животных сейчас под угрозой полного уничтожения. Коммерция охватила все стороны жизни, коснулась она и наших лесов. Охотоведы и егеря из друзей природы превратились в непонятную «заготовительную конто-

ру», которая, имея неограниченную власть, ведет варварское уничтожение лося, кабана, медведя. И все это делается при поддержке и покровительстве областной госохотинспекции.

Только за осенне-зимний сезон 1993—94 гг. на территории лесов Муравьищенского, частично Степановского, Толтуновского и Березовского сельсоветов было отстреляно около 50 голов лосей. Основная охота велась в лесах Муравьищенского сельсовета, а результат — лось стал редкостью и на грани полного уничтожения. Но и эту грань сегодня переступают — охота продолжается.

Наши охотничьи коллективы на собраниях неоднократно ставили вопрос об упорядочении охоты, а может быть, и полного ее запрета до восстановления численности зверя. Увы, наши просьбы тщетны. Отстрел продолжается в коммерческих целях, при этом чисто спортивный интерес охотников игнорируется полностью. Коллективам не выдано ни одной спортивной лицензии ни на один вид охоты. Но охотники из города охотятся. Как же это понимать?

По этой причине наши охотничьи коллективы 9 ноября 1994 г. решили провести объединенное собрание в с. Березовец, куда были приглашены Синева и Цаплин. Но присутствовать на собрании они отказались.

Учитывая сложившуюся обстановку и не приняты никаких мер, объединенное собрание охотников Галичского охотничье-производственного участка решило выразить недоверие охотоведам Синева и Цаплину по дальнейшему руководству охотничьими делами.

Мы обращаемся за поддержкой к главе администрации области, в управление охотничьего хозяйства области и в редакцию журнала «Охота и охотничье хозяйство».

Данное решение было принято единогласно. Письмо подписали председатели местных охотколлективов:

БЕРЕЗОВСКИЙ КОЛЛЕКТИВ — ВАСИЛЬЕВ
МУРАВЬИЩЕНСКИЙ КОЛЛЕКТИВ —
ГРУЗДЕВ
ШИХАНОВСКИЙ КОЛЛЕКТИВ — УШАКОВ
Костромская область

НЕВЕРОЯТНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ТИГРИНОЙ ШКУРЫ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

История эта смахивает на анекдот. Но ничего смешного в ней нет, поверьте мне. Началась она с того, что житель поселка Глазковка некий Носиков, заглянув в свой холодильник, удивленно присвистнул. Он был почти пуст, не считая нескольких кусочков смерзшейся оленины. Ясенько, проговорил он, закрывая дверцу холодильника.

На следующий день он чуть свет уже колесил по увалам Глазковской котловины в поисках добычи. Ему явно не везло в это морозное утро.

Звери словно сквозь землю провалились, даже следов не было видно. Да и где им быть, если браконьеры прочесывают увалы и распадки днем и ночью. Носиковский череп трещал от нахлынувших мыслей. Хоть бы козла где хлопнуть, думал он, спускаясь в урочище Ифам. Тут ему показалось, что где-то в вершине ключа прозвучал выстрел. Носиков подождал, зная по опыту, что должен быть и второй. Ага, так и есть. Второй выстрел он засек без ошибки. «Ну, это им так не пройдет,— решил он,— придется поделиться добычей». И Носиков направился в сторону прозвучавших выстрелов.

В небольшой седловинке он заметил дукава. Те усердно работали, засучив рычаги. Носиков подошел почти вплотную и, лязгнув затвором, крикнул: «Не дергаться!» Мужики замерли, опустив руки. «Тут криминалом пахнет»,— продолжал свою речь Носиков, увидев, что добыча, которую разделявали, была рыжей масти с черными полосами и большими клыками. «Ну вы даёте, парни, тигру грохнули, молодцы-храбрецы. Короче! Шкура моя, мясо — ваше,— распорядился Носиков.— Иначе, сами понимаете...»

Завладев шкурой, Носиков поспешил домой. Надо отдать ему должное, шкуру он выдeldывал на экстракласс. Вскоре нашлись и покупатели. Сбыл товар на миллион с гаком, он вспомнил, что холодильник все же пуст, и снова занялся добычей мяса.

Шкура между тем пошла в собственность проницательных перекупщиков из города Находки. При следовании из Глазковки в Находку автомашина перекупщиков была задержана сотрудниками Лазовского РОВД. Обнаружив в багажнике криминальный товар, начальник отдела БХСС Лазовского РОВД Третьяков не устоял от соблазна. Уж больно хороша была шкура! Отпустив перепуганных перекупщиков, он, мягко говоря, присвоил себе эту дорогую вещь. К стати, заодно и тигриные кости прихватил. Человек в районе он был новый, тем не менее кости сумел сбыть быстро, а со шкурой осечка вышла. Перекупщик, на которого он рассчитывал, где-то проговорился, дело получило огласку. Третьяков стал отрабатывать версию. Шкура осталась в кабинете начальника РОВД, ну а кости... Кости уже ушли! Правда, Третьяков собрал мешок костей, но это оказались кости медведя. В общем, скверная история получилась. Не желая мараься, милиция отфутболила шкуру районному прокурору.

Прокурор тоже, обмозговав ситуацию, тем же манером отфутболил бедную шкуру назад в РОВД. Начальник, видя такой исход дела, ушел в отпуск, а может, и не по этой причине, но, короче, скрылся с глаз. Его замы, не долго думая, с почетом и при охране доставили злополучную шкуру в Районный комитет по охране природы. Дело замаяли, и все успокоилось.

На этом можно было бы и поставить точку. Но через некоторое время о тигриной шкуре вспомнила Галина Салькина, сотрудник Лазовского заповедника. Поскольку она занимается изучением тигриной жизни, то есть экологией тигра, ей очень захотелось взглянуть на эту шкуру. Ведь она, можно сказать, всех тигров, обитающих в районе, знала в лицо.

Виктор Соловьев, председатель Районного комитета по охране природы, на просьбу Салькиной ответил: «Проблем нет, покажу!» Время шло, но шкуру он Галине все не показывал. Она, конечно, понимала, у председателя Комитета по охране природы проблем много, ему не до нее. Но все же, преодолев скромность, опять обратилась с той же просьбой.

— Галина Петровна, рад бы показать тебе шкуру, но она уплыла... — ответил Виктор.

— Как уплыла? — не поняла Галина.

— Самым натуральным образом, был тайфун, помнишь, как вода бушевала и у меня в доме до окон доходила, вот шкура и уплыла.

— Странно! — не унималась Галина, — где же ты ее хранил?

— Ну, в общем, нет необходимости вдаваться в подробности, шкура уплыла, и этим все сказано. Жаль, конечно! Нас просили передать ее в музей заповедника, но...

Тут вот, видимо, и придется поставить точку. Где теперь только эта шкура «плавает»? Может, на дне моря лежит и морской царь Нептун водрузил ее себе на трон, а может, японские рыбаки поймали в свои сети и передали президенту в знак уважения. Кто ее знает?

Лично я, пользуясь моментом и надеясь, что письмо это будет опубликовано на страницах журнала и его прочтут не только простые люди, но и руководители всех рангов, хочу сказать следующее. Пройдет еще лет десять, от силы двадцать, и о наших уссурийских тиграх люди будут знать только по книгам и, может быть, по тем шкурам и чучелам, которые хранятся в музеях. К примеру, в Лазовском районе численность тигра сократилась по сравнению с 1980 г. в два раза. Чтобы продлить жизнь популяции этого вида, требуется не так много — надо срочно вернуть Лазовскому и Сихотэ-Алинскому заповедникам их прежние территории. Лазовский заповедник при его создании имел площадь 338 тыс. га. Сейчас у него осталось всего 120 тыс. га. Есть разница?

Что касается тигриной шкуры, то мне жаль, конечно, не ее, которая странным образом «уплыла», а ее владельца — тигра по кличке Могучий. Я его знал. У меня он числился под № 5. Теперь я против его номера поставил крест. Тигра больше нет.

В. ХРАМЦОВ,
директор заповедника,
член-корреспондент МОИП

КАПКАН МАКАРОВЫХ

Н. МАКАРОВ

Изобретен новый гуманный охотничий капкан, патент РФ № 1648312, отвечающий требованиям Комитета ИСО ТК 191 «Щадящие ловушки для животных» (созданного при Всемирной организации по стандартизации), а также международным требованиям общественности о гуманной добыче животных.

Цель изобретений — повышение эксплуатационных и гуманных качеств капкана: надежности, долговечности, удобства в обращении, снижения металлоемкости, повышения уловистости, производительности труда.

Каркас капкана выполнен из одного отрезка проволоки и образует одну деталь: зажимная скоба образована из верхней петли проволоки, концы которой образуют две цилиндрические пружины-завитки, переходящие в основание с крючком на конце для навешивания вертлюга и зажимных дуг. Пружины-завитки для жесткости конструкции капкана закреплены пластиной-планкой с резьбой на концах, вкрученной в пружины-завитки с отверстием под болт с гайкой для навешивания вторых концов зажимных дуг. Таким образом, капкан получился компактным, середина ничем не занята, имеет малый вес и минимум деталей. На капкане нет внешних болтающихся пружин, острых выступов и углов, что снижает дефектность шкурок. Капкан долговечен, так как цилиндрические пружины работают с небольшим углом закручивания-раскручивания, равномерно распределяют напряжение по завиткам и перьям, эластичны, не ломаются, как у стандартных проволочных кротоловок. Срок живучести капкана будет зависеть от уничтожения металла ржавчиной. Капкан может изготавливаться без сварки, меньше ржавеет, легко собирается и разбирается, что дает возможность при необходимости нагнетать пружины, если они просели, ослабли.

Капкан имеет 2 насторожки: тарельчатую и порошковую.

Тарельчатая насторожка цельная, одна деталь, к капкану крепится в трех-четыре точки, грунта не касается, поэтому гарантирована от утери, поломки и деформаций. С тарельчатой насторожкой капкан устанавливается горизонтально, как ущемляющий дуговой, ловящий зверя за ноги, и при срабатывании подпрыгивает навстречу лапе зверя, что увеличивает уловистость и уменьшает число проловов. Капкан, установленный на лед, и с примерзшим основанием сработает (см. рис.).

Капкан снабжен дополнительной съемной насторожкой порошкового типа, выполненной в виде булави-защелки из проволоки. С порошковой насторожкой капкан устанавливается вертикально, как давящий или черкан, и ловит, хватая дугами зверя за шею, грудь, туловище и тем самым быстро его умертвляет.

К капкану крепится на вертлюге короткое, рассчитанное амортизационное устройство, не позволяющее зверю, попавшему в капкан, одной лапой сделать длинный разбег и с увеличенной инерционной силой рывка вырваться из капкана.

Капкан в зависимости от его номера (размера) может ловить мышей, крыс, горностая, белок, норок, хорей, сусликов, ондатр, кунци, соболей и других мелких и средних животных как за ноги, так и за шею, грудь, туловище.

Капкан можно устанавливать зимой и летом на льду, снегу, в воде, болоте, трясине, норах, дуплах и перед ними, подвешенным на сучках и жердочках и т. д., горизонтально, как следовой, и вертикально, как давящий, без приманки и с приманкой, всюду и везде, где водятся звери.

Каркас капкана изготавливается из пружинной проволоки Ст.65 Г. Диаметр проволоки и вес капкана зависят от его номера. Другие детали капкана изготавливаются из Ст. 3, можно из пластмассы противоударной, морозостойкой, алюминия. Требуется оборудование: прессовое, станки — крутить проволоку, термообработка, защита от коррозии.

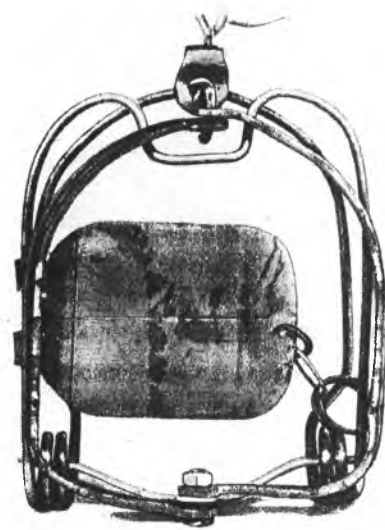

Фото И. Шейгаса

А заповедники все-таки создаются...

**В. ДЕЖКИН, А. МАКСИМУК,
Л. АЛЕКСЕЕВА
ЦНИЛ Департамента охоты
Минсельхозприроды РФ
М. ФЕЛЬДМАН
Минприрода РФ**

Сколь много о бедах наших заповедников пишем и читаем мы за последние 2—3 года. Главное, конечно, безденежье, отсутствие их достаточного финансирования. Но немало и других бед, связанных с неуместным демонстрационным «суверенитетом» некоторыми региональными властями, отсутствием материально-технического обеспечения, грубыми нарушениями установленного режима, самовольным развитием так называемого «экологического туризма» и т. д. (Дежкин, 1992, Степаницкий, 1994). И все-таки не остановим он, процесс организации новых заповедников, иногда даже с нелегкой поначалу судьбой новорожденных. Разные возникают заповедники и неодинаковым будет их статус, когда мы получим возможность похозяйски и объективно разобраться с растущим богатством. Но пока, повторяем, происходит главное — про-

должается процесс формирования территориальной формы охраны природы в России...

Современная плановая организация заповедников в Российской Федерации была начата Центральной лабораторией (ЦНИЛ) и Центральной проектно-исследовательской экспедицией (ЦПИЭ) в конце 60-х гг. Соответствующий плановый документ был одобрен Госпланом РСФСР в 1969 г. (содержащийся в нем план создания заповедников, рассчитанный до 1989 г., был обнаружен в статье Ф. Штильмарка, К. Зыкова и Ю. Нухимовской в 1981 г.). После были еще постановления республиканских организаций, уточняющие и продлевающие этот план.

Ход реализации имевшихся плановых наметок был впервые детально проанализирован в 1988 г. группой научных сотрудников отдела заповедников ЦНИЛ Главохоты (Дежкин и др., 1988). В 1986 г. в республике имелось

57 природных заповедников, причем размещались они во всех 13 физико-географических странах (табл.) и в большинстве природных зон, кроме полярных пустынь и лесотундр.

Ныне положение существенно изменилось. Во-первых, число заповедников увеличилось на 31 и достигло 88. Во-вторых, гораздо репрезентативнее выглядит географическая сеть заповедников. Они появились в полярных пустынях (1), их стало больше в степях (на 2) и полупустынях (на 3). В некоторых физико-географических странах число заповедников превысило число составляющих их природных провинций (табл.).

Мы бы хотели остановиться на новом периоде заповедного дела в нашей стране, начало которого уместно вести от декабря 1992 г., когда увидел свет специальный Указ Президента России. С одной стороны — это важнейший шаг, ведь на заповедники чуть ли не

ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ЗАПОВЕДНИКАМИ ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ СТРАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ			
Физико-географические страны	Число природных провинций	Число заповедников	
		1986 г.	1994 г.
I. Арктика	4	1	2
II. Фенноскандия	4	4	5
III. Русская равнина	12	15	24
IV. Кавказская горная страна	3	4	5
V. Уральская горная страна	4	6	8
VI. Западная Сибирь	7	2	3
VII. Прикаспийско-Тургайская страна	3	1	2
VIII. Средняя Сибирь	8	2	4
IX. Горы юга Сибири	6	5	10
X. Яно-Колымская страна	5	1	1
XI. Байкало-Джунгурская страна	5	4	7
XII. Амуро-Сахалинская страна	13	9	13
XIII. Северо-Притихоокеанская страна	6	3	4
Всего:	80	57	88

впервые обратило благосклонное внимание руководство страны. Но с другой — с этим годом так или иначе связано начало больших сложностей и трудностей в заповедном деле, выжавших, в частности, необходимость глубоких изменений в проектировании заповедников.

Указ президента определил общий удельный вес природных заповедников и национальных парков — 3% от общей территории страны. Для его реализации Главное управление заповедников Минприроды РФ с привлечением ряда других ведомств и научных организаций подготовило проект, который в конце концов нашел выражение в виде распоряжения Правительства Российской Федерации от 23 апреля 1994 г. № 572-р. Он предусматривает организацию 72 природных заповедников общей площадью 16 102 тыс. га и 43 национальных парков площадью 10 356 тыс. га. Все это должно быть осуществлено в 1994—2005 гг. Следует отметить, что в данный список попало довольно много (около 1/3) объектов из предыдущих утвержденных, но не полностью реализованных планов. Кроме того, отдельные заповедники были созданы уже во время подготовки документа.

В ожерелье наших бесценных заповедников в последние годы вошли такие жемчужины, как «Большой Арктический» на Таймыре (самый крупный в мире), Буреинский и Джунгурский в Хабаровском крае, Вишерский в Пермской области, Джергинский в Бурятии, Катунский на Алтае, Командорский в Камчатской области (свершилась мечта замечательного охотоведа и зоолога С. Маракова), «Убсунурская котловина» в Республике Тува, Ханкайский в Приморском крае.

В создании многих заповедников в последние годы приняла участие Центральная проектно-изыскательная экспедиция У нее был небольшой период безвременья, слабой работы,

когда заповедники передали из Главхоты в Главприроду РСФСР. Но в 1992 г. экспедиция перешла непосредственно в ведение ЦНИЛ Департамента по делам охоты Минсельхозприроды РФ, и дела оживились. На счету обновленной ЦПИЭ (только из числа последних) заповедники Полостовский в Псковской области, Рдейский в Новгородской, «Нургуш» в Кировской, Ботчинский в Хабаровском крае. Экспедицией ведется проектирование заповедников: Ямальского, Гыданского, Тунгусского, Богдинско-Баскунчакского, Ростовского.

За последние годы активизировались в оказании практической помощи по организации российских заповедников различные международные природоохранные организации. Особенно важную роль в этом деле играет Всемирный Фонд дикой природы, полностью финансирующий проектные работы по созданию «Большого Арктического» заповедника (научное руководство по его проектированию осуществлял академик Е. Сыроечковский). В настоящее время Фонд выделил средства на проектирование Ямальского, Гыданского, Корякского заповедников. Трудно переоценить также деятельность МГУ в проектировании Командорского заповедника. Кроме того, организацией новых заповедников активизировало создание в Минприроде России специализированного отдела, непосредственно занимающегося этим вопросом.

За два последних десятилетия преобладающая часть заповедников России (да и бывшего Советского Союза) была создана с использованием Методических указаний отдела заповедных территорий ЦНИЛ (автор Ф. Р. Штильмарк), утвержденных Главхотой РСФСР в 1975 г. Проектантами, руководствуясь этим документом, имели возможность подробно ознакомиться с территорией будущих заповедников и объектами природы, требующими особого внимания, организовать местные экспедиции, изучать растительный и животный мир, предлагать меры усиленной охраны. Часто и с успехом применялись авиация, водно-моторный транспорт, автомашины. Стоимость проектирования (в целом весьма немалая) зависела от площади объекта, отсюда не всегда обоснованное стремление проектантов создавать или предлагать создавать обширные заповедники. Проектирование одного объекта нередко занимало 1—1,5 года, а иногда и больший срок. Состав проектно-изыскательских партий и отрядов нередко достигал 8—10 человек и по набору специалистов соответствовал особенностям проектируемых заповедников.

Изменившиеся социально-экономические и финансовые условия потребовали создания новых Методических указаний*. Резкие ограничения в финансировании, колоссальный рост транспортных и, особенно, авиационных тарифов, дороговизна гостиниц

и другие подобные обстоятельства заставили (и это было вынужденным делом) сократить сроки полевых изысканий до минимально необходимого уровня и сконцентрировать основное внимание на подготовке землеотводного дела и согласованиях территории, отводимой под заповедник, с землевладельцами, землепользователями и местными органами власти. При этом подразумевается, что главное — обоснованно, грамотно организовать заповедник. Научный коллектив заповедника (что в действительности происходит сейчас) в течение многих лет будет изучать свою территорию, свои экосистемы и охраняемые объекты и совершенствовать их охрану.

Сказанное, однако, совершенно не должно означать отказа от натуральных исследований. Проектанты должны иметь собственное представление о заповедуемой территории и особенно об ее ценных и уязвимых объектах (из пункта 3.3 «Методических указаний»: «В любом случае, даже при самой жесткой экономии командировочных и транспортных расходов, начальник партии, а при возможности и ее научный руководитель обязаны иметь личное представление об общем характере заповедуемой территории, ее наиболее важных и ценных элементах, спорных и уязвимых площадях и границах». Без таких данных проектирование теряет смысл).

Глава «Характеристика территории заповедника», естественно, сохраняется. Ее содержание даже более дифференцировано, чем в действовавшей Методике: особенности геологического строения, рельеф, гидрографическая сеть и гидрологическая характеристика, климат, почвы, наличие и характер вечной мерзлоты, флора и растительный мир, фауна и животный мир, хозяйственный комплекс — на территории заповедника и в его окрестностях, демографическая ситуация, пути сообщения и транспортная система.

Введена глава «Особо охраняемые природные объекты», с дифференциацией на геологические, гидрологические, типичные (или уникальные) экосистемы, эстетически привлекательные ландшафты, объекты растительного мира (реликты, эндемики, примечательные фитоценозы, редкие формы растений), объекты животного мира (реликты и эндемики, примечательные зооценозы, места размножения и сезонных концентраций, миграционные маршруты, редкие виды животных), прочие природные объекты, требующие особого внимания и охраны...

В новых условиях чрезвычайно велика роль местных ученых и естествоиспытателей, из числа которых, как правило, и следует выбирать научного руководителя проекта. Существенно

* В. Дежкин. Методические указания по проектированию государственных природных заповедников. Москва, 1994.

меняет ситуацию наличие региональных комитетов по охране природы, в составе которых имеются специалисты по охраняемым природным территориям. При таких условиях проектно-изыскательские экспедиции могут командировать в регионы минимальное число сотрудников, ориентируясь в основном на знания и заинтересованность местных ученых и специалистов.

Большие изменения в практику проектно-изыскательских работ вносят перемены в природоохранном и ресурсном законодательстве. Увеличившиеся права землевладельцев и землепользователей, а также местных органов власти всех уровней заставляют руководителей проектов отказываться от силовых решений, связанных с командами «сверху», искать взаимопонимания, доходчиво убеждать в пользе или даже необходимости для региона заповедания того или иного объекта. При этом приходится всемерно вникать в интересы местного населения, которые прежде при организации природоохранных объектов нередко игнорировались.

Проектанты должны по возможности шире использовать средства массовой информации для оповещения о своих целях и задачах и для привлечения на свою сторону как можно большего числа местных жителей.

...Не секрет, что до сих пор далеко не все понимают высокую и всестороннюю роль охраняемых природных территорий в охране природы и природопользования. Поэтому в Методических указаниях особо подчеркнут известный тезис Н. Реймерса:

«Заповедывание территорий государственных природных заповедников, запрещение в них хозяйственной деятельности с общегосударственной и общезоологической точек зрения являются переходом к более высокой и социально значимой форме природопользования, а не «изъятием» из хозяйственного оборота природных ресурсов».

И еще, о проектантах:

«Ученые и специалисты, занимающиеся проектированием и организацией особо охраняемых природных территорий, имеют все основания считать себя исполнителями важнейших социальных и природоохранных задач и претендовать на высокий общественный статус...»

Развитие и совершенствование системы особо охраняемых природных территорий рассматриваются «Основными положениями государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и устойчивому развитию», одобренными Президентом России Б. Ельциным 4 февраля 1994 г. в качестве важнейшей меры по участию в решении глобальных экологических проблем. Совершенствуя заповедное дело, работая над созданием новых заповедников, мы должны все время помнить об этом. Не всегда будут одни трудности.

АОЗТ «ВАКС» совместно с Росохотрыболовсоюзом информируют подписчиков, а также Республиканские, краевые, областные и всероссийские общества охотников и рыболовов о порядке централизованной подписки на «Энциклопедию охотника» в семи томах.

- 1 том — ОРУЖИЕ
- 2 том — ОХОТНИЧЬИ СОБАКИ
- 3 том — ТАКСИДЕРМИЯ
- 4 том — ОХОТНИЧЬИ ЗВЕРИ
- 5 том — ОХОТНИЧЬИ ПТИЦЫ
- 6 том — СНАРЯЖЕНИЕ ОХОТНИКА
- 7 том — ОХОТОВЕДЕНИЕ

Объем тома — 400—500 страниц

Порядок подписки:

Желающие подписаться на издание должны обращаться непосредственно в вышеперечисленные общества охотников и рыболовов, договора и разъяснения в адрес обществ высланы. Уплаченные за подписку деньги будут проиндексированы. Общества сообщают подписчикам стоимость подписки, осуществляют сбор средств и перечисление их на счет АОЗТ «Вакс» с приложением документов об оплате и количестве подписчиков, на основании которых АОЗТ «Вакс» доставляет тираж в адрес общества. Подписчик получает издание непосредственно в обществе. Оплата производится сразу за 7 томов. Цена подписки сохраняется фиксированной при оплате до 30 мая 1995 года

Выход первого тома — апрель 1995 г., последующие тома — раз в четыре месяца.

Подписка проводится с 15.01.95 по 30.05.95.

При необходимости АОЗТ «Вакс» вышлет дополнительно разъяснения о порядке подписки и договора в адрес обществ и коллективов охотников.

**Контактный телефон 979-07-14.
Почтовый адрес 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 26, а/я 2119.**

ОТ РЕДАКЦИИ.

Многие газеты и журналы уведомляют читателей о том, что за достоверность рекламных объявлений редакции ответственности не несут. На самом же деле на редакциях лежит тяжелое бремя нравственной ответственности за каждую опубликованную рекламу. Рекламу ВАКСа мы помещали в журнале еще в 1993 году, но обещанных ваксовцами книг пока никто не получил. Поэтому, возможность публикации очередной рекламы ВАКСа вызвала большие сомнения. Однако участие в распространении «Охотничьей энциклопедии» Росохотрыболовсоюза побудил нас еще раз дать объявление ВАКСа в надежде, что на этот раз откликнувшиеся на рекламу получат, наконец, долгожданные книги.

ОБСУЖДАЕМ ЗАКОН ОБ ОХОТЕ

«Все проекты zelo исправны быть должны, дабы казну зряшно не разорять и отечеству ущерба не чинить, кто станет абы как ляпать, того чина лишу и кнутом драть велю».

Петр I

И. В. ВЕЛИЧКИН,
председатель правления Московского общества охотников и рыболовов

Нет и не должно быть вопроса: нужен Закон об охоте или не нужен. Он необходим. Все это прекрасно должны понимать, без него дальше мы просто существовать не можем. Но Закон должен быть четким, ясным, хорошо читаемым буквально всеми. Созданы такие условия, при которых без Закона охотник существовать дальше не может, потому что на нашей земле развелось слишком много хозяев, и каждый претендует на руководство животным миром. Председатель нашего Краснодарского управления рассказывал, как за охотниками гоняются казаки, вооруженные саблями, и говорят, что это, мол, их земля. Долой с нее! Никакой охоты! Даже у нас, в Московской области, распоряжаться охотугодьями пытаются совершенно другие ведомства, не имеющие к этому никакого отношения.

Считаю, что нужно создать рабочую комиссию, которая вплотную займется разработкой Закона об охоте с учетом происходящего сейчас обмена мнениями. Я должен заметить только, что нельзя ущемлять права субъектов федерации. Если мы такое допустим, то Закон действительно не будет принят. Право на местах должно быть соблюдено, чтобы местные организации охотничьего хозяйства не были отстранены от дела, и этого мы должны добиваться через губернаторов, администраторов...

Прошу прощения у депутата Турусина, но я не могу с ним согласиться: нельзя объединять охотничье хозяйство с лесным хозяйством. Эта песня стара для нас. Так можно только запутать дело, а не помочь ему. Если копытных животных отдадим лесникам, а что же с животными на полях делать? Ведь полей у нас — половина охотничьего хозяйства, а полями кто должен заниматься? А птицу водоплавающую — кому, водникам? Да разве так можно подходить к охране живот-

ного мира? Это значит развалить все и ничего не создать.

Я считаю, что федеральная служба охотничьего хозяйства должна быть совершенно самостоятельной, ни в каком сельском хозяйстве она не должна состоять. Она должна быть самостоятельной, мощной, организованной, должна контролировать ведение охотничьего хозяйства, помогать ему через свои научные организации. Вот что нам нужно, а не просто Главное управление в системе Министерства сельского хозяйства, которое не имеет самостоятельного голоса и ничего, собственно, сделать не может. Кроме того, эту службу надо укрепить. Возьмите Московскую область. У нас почти 60 районов, а инспекторов меньше 30. Что может сделать один инспектор на 2—3 района? Что он может сделать? Эту службу надо укреплять, только в этом случае мы можем сделать что-то полезное.

В прошлом году задержано около 830 нарушителей правил охоты, да 1500 нарушителей на водных территориях. Отобрано более 250 единиц оружия, в том числе автоматы, гранаты и все, что хотите. Но ведь правом-то по-настоящему наш егеря не располагает, ничем он не располагает, он права не имеет досмотреть или задерживать. Идя со своим оружием, он только рискует и больше ничего. Действительно, сейчас наш браконьер вооружен всем, чем хотите. Он имеет автомат, скоростную машину, рацию... Едем на охрану. Не успеваем проехать село — в небе ракета, а на поле мы уже заметили фары браконьерской машины. Уже ищут кого-то. Свет на поле гаснет. Вот как все организовано, по-научному, технически обосновано, а мы говорим об охране. В этом Законе должны быть даны права и егерскому составу, а может быть, подумать и записать и дать право организации специальной добровольной народной дружины: возродить это дело нужно, они работали неплохо. Это тоже будет полезно для животного мира. Так что давайте, друзья мои, поработаем над этим Законом, не критикуя друг друга, а помогая друг другу, создадим настоящий, полезный Закон об охоте.

Е. А. ЕРШОВ, охотничье общество «Динамо».

У нас есть предложения по ряду статей. Так, по статье 3 к понятиям «любительская и профессиональная охота» мы считаем необходимым добавить «специальную коммерческую охоту» и дать определения промысловой и любительской зонам охоты. В обжитых, но отдаленных и труднодоступных районах промысловые зоны могут быть с особым сводом правил, а в традиционно промысловых районах Севера и Сибири, но вблизи крупных населенных пунктов должны действовать приоритеты и правила любительской зоны охоты.

Перечень этих зон должен определять каждый субъект федерации самостоятельно.

К основным принципам ведения охотничьего хозяйства мы предлагаем добавить принцип необходимости поддержания оптимального сочетания интересов местных охотников и охотников, проживающих в крупных городах. А то здесь ведь уже были выступления с предложением все передать районным обществам охотников.

Мы считаем также, что в каждом районе должна быть определенная часть свободной территории, которая сбивала бы цены и ограничения.

Наконец, мы думаем, что местным органам власти нельзя давать права прекращать деятельность того или иного охотпользователя.

Г. В. ХАХИН, ВНИИ природа

Уважаемые коллеги! Подготовка Закона об охоте и охотничьем хозяйстве у нас заняла много времени. Мы, целая группа охотоведов, много работали... и прежде всего выяснили, что многие законы противоречат друг другу. Поэтому получились несколько вариантов Закона об охоте и охотничьем хозяйстве. Это еще раз говорит о том, что к подготовке этого Закона подходить надо было действительно очень требовательно. От сегодняшнего беззакония больше всего страдает простой охотник. Получить разрешение на приобретение, хранение и ношение оружия стало очень трудно. Одни медицинские справки для этого чего стоят! А ведь Закон вроде бы должен быть для че-

Продолжение. Начало см. № 10—12, 94 г.

ловека. Нам еще хорошо — мы в Москве живем. А как быть тем, кто из глубинки приезжает? Это же просто издевательство.

Конечно, нам нужно срочно ходатайствовать перед МВД и Минздравом, чтобы не терроризировали охотников.

Теперь в отношении охотничьего билета. Да, я вам скажу, тоже приложил много сил для того, чтобы был государственный охотничий билет. Да, я работал в системе Росохотрыболовсоюза, прекрасно знаю эту систему и потому считаю, что государственный охотничий билет должен быть введен, хотя охотник одновременно может быть и членом общества охотников. А не то получается, что мы в приказном порядке должны состоять в обществе охотников. Экзамен на получение государственного охотничьего билета должен проходить в присутствии представителей Департамента охоты, Госкомприроды и МВД.

Теперь в отношении охотничьих ресурсов. Я, разумеется, поддерживаю выступление Габузова, потому как я когда-то работал в области и бывало так. Приезжает из района охотовед и говорит: «У меня много лосей. Давай мне столько-то лицензий». Я ему объясняю, что лоси пришли на зимовку на юг области... Поэтому к решению этой проблемы мы должны подходить с точки зрения федерации. Есть служба учета, и мы должны четко исходить из

ее данных. Она прекрасно знает, какой области сколько дать лицензий.

Теперь о пушнине. Здесь выступал Чепурной,— сейчас у нас хаос в заготовке пушнины, у нас все разбазарили. Поэтому департамент должен работать в упряжке с Союзпушнинной. Департамент охоты должен быть на уровне федерального серьезного органа.

Ю. П. РУСИНОВ,
зам. начальника Департамента
охотресурсов Минсельхозприроды

Я много раз ночевал в избе охотоведа и знаю, что двенадцать часов у него не смолкает телефон. Информация к нему идет со всего района. В России таких охотоведов около 2 тысяч, егерей меньше — вот вся служба охотнадзора России. А что они имеют? Что имеют районные охотоведы? 55 тысяч — заработная плата, у егеря — 30 тысяч. Много это или мало, если начальник управления охотничьего хозяйства области получает меньше сержанта милиции?

Что мы сейчас имеем? Милиции мы дали все права: милиция работает сама на народе, в городе, в селении. Наши работники охотничьих хозяйств работают в тайге или в отдаленных уголках — и мы не можем их защитить. Если же мы их не защитим, мы можем погубить все, что у нас есть. Мы не можем найти людей, люди боятся идти к нам работать! Факты? Пожалуйста,

сожжен дом охотоведа в Смоленской области, сожжены два дома работников охотнадзора в Читинской области. Если не будет правовой социальной защищенности работников охотнадзора, то через пять лет наши уголья будут пусты. Все это должно быть четко определено в Законе.

Н. А. КУРИЛОВ,
отдел охоты Росохотрыболовсоюза

Товарищи, я постараюсь не повторяться и остановлюсь на тех концептуальных вопросах, которые, мне показалось, были слабо освещены.

Закон нужен. Тут много аргументов говорилось в пользу его, но мне кажется, что один из главных аргументов заключается в том, что государству должно быть стыдно за то, что у нас важные проблемы традиционной отрасли России регулируются подзаконными актами. Работники охотничьего хозяйства прекрасно понимают, что невозможно долговременно рассчитывать свою производственную деятельность на подзаконных актах, которые меняются из года в год.

Второй аргумент. Наша охотничья отрасль должна регулироваться на законодательном уровне, чтобы оградить и объекты охоты, и охотпользователей, и охотников, а также и органы контроля от всяких посягательств на их права. Это можно сделать только Законом. Если у нас законодательство будет на

уровне субъектов федерации, то будет, по-моему, 89 разных законов. И тогда можно забыть о правах охотника и об охоте.

Теперь создано довольно много структур, которые управляют природными ресурсами, и каждая структура норовит установить плату и побольше, а аргумент: нам надо жить. Но надо думать, с чего берешь и сколько берешь. По-моему, ни один крестьянин не будет доить корову, если он ее не будет кормить. Так и тут надо подходить, наверное. Закон, и этот, и все другие законодательные акты должны быть приведены в соответствие с природопользованием. Лесники также должны нести ответственность за сохранность животного мира, чтобы не было решений, подобно воронежским. Так же как и пользователи животного мира, должны нести ответственность за сохранность той среды (в частности, леса), в которой обитают животные. В Основах лесного законодательства должны быть статьи, обязывающие или налагающие ответственность. Все дальнейшие детали должны быть отработаны на уровне норм, стандартов и правил, чтобы в угоду дубам не истреблились лоси и наоборот.

Третья проблема, на которой я хотел бы остановиться. Кто мне сейчас может сказать, сколько пользователей платят различные платежи в госбюджет? Я думаю, никто не скажет точно. Потому что у нас есть федеральные платежи и масса местных платежей, о которых — сколько их и какова их сумма — не знает даже Минфин. К этому прибавляются еще платежи за право торговли охотничьим оружием... Это все из охотничьего хозяйства, каждое охотничье хозяйство несет эти расходы. Эти расходы колоссальны. Плюс к этому сейчас прибавляются лесные подати, и платежи какие-то намечаются за комплексное использование природных ресурсов. Если без этих послед-

них платежей уже выходит где-то по 90 коп. с рубля, то с ними получится, наверное, 2 рубля с рубля. Это абсурд!

Четвертая проблема. Должен быть орган контроля. Нам в принципе все равно, каким он будет, лишь бы не подменял хозяйственные вопросы и не влезал в них, и чтобы один пользователь не содержал пятерых инспекторов. Это чисто экономическое соображение. Мы и за то, чтобы работники этих органов получали соответствующую зарплату, которую не стыдно принести домой, и имели соответствующее оснащение, чтобы квалифицированно, грамотно и полноценно выполнять свою работу.

Сейчас много платежей от использования охотничьих объектов идет в бюджет и неизвестно куда потом уходит. По крайней мере, мы знаем, что на содержание органов контроля они не идут. В результате возникают дополнительные платежи, которые фактически незаконны, потому что на Закон «Об основах системы налогообложения в России» практически все наплевали и никто его не выполняет. Каждая структура придумывает свой платеж, и никто не обращает внимания на то, а сколько вот до них уже накрутили этих платежей. Мне кажется, что при разработке законов и их увязывании и согласовании все это должно быть учтено квалифицированной экспертизой.

Говорили тут и так, что, если Закон не удовлетворит органы местного самоуправления, он не будет принят. По-моему, так ставить вопрос вообще нельзя. Закон должен быть, как говорится, правильно, грамотно, профессионально сделан, а кого он удовлетворяет? Если он не удовлетворяет непонимающего человека, то, может быть, и не надо его удовлетворять-то, а разъяснить лучше этому человеку, как правильно понимать Закон.

ВСЕ, ЧТО

Б. ПЕТРОВ

Март,
Весна вступает в азарт,
Мчаться куда-то хочется...

В городе гуляет масляная неделя. По утрам улицы в сизой, морозной дымке, деревья в белом серебре, оголтело орут вороны. За завтраком жена слушает прогноз погоды и возмущается: «Чего городят! Ночью у них минус 22, а днем чуть ли не плюс — разве может быть такая разница?» — «Так ведь март на дворе, — улыбаюсь я. — Разгулялся Ярило: ярые морозы — ярое солнце!» И точно, среди дня всюду сверкают капли, голуби стонут, воробьи горланят, даже снегири веселые; в синеве плывут белые парусники облаков — март на улице, Март, Его Сиятельство! И в душе поет-трепещет нетерпение, хочется куда-то ехать, идти, бежать — март тревожит!

Но ехать, вроде, и некуда. Всякая охота закрыта, рыба на водохранилище под толстым льдом вовсе уснула — к ней ярые лучи еще не пробилась. Куда ехать-то? Межсезонье...

А между тем в эти самые дни где-то бродят на снегу огромные черные глухари, жарко растопырив крылья и оставляя по бокам следов-крестов борозды, будто тащили за собой пух хвоста. Эти «черты» на снегу — верный признак, что в свой срок именно здесь будет кипеть глухариный ток.

Отыскать токовище очень непросто. За свою охотничью жизнь находил не одно, знаю, какие усилия требуется затратить. Но... кроме чисто практического смысла (займет собственный ток — немалого стоит!), сам по себе этот поиск необыкновенно увлекателен, даже азартен: собственно, чем он отличается от взавраждающей охоты? Так же в приподнятом настроении готовишься к поездке, намечая маршрут и обдумывая место, придиричиво осматривая лыжи. Настойчиво кружишь по тайге, все по сосновым гривам посреди осинников, выискиваешь острова-недорубы на старых

ФОТОКОНКУРС

Редакция журнала

«Охота и охотничье хозяйство»

проводит фотоконкурс под девизом
«ОХОТА И ПРИРОДА» — 1 — 1995.

*За лучшие фотографии и слайды
установлены премии до 250 тыс. рублей*

Подробная информация о фотоконкурсе
в № 1 журнала за 1995 г.

ДО ВЫСТРЕЛА...

лесосеках, осматриваешь боровые окрестки болот — и в октябре тоже таскаешься с ружьем по тем же местам, ожидая шумного взлета мошника. Так же надо знать повадки птицы, чтобы найти ее (вот бы еще увидеть!). Все — как на самой охоте. Может быть, только кроме выстрела: его пока придется отложить до начала ярых токов, до разрешенного срока.

...Ночь в тайге выдалась лунная и морозная. Откроешь глаза, приподнимешь ворот куртки, которой прикрылся поверх толстого спального мешка, — вокруг светло, черные тени от стволов тушью исчертили голубой ватман снегов. Деревья громко щелкают. Раза два в гулком воздухе раскатилось жутковато-вещее уханье филина... Еле дождался настоящего рассвета.

Ночевать в тайге, когда едешь искать «черты», приходится непременно; вся загвоздка в том, что выйти надо на рассвете, чтобы ухватить как можно дольше надежный мартовский наст. А дни стали длинными, светает рано; отправившись с утра из дому, к нужному сроку никак не попасть. Вариант один: приехать с вечера и ночевать у костра.

Насчет костра надо внести пояснения. Пока снега неглубоки, я запросто обхожусь для ночлега большим огнем и долгим жаром еловых сухостоев, нужен лишь добрый топор, а еще лучше — «злая» ножовка. Лапник, тент от ветра, пара больших лесин — и нет проблем. Одно худо: подготовка к зимней ночи требует пары часов плотного физического труда... А в марте снег в тайге по пояс, и все предпочтительные труды усугубляются: даже дрова приходится таскать, не снимая лыж! О-очень корявое занятие. Да и пока выкапываешь лыжиной яму в снегу до травы, тоже полчаса лишних отдай. Я признал, что вернее брать с собой добрый спальник: на малом костре варишь и

сушишься, а спать забираешься в мешок. Днем же носить его с собой не надо: где-нибудь прячешь в пихтаче и забираешь на обратном пути...

Читатель, который сразу скептически отнесся ко всему излагаемому предпрятию, в этом месте, возможно, усмехнется: «Ишь, таежный романтик... Не проще ли найти какую-нибудь избушку?» Разве бы худо! Только дело не в одной романтике: увы, около избушек ток искать бесполезно. Чаще всего, если зимовье или вагончик — значит, лесоповал либо подсосочка. А от подсосочки беги прочь, как от таежного пожара! Где орудует «химдым», глухаринных токов быть не может. Только представьте, за весну, лето и осень сборщик живицы должен подойти к каждой сосне раз по пять. К каждому стволу! А с ним обычно бродит пара собак. Могут в этой местности остаться глухаринные выводки? То-то и оно. О лесосводке и говорить не будем.

...К восходу костер совершенно замерз, широкая лунка, выеденная его теплом в снегу, обледенела. Вылезать на мороз боязно, да куда не деться. Зато как заиграло взошедшее солнце в ослепительно чистых снегах, как заискрилась изморозь на березовых ветвях и сосновых лапах! Яркое солнце и сверкающая белизна, зима, но яркоснежная, солнце на снегу — вот что такое начало марта, истинно золотой месяц. Мороз и солнце! — однако солнце сильнее, оно берedit душу радостными предчувствиями. Вот и таскает днем глухарь распущенные крылья. Да и нам дома не сидится, шастаем по снегам, чего-то ищем.

Если кто думает, что достаточно просто совершить лыжную прогулку в лес, чтобы найти «черты», то очень ошибается: искрестить лыжней надо много. Перебрeдаешь из одной сосно-

вой гривы в другую, крутишься по хвойным куртинам, провернешь боровины вдоль высоких берегов речек и ручьев. В руках — здоровенный посох, выше самого роста, чтоб доставал до упора, когда нужно подняться на взгорок, или надежно тормозил, если разнесет на спуске. Древесина его за ночь прокалилась морозом, и удержать в руках этот кол можно лишь в толстых перчатках.

На рассвете вольно разгуливать в тайге по твердой поверхности снегов, путь открыт «в любую сторону моей души». Вот только эта стеклянная корка срывает лыжные поверхности, будто наждаком. Да еще от нее невероятная отдача на ходу — подъем на малейший бугорок становится проблемой. Вдруг ногу из-под тебя словно кто выдернет, и ты клюешь лицом в колючий жесткий снег, ледяные капли потекут в рукава. Приходится одолевая подъемы не столько ногами, сколько на руках: упираешься перед собой этой самой холудиной и подтягиваешься — почти как в долбленках ходят на шесте...

Разные следы попадаются довольно часто. Вот на солнечной вырубке, зарастающей березовой и осиновой молодой, напелли кружев зайцы. По их тропам вразвалочку, оставляя корявые круглые отпечатки с кривой поволокой, слонялась рысь и, кажется, в одном месте поживилась белячком. В густом осиннике на тенистом северном склоне держится сохатый, петляет по глубокому снегу на небольшой площадке. Всюду видны мышинные стежки да витиеватые письмена горностаек... Конечно, в городе работа солнца заметнее, тут зима на вид почти нетронута.

Там и здесь крестиками настроили рябки. В одном месте я не сразу понял, что вытворал на поляне серый петушок. Следы были с какими-то

завихрениями, а то и вовсе прерывались — рябчик вспархивал и тут же опускался, чиркая по снегу крылышками. Такое впечатление, будто он гонялся по лужайке за веселой бабочкой. Только бабочек еще нет... Э! Да не «чертил» ли перед своим током и маленький петушок? Любопытно, ни разу не встречал описаний рябчиного тока. А серебристый задорный пересвист сегодня доносился не раз. Этим тоже не сидится спокойно — март, март всех будоражит! И поползны звонко свистят, и синички цификают задорно — все в лесу ожило, хором славят мартовское долгоденствие. Презимовали!

Ходишь, и это мартовское возбуждение в крови так тебя и подзуживает, поторапливает. Каждый сосновый массив издали чудится током; вот, думаешь, сейчас доберусь, ступлю под своды, а там!.. Но немало уж я их прошел, да все пусто. Просто так бродить, где только сосны увидел, — дело, конечно, глуповатое; ходишь со смыслом, обдумывая: могут или нет петухи выбрать себе это место для турниров? Руководствуясь опытом (немало уж видел токовищ!) и не меньше — чутьем...

Ага, вот, наконец, глухариный след — я же говорил! Под елками наста еще нет — в сыпучем снегу крестов от лап не разглядеть, — он оставил глубокую борозду с углублениями шагов. Но я сразу узнаю след по общему очертанию, по характеру. Теперь надо определить, что он тут делал? Отправляюсь по наброду в пята и скоро вижу, где глухарь опустился в снег, пропахав грудью глубокую траншею. Значит, откуда-то прилетел. Именно сюда — зачем? Разгуливал он тут довольно долго, но... кажется, просто ощипывал зеленые хвоинки с молодых сосенок в снегу. Да, след кормовой. А все равно какая-то надежда! Надо сделать в этом районе кружок, вдруг еще что-то попадетя?

Часа три я уже проходил после восхода, и кажется, что лыжи мои умеряют свою громогласность — стали переговаривать друг с дружкой шепеляво: наст начинает отпускаться сверху?.. И вот уж на солнечной поляне отмякший снежок несколько раз попробовал сердито цапаться снизу. Та-ак, намекаясен: скоро начнется проклятый подлип, бич весеннего лыжного хода. Это все солнце работает! Бел снег, льдист и ослепителен, казалось, леднокровно отражает все лучи. Ан, не все! Вознаются золотые копы в непорочно-неприступную броню. Только в лесной тени по-прежнему хранится стын; даже по цвету снежной поверхности я вижу, где легче идти, — на лужайках наст золотист, в тени деревьев хранит голубой оттенок; стараешься прокладывать лыжню от тени к тени: по голубому цвету лыжи пока скользят.

Но пора и передохнуть. Смахиваю с поваленной лесины снежный бугор, усаживаюсь. Э-хо-хо, побродил мой

глухарь по склону, пощипал себе хвоинки с мелких сосенок и улетел — не будет здесь в апреле петушиного топталища... Сижу, отдыхаю, поглядываю вокруг.

Глаза засекают неподалеку пень, оказавшийся на южном, солнечном прогале; любопытная на нем снеговая папаха — вся выеденная с одной стороны и угрожающе нависшая с другой. Это солнечные лучи вытопили ее южную половину, и потяжелевшая северная — вот-вот перетянет — рухнет снеговой груз с пня. А пока что из этого кома, как нить из пука кудели, вытянулась длинная серебристая сосулька. (Говорят, длинные сосульки — к долгой весне?..) Значит, вот как она начинается, лесная мартовская капель! Черные пни, стволы-повалины, укрытые снеговыми тюфяками, — вот кто ее рождает...

Однако расслаживаться особенно некогда — надо ходить, рыскать, искать: волка ноги кормят! А то скоро вовсе распустится наст — как бы мне тут не залететь... Досадно будет: глухари на местности держатся — кормовые наброды вижу, — должны они где-нибудь собираться весной на своей сва-

дебной «танцплощадке»! Но где?..

Однажды я вот так же набрел на место, все истоптанное глухарем. Дело было в конце февраля, и я сначала усомнился, что он там бродил перед током. Хотя разок явно черкнул крыльями. Но ведь зима еще стоит, рано! С другой стороны, чего бы ему так упорно кружить на этом пятач-

ке — сосенок и в других местах полно. Дело было километрах в трех от железнодорожной платформы, на которой останавливалась электричка, — может тут быть ток? За лесом — дачный поселок, летом к нему кладут асфальт, доносится погромыхивание поездов... А все-таки засело в голове: почему он там кружил на этом пятачке?! И — собственными глазами видел — разок-то черкнул...

Не вытерпел, выбрался еще раз, но уже в конце марта, когда «чертежи» должны встретиться на верняке. Нетерпеливо шагаю к заветному местечку, а у самого крепнет в душе надежда, аж какая-то струнка там подрагивает. Собственно, я уже не сомневался, что сейчас увижу настоящие «черты». Вот этот уголок... Я его снова весь искрестил: ни «черт», ни черта... Как же так? Сам себе не мог поверить. Мертвая снежная целина вокруг. С трудом смирился с поражением (гм, в каждом

детективном сюжете для остроты интриги положено быть ложной версией), поворотил лыжи к дому. И в этот момент глухарь — собственной персоной, огромный как пароход — полетел с дерева у меня над головой.

Значит, есть он тут, обитает! Я не ошибся в своих предположениях — все же кое-что кумекаю в глухарях и их мудреных «чертежах». Но почему больше не чертил?.. Объяснить можно только одним: боится — слишком loudly и шумно. А прилетать на исконное место токования «отметиться», попереживать — в этом отказать себе не может. Да-да, именно так! Выходит, я нашел токовище? А вот это утверждать было бы опрометчиво. Вернее сказать так: глухарь живет и в конце апреля токовать станет, но тока, настоящего турнира-игрища, конечно, не будет; разве это ток, когда певец один?

Да, в большинстве людных местностей, в которых глухарь еще сохранился, чаще именно с подобной ситуацией и сталкиваешься: следы в марте встречаешь — могут попасться «черты». Но... токов весной не бывает. Будет появляться одинокий петух и скрежетать на рассвете свою древнюю песню. Может прилететь послушать его концерт пара рябых копалух. А настоящих токов нет. Хотя, повторяю, увидеть «черты» можно. Если очень захотеть и как следует постараться.

Вот, говорят, прежде были тока! Десятки глухарей собирались, друг друга раззадоривали, а то и дрались на полу! Годами, десятилетиями на одних и тех же местах. Может, и ныне где-нибудь в Туруханском районе сохраняются такие сборища, да только сумей попасть весной в те края... А чаще рады бы глухарь из года в год праздновать весну на одном любимом месте, но им не дают. Слетелись 3—5 петухов — уже ток. Да, гляди, и его скоро вырубят. Остатки сосен и выхлестывают в первую очередь на всякие местные нужды. Впрочем, и охотники тоже выбивают, нечего лукавить. Ученые четко определили: если брать каждую весну пятую часть прилетающих петухов, этот ток обречен.

Потому и получается: хочешь весной разок послушать колдовскую глухариную песню — не ленись чуть не каждой весной отыскивать себе новый токок. Вот почему раньше в подобной науке большой нужды не было — узнал и пользуйся помаленьку лет десять — а нынче... Поет — один. Разве это ток? Прежде подобное вообще нельзя было представить! Да, под влиянием разгромной деятельности человека древние птицы тоже как-то приспособились: не собираются. (Вот и тетерева давно эту манеру освоили — токуют враспынную!) Как настоящие конспираторы, «расходятся поодиночке». Зато хоть как-то сохраняют свой род. Грустные, конечно,

размышления для такого золотого радостного дня. А чему радоваться? — сколько уж проходил, а ничего путевого не нашлось...

И чем веселее игравт лучи, тем хуже мои дела: все больше липнет снег к лыжам. Что ж, смириться с неудачей и вырывать к спасительной дороге? Нет, пока еще можно ходить по северным морозным склонам в сумраке густых сосен. Вот только когда приходится перебредать из гривы в гриву или одолевать южный подъем, дело становится совсем плохо. На открытых местах верхняя корка отсырела, лыжи зарываются под нее; теперь мокрый снег и сверху налипают горбом, каждая лыжина стала весом в пуд. А долгожданных «черт», которых я так самоуверенно пообещал читателям, все нет. Придется, видимо, сегодня возвращаться пустым с этой моей охоты.

На лесной дороге (по ней зимою несколько раз провалили срубленные хлысты) уже засверкали первые лужицы, а обледеневшие следы-потаски масляно блестели, напоминая мартовские полозницы деревенских саней. Я шагал по колею, взвалив лыжи на плечо — они разбухли и давили, будто нес сырое бревно, а сам... поглядывал в сторону — на последнюю, заметную в округе сосновую гриву, которая маячила поодаль за просторством старой, замусоренной и зарастающей лесосеки. Идти туда? В общем-то бесполезно, коли за столько часов ничего не нашел. И очень стало тяжело, очень: снег совсем размяк. Ну, просто глупо, если разобраться!.. И, воскликнув так про себя, я, вопреки собственным доводам, свернул с дороги — зашоркал лыжами в сторону этой последней гривы.

Ну как ее оставить неосмотренной? Сколько раз бывало на охоте: весь день бродишь — и все пусто, и уж так не хочется больше никуда заворачивать — просто сил нету! Однако ноги сворачивают сами, их влечет последняя надежда. И — тут-то оно и пряталось, поджидая тебя, твое неверное охотничье счастье! А поиск «черт», сказано же, чем не охота?

Ну, вот и он, ритуальный токовой след глухаря — сразу попался, стоило мне зайти в кромку этого последнего борка! Его сразу узнаешь. Бывает, петух распищит по сторонам крестов легко, одним-двумя перышками. А этот вел густо, тяжело, «всей горстью». Красотища, богатейшие «черты»! У будничного, кормового следа расстояние между отпечатками равно как раз одному отпечатку-кресту, а у «чертовского», который сейчас передо мною, промежутки от лапы до лапы в два раза больше: то есть глухарь не просто шел — он вышагивал точь-вточь, будто самодовольный петух-забияка по двору.

А это еще что такое? След простой и помельче... Ха! Копалушка рядом объявилась. Вроде случайно тут оказа-

лась — поклевать сосновых иголок пришла. Знаем мы вас, хитрых! Тоже, наверное, март чувствует, а как же? Ну, а тут вовсе чудная картина: глухарь подпрыгнул, оставив на следу стеченок всего размаха крыльев, и приземлился снова через пяток моих шагов. Это уже не просто «черты», а первые фигуры настоящего свадебного танца. Сомнений нет, — будет здесь ток — нашел! Ну и что, пережил несколько неудач на пути к успеху, так всегда случается на охоте. Тем более радуют редкие находки, вот такие счастливые минуты: нашел!

Но взыграла не только душа моя ликующая — и солнце тоже. К полудню снег окончательно раскис, назад к дороге я еле дополз своим следом. С каждым шагом на лыжи налипали огромные комья. Я оббивал их, ударяя ребром лыжины о стволы деревьев, на минуту становилось легче, но тут же снова снизу нарастали «чугунные копыта» — еле переставляешь ноги. А что придумать? Ничего тут больше не изобретешь, только смиришься и мучительно размеренно ковляй да ковляй к дороге.

Над сверкающими снегами дрожало и струилось настоящее летнее марево, ленивый ветерок махал теплыми крыльями, порхали ожившие слабые мотыльки, торопливо пролетали озачерненные черные мухи; пахло талым снегом. Март, март, настоящий весенний зной над белыми просторами!.. Вот и дорога — уфф, еле доплелся. Но это все ничего, зато дело сделано. Теперь недолго осталось ждать начала настоящих жарких токов.

...А вдруг и здесь окажется, что он один? Ну, пара слетится... Тогда ни о какой стрельбе не может быть речи: такой грех — уничтожить хотя бы маленький точишко — я никогда на душу не возьму. И получится, зря были потрачены усилия, ничем закончились мартовские поездки?

Вот уж нет! Ну, присидел бы месяц дома — разве что выиграл? А то увидел зарождение новой весны в тайге, и теперь оно со мной навсегда. Но главное: поиск и разгадки глухариного «детектива», надежды и мечты, ошибки — своего рода выстрелы-промахи, таежные ночлеги у костра и снова надежды, длинные лыжи за спиной, даже эти муки ходьбы по мокрому мартовскому снегу (но муки радостные!), наконец, удача, находка... Конечно, все это и есть охота! Все, все, что предшествует выстрелу, можно пережить в поездках за глухариными «чертами» — так сказать, всю «большую половину» охоты!

Какой-нибудь наш читатель-спорщик опять возразит... Но я больше ничего не буду доказывать. Знаем мы этих спорщиков: «Я, правда, сам книжку не читал, не бывал — но не согласен!» Чуть какая-то... А вот я — ездил, видел, находил. Сам и не раз! И повторяю: это и есть охота. Все, что до выстрела...

ЖЕНЩИНА С СОКОЛОМ НА ПЕРЧАТКЕ

В. ФЛИНТ, А. СОРОКИН

Ружейная охота — почти исключительно привилегия мужчин. Нечасто увидишь женщину с ружьем в лесу или на болоте. И только журнал «Охота и охотничье хозяйство» иногда напоминает о том, что и среди женщин есть настоящие мастера охоты. Действительно, в искусстве стрельбы, особенно стендовой, женщины не уступают мужчинам, а по остроте переживаний, может, в чем-то и превосходят. Но традиционно все-таки реальный расклад жизни, жизненные обязанности, да и физические возможно-

сти определяют то, что женщина с ружьем — скорее исключение, чем правило. Несколько иначе складывается ситуация с женщинами-сокольницами, по крайней мере в Западной Европе и Америке.

Нет никаких свидетельств того, что женщина хоть как-то соприкасалась с соколиной охотой в раннеисторические времена. Да и в средние века, в эпоху Фридриха Гогенштауфена, сложившиеся к тому времени каноны соколиной охоты с их жесткими требованиями серьезной физической подготовки и сурового аскетизма про-

сто исключали присутствие женщин на охоте. Женщина появлялась в обществе сокольников только в «нерабочее» время. Насколько можно судить по старинным рисункам, привлекали женщину, в то время, скорее всего, не ловчие птицы, а сами сокольники мужского пола, молодые, сильные и энергичные парни. В принципе это можно понять, явление вполне житейское, и судить средневековых красавиц было бы несправедливо.

Анализ старинных гравюр показал, что первое массовое прикосновение

женщин к процессу соколиной охоты относится, по-видимому, к концу XV века. Но и тогда в кавалькадах сокольников они были как бы украшением, часто сидели на крупе лошади позади охотников и никогда не держали ловчих птиц на перчатке. Положение коренным образом изменилось в начале эпохи Возрождения, когда женская красота, культ женщины были подняты на особый пьедестал. Поклонение женщине стало своего рода стимулом развития многих общественных явлений, неотъемлемой принадлежностью искусства, да и всех других сторон культуры и быта. На картинах и гравюрах этого периода уже не редкость видеть женщин с ловчими птицами на руке, участвующих в охоте на равных правах с мужчинами. Нет нужды подчеркивать, что охотой занимались лишь аристократки. Приблизительно к этому времени, по-видимому, относится возникновение особого способа дамской посадки в седле, когда обе ноги всадницы расположены по левую (изредка по правую) сторону лошади. Роль правого шенкеля играет стек, вдетый крючкообразной рукояткой в специальное кольцо на подпруге. При такой посадке всадница держит поводья в левой руке, а правой придерживает за петельку рукоятку стека. Тогда же, когда на правой руке сидела ловчая птица, приходилось от стека отказаться. Надо добавить, что новая манера верховой езды потребовала и соответствующего наряда. Так было «сконструировано» соответствующее платье с длинной и сравнительно узкой юбкой, которое получило, как и сама манера сидеть в седле боком, название «амазонки». Современная посадка, несомненно, более удобная и надежная, считалась неприличной. «Амазонки» были в большой моде вплоть до начала нашего века.

Первой персонализированной сокольницей была герцогиня Мария Бургундская (1457—1482) — супруга короля Максимилиана I, императора Священной Римской империи. Правда, в историю соколиной охоты она вошла при трагических обстоятельствах: во время скачки, увлеченная зрелищем атаки ее любимого кречета на стаю гусей, герцогиня не сдержала коня, и он, перепрыгивая через ствол поваленного дерева, упал, увлекая за собой всадницу. Когда свита придворных подскочила к месту происшествия, герцогиня была мертва. Случись такое с мужчиной, все сочли бы это рядовым случаем и скоро забыли бы о трагедии. Но смерть двадцатипятилетней красавицы, баловня судьбы, была воспринята современниками как мрачное проявление рока, как перст судьбы, фатальная неизбежность. Недаром среди нескольких картин, отражающих это событие, есть любопытная гравюра, где выезжающая на охоту герцогиня окружена невидимыми ее спутниками — тремя фигурами смерти.

Судьба Марии Бургундской так запечатлелась в памяти поколений, что и сейчас один из клубов на территории бывшей Фландрии носит ее имя.

История не сохранила имена сокольников XVI—XVIII веков. Запечатленные на многочисленных гравюрах, посвященных охотничьим сценам, они, к сожалению, анонимны. Что же касается женских портретов с соколом или ястребом на руке, то здесь всегда остается сомнение, не является ли ловчая птица просто деталью, подчеркивающей благородное происхождение или высокое общественное положение изображенной особы. Кстати, таких портретов немало, и некоторые из них относятся к шедеврам мировой портретной живописи, как, например, портрет неизвестной дамы с соколом, относимый к голландской школе XVI века и украшающий картинную галерею в Лувре.

Выезд Императрицы Екатерины II 30 сентября 1767 года в село Коломенское верхом в мундире Конной гвардии на охоту

Л. О. Пастернак

Не чужды соколиной охоте были две русские царицы, Елизавета и Екатерина II. Нам представляется, однако, что охота с дербником для этих дам была, скорее всего, случайной забавой, а не сколь-нибудь серьезным увлечением.

В середине XIX века более значительную память оставила королева Нидерландов София. Она часто принимала участие в охотничьих выездах английского Королевского клуба сокольников, охотничьи угодья которого находились в Нидерландах. Она была на равных правах с мужчинами. В седле она, по моде тех времен, сидела боком, однако, будучи левшой, предпочитала правостороннюю посадку. Сокола же тем не менее держала все же на правой руке.

Возрождение соколиной охоты в середине XX века знаменовало массовое вступление женщин в ряды сокольников. Мы проанализировали около сотни групповых фотографий членов различных объединений сокольников в странах Европы, сделанных в последние тридцать лет. И установили очень интересный факт: на этих фотографиях до 20 % охотников составляют девушки. Если же вычислить среднюю, то она оказывается равной приблизительно 8—10 %.

Некоторые женщины-сокольницы

Барбара Хафнер (Германия) с воспитанным и обученным ею охотничьим филином

уже сейчас оставили заметный след в развитии и популяризации соколиной охоты. Одной из первых, возможно, заслуживает упоминания англичанка Эмма Форд. Она впервые вы-

носила охотничьего ястреба, когда ей исполнилось лишь восемь лет. Впоследствии вместе со своим мужем Эмма Форд собрала хорошую коллекцию ловчих птиц и постигла все премудрости охоты с ними. В 1979 г. по приглашению шейха Заида, президента Объединенных Арабских Эмиратов, Эмма Форд вместе с мужем изучала соколиную охоту в странах Ближнего Востока. По возвращении в Англию в 1982 г. она заложила основу Британской школы сокольников, первого специального центра по обучению приемам соколиной охоты. В том же 1982 г. Эмма Форд, будучи настоящим практикующим сокольником, опубликовала книгу «Сокол в вольере и в поле». Помимо традиционных вопросов, связанных с историей соколиной охоты, описанием амуниции и методов тренировки соколов и ястребов, в книге большое внимание уделено содержанию и разведению хищных птиц, причем при чтении ее не покидает чувство, что автор знает все из первых рук, имеет собственную точку зрения на все основные проблемы, обладает немалым собственным опытом. Книга включает несколько приложений, в том числе очень интересный словарь специальных терминов, что придает ей дополнительную ценность. Эмма Форд приезжала на состязания сокольников «Беркутчи-90» в Казахстан, где имела возможность оценить традиционную охоту казахов.

Другая современная патриотка соколиной охоты, тоже англичанка, Джемайма Парри-Джонс. Дочь известного английского сокольника Филиппа Глейзера, она с детских лет интересовалась животными и природой. Однако, когда пришло время выбирать жизненный путь, Джемайма выбрала музыку: два года она проучилась

Женщина с соколом на перчатке, сидящая верхом на лошади... Что может быть прекраснее!!

пению в музыкальном театре в Гилдфорде, а затем еще три года в Королевской музыкальной академии в Лондоне. Видимо, дебют Джемаймы в качестве профессиональной певицы был не особенно удачным, так как она вскоре, по завершении курса в академии, уехала в деревню, имея спутниками собаку, двух кошек, трех попугаев, двух кроликов, двух хищных птиц и черепаху. Она присоединилась к своему отцу, который к тому времени уже создал знаменитый Соколиный центр в Ньюенте. В 1981 г. Джемайма совместно с мужем выкупила Соколиный центр у Филиппа Глейзера и они стали полновластными его хозяевами.

Подобно Эмме Форд, Джемайма также написала очень интересную книгу о соколиной охоте, которая вышла в свет в 1988 году. Книга эта имеет несколько иной профиль: поскольку Джемайма в меньшей степени относится к настоящим охотникам, а, скорее, просто любит хищных птиц, основная тема книги — содержание, вольерное разведение и охрана хищных птиц. Вместе с тем охота с ловчими птицами в ней не забыта.

Женщины-сокольницы, причем охотники высокого класса, использующие даже таких крупных птиц, как беркуты, многочисленны сейчас не только во всех странах Европы. Есть они и в Америке. Нам посчастливилось встретиться с одной из них.

Фрэнсис Хаммерстрем, или, как ее называют друзья, Фран, родилась в 1907 г. в Бостоне, в старой и очень богатой семье. Как и Джемайма, она с детских лет была тесно связана с дикими животными и увлекалась охотой. Обладая, в буквальном смысле слова, необузданным характе-

ром, в котором главным было проявление независимости, она прожила сложную и интересную жизнь. Будучи ученицей известного деятеля охраны природы Олдо Леопольда, Фран и сама вошла в историю изучения и сохранения животного мира Северной Америки как один из наиболее ярких и активных деятелей. В полном одиночестве она живет в старинном доме среди лесов Висконсина. Дом остался недостроенным после того, как все мужчины из семьи, владевшей им, ушли в середине прошло-

го века на гражданскую войну и не вернулись. В доме старинные чугунные печи для обогрева зимой, старинная самодельная мебель, но нет ни горячей воды, ни газа.

Любовь к охоте с ловчими птицами пришла к Фран тогда, когда она стала изучать биологию американской пустыни. У нее перебивало много соколов и ястребов, но главной привязанностью стал беркут, с которым Фран успешно охотится даже сейчас, в свои 87 лет.

Судя по старинным миниатюрам, охотились женщины с соколом и в Иране. Зато в странах арабского мира и в Японии соколиная охота и по настоящее время является безоговорочной привилегией мужчин. Не встречали мы женщин и среди сокольников Грузии и республик Средней Азии.

Массовый приход женщин в соколиную охоту не случаен. Она требует от своих патриотов особого духовного склада, особой душевной чувствительности, нежности и чуткости в обращении с гордой и свободолюбивой птицей в сочетании с терпением и настойчивостью. Всеми этими качествами большинство женщин обладает в полной мере, нередко превосходя мужчин. Женщина с соколом на перчатке — это реальность сегодняшнего дня. Реальность, которую ждет большое будущее.

Фран Хаммерстрем

МОЯ СИМПАТИЯ — ФОКСТЕРЬЕР

В. ГРЕКОВ

Первую охотничью собаку мне подарили в Ашхабаде. Это был курцхаар, весь черный с белым пятном на груди, в связи с чем и звали его Черный. Пес был редчайших дарований, но совершенно ничему не обученный. Поскольку мне сравнивать его было не с кем, то я думал, что все собаки так хороши. Затем я держал красных и английских сеттеров, малых мюнстерлендеров — в общем, был отъявленным легашатником.

Охота по перу заканчивалась в Одесской области к декабрю и далее еще 1,5—2 месяца продолжалась по зайцу, где подружейных собак не использовали.

Как-то мне показали разрешение, выданное владельцу норной собаки Ю. С. Никандрову на отстрел лисиц — основных переносчиков и резервуара бешенства, в связи с чем охота продолжалась еще на три месяца! Поразмыслив, мы с женой решили приобрести в пару к английскому сеттеру еще жесткошерстного фокс-терьера и освоить новую для нас охоту.

Продолжая рассказ, хочу сказать, что в детстве я любил беспрепятственный клев бычков на море, а пескарей — на речке. Однако сейчас я предпочитаю неспешный результат, люблю потягаться с изрядной добычей. Теперь и на охоте мне стало интересно обхитрить и взять из норы матерого лисовина. Мой сын в охоте как-то сразу перескочил с мелочи на лисиц и считает эту охоту самой интересной, хотя и опасной.

В начале 80-х годов я часто бывал в Москве по диссертационным делам и стал навещать в клуб кровного собаководства. Вскоре там, в кулуарах, весьма почтенная дама доверительно сообщила, что потомки жесткошерстного кобеля Форварда всегда идут в нору... есть неплановые щенки, то есть без документов. Достать иногороднему полноправных щенков, да еще от Форварда, оказалось делом весьма сложным.

При частых посещениях клуба я познакомился с невысоким, крепкого сложения человеком, который в очередной раз посочувствовал и спросил: «Почему хочешь жесткошерстного фокса, ведь гладкошерстные удобнее?»

Я ответил, что жесткие декоративнее и лучше защищены от холода. На что получил возражение: гладкого не требуется 2—3 раза в год ощипывать, словно курицу, вышел он из норы потный — в рюкзаке его, а когда поостыл — вытряхнул на снег и все, а жесткий, весь в сосульках, из песчаной норы выходит слепым, пока ему не почистят брови, да и репьяки все его. И вообще, — продолжал мой новый знакомый, — Фоксика — универсальные собачки, наш коллектив ездил на утку, так моя Чава обслужила всю компанию — нашла и подала всех битых птиц, а осенью эти собачки следят белок, ходят по кунице — в общем, по всему, что на воде, земле и под землей, они настоящие универсалы.

— А где вы их держите? — не унимался я.

— На открытом балконе, в утепленной будке. Приходи на Кленовый бульвар, 1/12, там и посмотришь, — заключил он.

Так я поближе познакомился с Алексеем Васильевичем Чухляевым.

Действительно, Алексей Васильевич открыл балконную дверь и вместе с клубами морозного воздуха в комнату юркнули две милостивые собачки, которые тут же увидели меня, встали столбиками, положив на мои колени передние лапки, и усиленно обнюхали меня, дружелюбно помахивая обрубками хвостиков.

Надо сказать, что при первом знакомстве меня поразили облик этих собачек: эффектно выделялась мощная грудная клетка на фоне неброской задней части.

Это знакомство убедило меня, и я стал ждать. Весной, в следующий приезд, Алексей Васильевич послал меня в дальнее Подмосковье к Александру договориться о щенке и в Подольск к Агафонову, у которого проживал свой Гек Чук.

Чук и мой Глек были лучшими представителями породы. «Поохотишься с Чуком, и он натаскает тебе щенка», — напутствовал учитель.

К сожалению, это не сбылось: я не очень-то поверил в рекомендации опытного норника и не приложил максимум усилий для реализации его плана.

Щенка Алексей Васильевич выбирал с особым удовольствием, так как отец

чемпион Джой Бритнева был прямым потомком его чемпиона Глюка, а мать — «черная лошадка» — молоденькая собачка хорошей стати.

Когда я приехал за щенком, он уже хозяйничал в квартире: с устрашающим рычанием трепал теплые тапочки и брошенные для него шкурки.

— Очень злой и красивый щенок, просто жаль отдавать, — сказал Алексей Васильевич. Кстати, в дальнейшем никто из ее многочисленных потомков, да и фоксов других кровей, не умел так красиво и убедительно рычать!

По дороге домой в раскаленном солнцем вагоне меня больше мучили не мелкие невзгоды пути, а то, как назвать будущего бойца, и я назвал собаку именем легендарного воина — Радомесом. Ведь есть Александр и Александра, Василий и Василиса... Но иностранные имена не имеют родовых окончаний, почему бы не быть моей собачке просто Радомес! В дальнейшем одесситы прозвали ее Змеей Радомеской, а дома она стала Радой.

Время шло, и Рада превратилась в очень красивую молодую собачку с полным набором зубов. Она вышла и статью, и окрасом, и злобой, так что в дальнейшем ей не было равных на украинских выставках всех рангов.

Воспитываясь в паре с английским сеттером Азой, она переняла многое, что входит в методику обучения лгавых. Причем Аза проявляла трогательную заботу о щенке, всячески старалась обучить тому, что уже усвоила сама. Однажды, когда мы делали уколы, Аза перенесла их как должное, Рада, напротив, подняла истерические вопли (она никогда не любила лечиться). Аза не вытерпела, встала рядом и начала буквально выговаривать с людскими интонациями в лае, что она думает о данной выходке. До сих пор удивляюсь высокому интеллекту этого сеттера и до сих пор не могу простить себе, что не сумел спасти ее от чумки. Кстати, это единственная собака, которую я не вакцинировал против этой болезни.

Наступила пора натаски Радомеса, и только тут я понял, какую непрости-тельную ошибку совершил, не следуя совету Алексея Васильевича и не заполучив Чука. С его неоценимой помощью я достиг бы куда большего

с минимальной затратой сил, а так... первый блин был комом, хотя я держал разных легавых. Теперь, когда у меня есть рабочие собаки, натаскивать по естественным норам несложно, поскольку щенки очень быстро перенимают все науки у взрослых.

А тогда... На одной из прогулок

Радомес — основательница династии моих гладкошерстных фокстерьеров.

Фото автора

наткнулись мы на маленьких лисят. Испуганные зверьки помчались во всю прыть и скрылись в норе. Радомес проскочила нору и остановилась в недоумении.

«Какая удача,— подумал я. Подозвал собаку и скомандовал: Вперед!»

Но Рада не понимала, чего от нее хотят. Вскоре из-за поворота норы появились любопытствующие мордочки голодных лисят. Рада с интересом посматривала на них и только... Что делать, достал из рюкзака свой обед и разрезал колбасу на маленькие кусочки. Один предложил собаке, и она с аппетитом его проглотила. Второй кусочек бросил в нору, но голодный лисенок схватил его раньше и скрылся за поворотом норы. Так продолжался мирный ленч молодежи, пока не закончилась колбаса, причем лисята оказались проворнее и съели больше.

Алексей Васильевич советовал в таких случаях оставлять в норе или трубе колбасу, чтобы собака привыкала к этому, затем советовал посадить туда

котенка. Он думал, опешившая собака решит, что котенок съел ее колбасу, и даст ему трепку.

Ничего подобного не случилось. Разочарованию не было предела. Тогда от Алексея Васильевича пришел новый совет, заключающийся в том, чтобы наловить бездомных котят, обрезать им когти, затем посадить

— Открывай,— выдохнула жена.

Я выдернул ватник и... ахнул: перед нами с котенком в зубах стояла не Рада, а воин Радомес. Глаза ее полыхали адским пламенем. Что за осанка! Полна силы и достоинства!

Она положила к ногам первую добычу и потом зорко следила, чтобы она не потерялась. Так и пришлось нести ее домой. Впоследствии она бдительно охраняла дичь, машину, вещи... что крайне неудобно в компании.

— Сначала привяжи свою змею, а потом снимай рюкзак,— требовали друзья.

Многим, неосмотрительно приблизившимся к нашим вещам, она изорвала штаны, в том числе и сыну, которого она считала стоящим ниже себя на социальной лестнице.

Надо признать, что кошки неудобны в работе и натаскивать по ним собаку можно лишь не от хорошей жизни. Прежде всего потому, что на юге Украины множество бродячих кошек днюет в земляных норах и лабиринтах старых стогов соломы, где они крепко держат оборону. На охоте тратятся драгоценное время и силы собак, которые получают травмы и могут лишиться глаз, а в результате вместо лисы оказывается кот, да и на прогулках часто попадают кошки.

Однажды в катакомбах собаки после непродолжительного облаивания стронули зверя и дружно выскочили на поверхность, потом устремились к дереву и стали высматривать на нем кого-то. Мы поняли и рассмеялись... собаки выгнали здорового кота.

К сожалению, нам выбирать не приходилось, да к тому же вскоре попался кот Василий Васильевич, который успевал оторваться от Рады и попевал ко второму выходу, где благополучно попадал в сачок. Всему бывает конец. Рада стала быстрее ходить, настигла его посредине, и не стало Василия Васильевича.

Когда нам некогда было идти к норе, на стройке, которая шла повсюду, находили подходящую трубу и использовали ее как нору. При этом самое большое неудобство состояло в том, что яростный лай в трубе усиливался и превращался в гудение, разносящееся по всей округе, привлекающая всеобщее внимание. Собака же вылезала из трубы вся в ржавчине.

На первой натаске по лисице Радомес показала прекрасное преследование, не испугалась, наподобие других собак, когда зверь перескочил через нее, но в конце норы молодая собачка получила трепку от опытной лисицы, что замедлило продвижение Рады по социальной лестнице.

Прошло время, и Радомес заработала дипломы всех достоинств, имела много отличных и выдающихся щенков, попала в класс элита и стала чемпионом породы. При ее данных и правильной натаске она могла бы достичь куда большего и значительно раньше. У нее все было не так, все не с первого раза. В младшей возрастной

одного из них вместе с собакой в нору, заткнув отверстие ватником и... ждать!

Исполнив предписания, мы с женой пошли вместе к ближайшей лисьей норе, до которой, слава Богу, было от моего дома и края Одессы не более километра.

Кое-как изошрились и затолкнули в нору собаку и котенка, которые, почуввав подвох, изо всех сил пытались вырваться, но мы наконец изловчились и совместными усилиями наглухо заткнули отверстие... Прошло несколько минут — в норе тихо. Первым замыкал котенок, вторя ему, заскулила Рада.

— Хватит издеваться над животными, вынимай кляп, неровен час и задохнутся,— сказал я.

Но что это: раздалось злобное рычание Рады.

— Видно, котенок ей на мозоль наступил во тьме,— съязвила жена.

Вдруг котенок завопил... Земля и ватник содрогнулись — в глубине шла схватка, затем все затихло.

группе ее по надуманному предлогу не допустили на выставку ветеринары, но на следующий год, начиная со средней возрастной группы, Радомес не было равных на городских, областных, межобластных и республиканских выставках.

Кстати, на XII Украинской выставке московский эксперт Мансурова, поставив Раду в большом ринге первой, затем поинтересовалась, откуда собачка, и когда узнала, что из Москвы от чемпиона Джоя А. В. Бритнева, то спросила: «Идет ли собака в нору?» Я ответил: «Смотрите на полевые дипломы». Впоследствии Алексей Васильевич объяснил такую реакцию судьи тем, что московские завистники пускают слухи, охаивающие Джоя.

Должен сказать, что Рада была не только хороша собой, но и давала прекрасных щенков. Не ошибусь, если скажу, что не менее 3/4 одесских гладкошерстных фокстерьеров несут через Радомес кровь Глюка. Примесь запорожских линий дала в потомстве более короткую шерсть и шакалье раболепие перед хозяином, передавшиеся Зарке и Ласке.

Не знаю, родилась ли Рада в понедельник, но была она не очень везучей: первую лисицу, выставленную за 7 минут, мы не ожидали так быстро и упустили без выстрела, да и брать по месту Рада научилась не на тренировках, а сама, трепля добытых лисич. Не повезло ей и в том, что одесские судьи снимали Раду на испытаниях за «пустолойство», ибо она еще до контакта с лисой начинала на ходу подавать голос. И каких только «добрых» советов не было, чтобы отучить ее от такого «порока». Однако на Украинских состязаниях им объяснили, что это не порок, а манера работать! А на охоте такая манера просто наслаждение, хоть под землей идет гон, хоть на поверхности. Такую гололистость Рада четко передавала щенкам. Однажды на межобластных состязаниях в Виннице профессионалы были приятно удивлены, когда узнали, что в норе ходит с голосом кругами не такса, а гладкий фокс. В это же время небезызвестный Марченков радостно восклицал: «Это щенки от моего Дружка!»

Как-то именитый ветеринар, гипсую ногу собаке, спросил: «Когда родилась Рада, случайно, не в день космонавтики?» И когда получил подтверждение, то пояснил, что некий экстрасенс нашел этот день «черным». Поэтому нет ничего удивительного, что собаке так часто не везет, ибо его постоянный клиент кот Базилий, родившийся также в эту черную дату, уже трижды падал с 7-го этажа и каждый раз весьма неудачно — ломал нижнюю челюсть!

С возмужанием Кости и Беляночки (из 2-го помета Рады и Дружка) я стал меньше брать Радомес по зверю из-за сварливости ее характера: она всю добычу тут же присваивала себе и учиняла смертельные драки.

Но когда Костя проболел весь сезон, бабулька по мере сил и возможностей довольно неплохо заменяла его в свои 11 лет, хотя травм получала больше, поскольку реакция была уже не та. Зато я брал ее одну по перу, на кролика и зайца, где она была просто великолепна. Птицу Рада прекрасно находила и подавала живой, раненых зайцев и кроликов догоняла и брала по месту, додавливала. Причем кроликов апортировала, а на зайце сидела и ждала хозяина. Попав в браконьерскую петлю, она не затягивала ее, а спокойно ждала, взлаивая, когда ее освободят. Затем Рада оказалась на заслуженной пенсии и караулила дом, когда мы были на охоте. После восторженной «песни» она просила, чтобы ей показали добычу!

Век человека короток, а собаки несравненно меньше. Больше смотреть, что делает старость: на левом глазу появилось бельмо, сел слух, не та стать... И хоть умом понимаю, что, не смотря ни на что, судьба Радомес сложилась удачно, она прожила долгую полнокровную жизнь в хороших условиях. Но ее время прошло, и тем не менее острая жалость разрывает сердце, точно так же, когда ворошу фотографии прошлых лет.

Радомес не дождалась двух месяцев до 14 лет и скончалась в тяжелых муках в охотничий день, с субботы на воскресенье. Первую опухоль, развившуюся на левом паховом соске, удачно оперировали, но через год такая же появилась на правом, ее уже было бесполезно удалять...

Похоронили ее в лесополосе, на взгорке, по пути на охоту, и дали такой салют, что проезжавшие по грейдеру охотники остановились в недоумении. Но и тут не обошлось без дегтя: третий патрон (фабричный) в автомате только шикнул, а контейнер прочно застрял в чеке, из-за чего пришлось оказывать почести в два приема.

На обратном пути остановились и доложили, что «заполевали» огромного хитрющего лиса и его вражьей кровью окропили свежий холмик. Дома как члена семьи помянули добрым словом и стопкой горькой.

Не то стало без Радомес: войдешь в квартиру, и некому «спеть» встречную песню. Все собаки радуются, прыгают, скулят... Беляночка понимает, что не хватает запевалы, бежит за мамкой, но возвращается с виноватым видом. Мощный хор, возвещающий всему многоэтажному дому, что вернулся хозяин, уже никогда не состоится.

Мир праху твоему, красавица, охотница и отменный воин Радомес, мой первый фокстерьер и основатель славного рода!

ПАРВО- ВИРУСНЫЙ ЭНТЕРИТ И ЕГО ЛЕЧЕНИЕ

А. ДУРЫМАНОВ, А. ШЕСТОПАЛОВ
Всероссийский НИИ
молекулярной биологии,
Г. КАЗАКОВ
Новосибирское опытное
охотничье хозяйство

В течение трех месяцев 1992 г. в Новосибирском опытном охотничьем хозяйстве, занимающемся разведением западносибирской лайки (п. Кубовая, Новосибирская обл.), наблюдалась эпизоотия парвовирусного энтерита. Диагноз «парвовирусный энтерит» был поставлен на основании клинической картины и патологоанатомически при вскрытии. Позднее данный диагноз был подтвержден сотрудниками НПО «Вектор» серологическими методами.

Анализ эпизоотии показал, что падеж щенков начинался после отъема у кормящей суки, причем гибель щенков достигала 95%. Заболевание характеризовалось отказом от пищи, многочисленной рвотой, поносами, переходящими в кровавые, общим истощением и в конечном итоге гибелью в течение 1—3 суток. При вскрытии кишечник был опустошен и гиперемирован.

Симптоматическое лечение результатов не дало, поэтому в качестве лечебно-профилактических мероприятий и для создания пассивного иммунитета было предложено всем щенкам с трех-, четырехнедельного возраста вводить специфические лечебные препараты.

Для оптимизации способа лечения был проведен следующий эксперимент: двум пометам щенков (8 штук) дважды, с интервалом 12 часов, внутримышечно вводилась лечебная сыворотка против парвовирусного энтерита (производство фирмы «БиоКом лтд», г. Новосибирск). Одновременно еще двум пометам щенков (10 штук)

внутримышечно, двукратно, с интервалом 12 часов, были введены лечебные иммуноглобулины «Имунопарв» (производство фирмы «БиоКом лтд», г. Новосибирск). Введение вышеуказанных препаратов привело к тому, что только по одному щенку из каждой группы переболело парвовирусным энтеритом в легкой форме, но ни один щенок из этих пометов не погиб.

Таким образом, оба вышеуказанных препарата показали себя эффективными при лечении и профилактике парвовирусного энтерита, но использование препарата «Имунопарв» по сравнению с лечебной сывороткой оказалось более предпочтительным. Препарат «Имунопарв» представляет собой высокоочищенную фракцию им-

рита у всех пометов лаек в питомнике. Параллельно проводилась ревакцинация всего взрослого поголовья лаек питомника против парвовирусного энтерита.

Такое использование «Имунопарва» дало положительный результат: в течение месяца смертность щенков отъемышей снизилась с 95 до 5—7%. Последующее наблюдение в течение 8 месяцев показало, что в некоторых пометах встречались спорадические случаи парвовирусного энтерита, но своевременным использованием «Имунопарва» их удавалось быстро локализовать и лечить. В настоящее время гибели щенков с диагнозом «парвовирусный энтерит» практически нет.

Таким образом, используя специфици-

муноглобулинов, выделяемую из гипериммунных сывороток крови коз (баранов), поэтому при введении «Имунопарв» не дает таких побочных эффектов, как кратковременное повышение температуры, легкий озноб и болезненность поведения.

Выбранные нами препараты и схема их введения были использованы для профилактики парвовирусного энте-

ческие лечебные иммуноглобулины против парвовирусного энтерита «Имунопарв», удалось локализовать и ликвидировать эпидемию данной инфекции в питомнике собак. Данные результаты позволяют рекомендовать аналогичную схему лечения в питомниках собак, на лисьих, песцовых и норочьих фермах.

Свирель. Экологический детский журнал для чтения в кругу семьи. № 1. 1994 г. 30 000 экз. 32 с.

Вышел в свет первый номер экологического журнала для юного читателя. На его страницах много интересного и загадочно неожиданного, полезного, смешного и серьезного. Это журнал — о природе и экологии, о животных и растениях, о месте человека в мире природы и месте природы в человеческом сердце. Журнал иллюстрирован цветными рисунками и фотографиями.

Инженерная экология. № 1. 1994. 160 с.

Вышел первый номер журнала, который будет пропагандировать аналитическое обобщение современных технотехнологий о Земле, освещать инженерные проблемы обеспечения устойчивого развития народного хозяйства, популяризацию наиболее эффективных методов и технических средств снижения антропогенной нагрузки на природную среду. Внимание привлекут статьи Н. П. Лаверова «Россия в условиях глобальных изменений природной среды и климата» и С. А. Пегова «Россия: экологический кризис».

Лихачева Э. А., Смирнова Е. Б. Экологические проблемы Москвы за 150 лет. М.: 1994. 3000 экз. 250 с.

Книга рассказывает об окружающей среде города, о проблемах, получивших название экологических и связанных с совершенствованием природопользования в городе, улучшением санитарно-гигиенического состояния городской территории, развитием экологической экспертизы проектов, созданием информационных банков и системы мониторинга.

Книга, в которой 7 таблиц, 11 иллюстраций и около 2000 библиографических названий, может быть полезна как библиографический справочник опубликованных работ по проблемам окружающей среды г. Москвы.

Биологи-охотоведы Российской Федерации. Информационные материалы. М.: «Росохотрыболовсоюз», 1994.— 400 экз. 64 с.

В справочнике приводятся сведения о 240 биологах-охотоведах, изучающих различные вопросы охотничьего хозяйства, биологии, состояния ресурсов и рационального использования охотничьих зверей и птиц, вопросы организации охоты и промысла. Для каждого специалиста указаны: объект исследования, область научных и практических интересов, название и адрес учредителя (данные на 1993 г.).

Издание представляет интерес как справочник для охотоведов. Его выход — начало большой и многолетней работы по изучению и сплочению ученых и специалистов, работающих в охотничьем хозяйстве России.

ТУЛЬСКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ — ОХОТНИКАМ

Интервью с директором Тульского оружейного завода
НИКОЛАЕМ ДМИТРИЕВИЧЕМ МАСЛЕННИКОВЫМ оружиеведа М. БЛЮМА

— Уважаемый Николай Дмитриевич, вы являетесь руководителем старейшего оружейного завода России, крупнейшего производителя оружия, которое продается не только внутри страны, но и за рубежом. В связи с этим прошу вас рассказать об оружии, которое изготавливается для продажи охотникам на вашем заводе. Начните, пожалуйста, рассказ о серийно выпускающемся оружии для охотников.

— Свое обозрение я начну с наиболее распространенного среди охотников и наиболее часто покупаемого гладкоствольного оружия. В настоящее время заводом серийно выпускаются четыре модели охотничьего гладкоствольного оружия. К ним относятся ружья ТОЗ-34, МЦ21-12, МЦ20-01 и ТОЗ-87.

Двустольное охотничье ружье ТОЗ-34 и его модификация ТОЗ-34Е, которая отличается от базовой модели наличием эжекторного механизма, имеют стволы, расположенные в вертикальной плоскости. Эти ружья широко известны российским и зарубежным охотникам. Они отличаются небольшим весом, хорошей прикладистостью и отличным боем. Предохранитель не автоматический. Кроме того, для исключения случайных выстрелов имеются перехватыватели курков. Спусковой механизм с двумя спусковыми крючками. Цевье не отъемное. Ружье разбирается на две части. Калибр 12-й, длина стволов — 711 мм, вес — не более 3,15 кг. Ружье выпускается в различных исполнениях художественно декоративной отделки.

Одноствольное самозарядное охотничье ружье МЦ21-12 также давно и широко известно как российским охотникам, так и далеко за рубежом. Работа автоматики ружья основана на принципе длинного хода ствола, то есть ствол подвижной. Эта схема хорошо зарекомендовала себя с позиции надежности в различных условиях охоты. Магазин ружья подствольный, трубчатый, на четыре патрона. Поддача патронов из магазина может быть отключена отсекателем патронов. Ружье изготавливается только 12-го калибра, длина ствола — 750 мм, вес — не более 3,7 кг. Для любителей ружья выпускаются в сувенирном исполнении несколько вариантов.

Охотничье одноствольное магазинное ружье МЦ20-01 стало известно охотникам относительно недавно, но от этого не является менее популярным. Ствол ружья не отъемный, без прицельной планки. Затвор скользящий, с поворотом при заперении. Ударный механизм находится в затворе. Магазин коробчатый, на два патрона.

на. Калибр 20-й, длина ствола — 635 мм, вес — не более 2,85 кг. Ружье очень удобно для экспедиционных поездок.

Охотничье самозарядное ружье ТОЗ-87 практически совершенно неизвестно охотникам и является одной из новых разработок, внедренных в производство; пользуется спросом у

Самозарядный охотничий карабин «Архар»

Магазинный охотничий карабин ТОЗ-78

Самозарядное охотничье ружье ТОЗ-87

Магазинное охотничье ружье МЦ20-01

Двустольное охотничье ружье ТОЗ-91

охотников. Конструкция ружья имеет ряд оригинальных решений, направленных на улучшение эксплуатационных возможностей ружья. В первую очередь это относится к неподвижности ствола при выстреле. Автоматика ружья работает за счет энергии пороховых газов, отводимых из канала ствола через газоотводное устройство. Магазин трубчатый, подствольный, на четыре патрона. Для транспортировки ружье разбирается на две части: ствол с цевьем и коробку с прикладом. Калибр ружья 12-й, длина ствола — 711 мм, вес — не более 3,2 кг.

— Таким образом, Николай Дмитриевич, ваш завод в настоящее время изготавливает для охотников сразу две модели самозарядных ружей 12-го калибра. Это, конечно, замечательно, но хотелось бы, чтобы охотники получили на руки новое самозарядное ружье ТОЗ-87 не только 12-го калибра, но и меньших, таких, как 16-й и 20-й. За это охотники были бы вам очень благодарны. Но перейдем теперь к нарезному оружию, которое сейчас все чаще приобретается охотниками.

— Тульский оружейный завод в настоящее время предлагает для охотничьих целей сразу четыре образца нарезного оружия. Это карабины ТОЗ-78-01, «Архар», ОП-СКС и КО-44.

Охотничий магазинный карабин ТОЗ-78-01 предназначен для стрельбы широко распространенными отечественными патронами кольцевого воспламенения калибра 5,6 мм; а усиленный узел запирания позволяет применять любые иностранные патроны типа 22 Лонг Райфл. Затвор у карабина продольно-скользящий с поворотом при запирании. Имеется указатель взведения ударного механизма. Спусковой механизм регулируется как по усилию спуска, так и по величине хода спускового крючка. Прицел открытый, обеспечивает прицельную стрельбу до 100 м. Вместимость обычного коробчатого магазина 5 патронов, однако карабин комплектуется дополнительным магазином на 10 патронов. Причем к этим магазинам добавляются еще два запасных магазина на 5 и 10 патронов. Вес карабина не более 2,7 кг. Как начинающие, так и умудренные опытом охотники по достоинству оценят надежность конструкции, удобство и простоту обслуживания, современный дизайн и наличие оптического прицела.

Охотничий самозарядный карабин «Архар» является модернизированным вариантом боевого самозарядного карабина Симонова (СКС). Отличается от боевого образца тем, что имеет лучшие эстетические и эргономические показатели, то есть, попросту говоря, у него изменена конфигурация ложи, за счет чего внешний вид образца стал отличаться от боевого и принял традиционный вид охотничьего оружия. Карабин предназначен для

Н. Д. Масленников

стрельбы охотничьими патронами 7,62×39×8. На него может быть установлен оптический прицел. Калибр ствола 7,62 мм, вес — не более 3,9 кг. Вместимость магазина — 10 патронов.

Другой подобный образец ОП-СКС по своим боевым характеристикам идентичен карабину «Архар», но по внешнему виду практически не отличается от боевого образца СКС, за исключением того, что с карабина снят штык. В общем, боевой образец СКС с минимальными переделками приспособлен к условиям охоты. Основное преимущество карабина ОП-СКС в том, что он в два раза дешевле карабина «Архар».

Охотничий карабин КО-44 является модификацией боевого карабина образца 1944 г., который приспособлен к условиям охоты с минимальными переделками. Затвор скользящий, с поворотом при запирании. Калибр ствола 7,62 мм, вес — не более 4 кг, вместимость магазина — 5 патронов. Для стрельбы применяются патроны с полуболочечными пулями 7,62×53×13.

Для охотников и граждан России наш завод производит для продажи револьверы ТОЗ-101 и ТОЗ-105-3, в которых для стрельбы применяются газовые патроны. В револьвере ТОЗ-101 для стрельбы применяются не только газовые, но и звуковые патроны. Стрельбу можно вести как с самовзводом курка, так и с предварительным взводом курка. Калибр револьвера 5,6 мм, вес — не более 450 г. Барабан рассчитан на 6 патронов. Револьвер ТОЗ-105-3 имеет калибр 8 мм. Для стрельбы используются пистолетные патроны калибра 8 мм с гильзой длиной 20 мм производства фирмы «MESKO». Вес — не более 550 г. В барабан помещается 6 патронов.

— Вы знаете, Николай Дмитриевич, по поводу газовых револьверов для охотников можно сказать, что очень полезно при перевозке зачехленного оружия иметь при себе газовый револьвер, который мог бы пригодиться охотнику, везущему оружие, при нападении на него с целью похи-

щения оружия. Поэтому органам внутренних дел, на мой взгляд, следует рассмотреть вопрос о беспрепятственном приобретении газового оружия теми лицами, у кого имеется охотничий билет. Однако перейдем к охотничьему оружию. Скажите, пожалуйста, а какова цена изготавливаемого вами оружия!

— Изготавливаемые модели оружия по состоянию на сентябрь 1994 г. имеют следующие цены: ТОЗ-34 — от 413 до 1400 тыс. рублей, в зависимости от исполнения; самозарядное ружье МЦ21-12 — от 480 до 3300 тыс. рублей; магазинное ружье МЦ20-01 — от 200 до 220 тыс. рублей; самозарядное ружье ТОЗ-87 — от 970 до 1500 тыс. рублей; магазинный карабин ТОЗ-78 — 200 тыс. рублей; самозарядный карабин «Архар» — 615 тыс. рублей, а карабин ОП «СКС» — 319 тыс. рублей; магазинный карабин КО-44 — 277 тыс. рублей; газовый револьвер ТОЗ-101 — 33 тыс. рублей; револьвер ТОЗ-105-3 — 77 тыс. рублей.

— Скажите, пожалуйста, на вашем заводе можно изготовить ружье по индивидуальному заказу охотника!

— Предприятием осуществляется прием индивидуальных заказов на изготовление охотничьих ружей. Сейчас в связи с инфляцией такие заказы пока не принимаются, но данная услуга может быть возобновлена.

— Уважаемый Николай Дмитриевич, не могли бы вы сообщить, где продается оружие вашего прославленного завода!

— Предприятие постоянно поставляет полный ассортимент выпускаемой продукции в 84 областных, краевых и республиканских общества охотников России, а также в охотничьи магазины республик СНГ. С 35 регионами России и СНГ заключены прямые договоры о сотрудничестве. Там в охотничьих магазинах открыты фирменные секции «Тульское оружие», где всегда можно приобрести наше оружие или оставить любую заявку, которая будет безусловно выполнена. Вот география наших магазинов: Воронеж, Тольятти, Тверь, Барнаул, Запорожье, Магадан, Геленджик, Пенза и другие. В Санкт-Петербурге открыт магазин «Левша» на набережной реки Пряжки, а в Москве — магазин «Кольчуга» на Варварке. Кроме того, созданы совместные предприятия: «Дон-ТОЗ» в г. Ростове-на-Дону, «Левша» в Санкт-Петербурге, «Северо-Кавказский Торговый дом «Тульский оружейный завод» в Геленджике. Они могут осуществлять оптовые поставки продукции и открывают сеть фирменных магазинов по продаже оружия нашего предприятия в Северо-Западном регионе, Краснодарском и Ставропольском краях и Ростовской области.

— Еще несколько слов хотелось бы услышать о том, где проводят-

ся испытания вашего оружия на качество и прочность!

— Каждое вновь разработанное ружье проходит государственные приемочные испытания на Государственной испытательной станции (ГИС), в Центральном НИИ точного машиностроения. После изготовления каждое ружье испытывается на кучность, меткость, взаимдействие механизмов отделом технического контроля (ОТК) завода, а также проходит сертификационные испытания на безопасность, в том числе патронами с усиленными зарядами, при участии представителя Государственного стандарта Российской Федерации (Госстандарт РФ). Сертификационные испытания выполняются в соответствии с международными требованиями Постоянной Международной Комиссии (ПМК) Брюссельской Конвенции по испытаниям ручного огнестрельного оружия. Кроме того, один раз в год каждая модель оружия подвергается периодическим сертификационным испытаниям на независимой Государственной испытательной станции.

— Николай Дмитриевич, поскольку ваш завод является крупным производителем охотничьего оружия в России, то, видимо, вы продаете оружие не только в нашей стране и СНГ, но и в страны дальнего зарубежья. Кроме того, я думаю, что для рекламы своего оружия вам приходится устраивать выставки оружия в разных странах. Что вы можете об этом сказать?

— В настоящее время АООТ «Тульский оружейный завод» продает спортивно-охотничье оружие в 17 стран мира, в том числе ФРГ, Норвегию, Кипр, Чехию, Грецию, Иорданию, Болгарию, Польшу, Австрию, Швейцарию, Монголию.

В прошедшем году ТОЗ экспонировал свою продукцию на различных выставках-ярмарках. Это международная выставка «Ива-94» в Нюрнберге, международная выставка «Фидае-94» в Сантьяго, международная инвестиционная выставка-ярмарка «СЕТЕХ-94» в Лондоне, международная выставка «Безопасность-94» в Йоганнесбурге, международная выставка «Милипол-94» в Москве, международная выставка «Вооружение и военная техника России» во Владими́ре, коммерческая выставка «Все для Вашего дома» в Туле, выставка-ярмарка «Новые технологии, конверсия. Оборонные предприятия — российскому фермеру» и выставка «Гражданское оружие — законность, надежность, безопасность» в Москве.

— Какие изменения произошли на вашем предприятии в связи с изменением экономической жизни страны?

— С 21 июля 1993 г. завод стал акционерным обществом открытого типа «Тульский оружейный завод». Приватизация прошла по второму варианту. Это привело к тому, что коллектив владеет 51 % акций.

— Расскажите, пожалуйста, о новом оружии, разработанном на вашем заводе.

— Заводом начато серийное производство охотничьих ружей ТОЗ-91-12 и ТОЗ-91-12-1. Это принципиально новые конструкции двустольных ружей с вертикальной спаркой стволов. В указанных моделях предохранитель автоматический, преобразующийся в неавтоматический. Модель ТОЗ-91-12 с двумя спусковыми крючками, а модель ТОЗ-91-12-1 отличается наличием односпускового селективного механизма и отключаемого эжекторного механизма. Оба ружья разбираются по классической схеме на три части за счет съемного цевья, имеют стволы 12-го калибра, их вес не превышает 3,2 кг.

В настоящее время начато серийное производство одноствольного ружья с перезарядкой цевьем. Это модель ТОЗ-94. Ствол ружья неподвижный. Перезарядка происходит за счет движения цевья, жестко связанного с затворной рамой. Магазин подствольный, трубчатый, на четыре патрона. Калибр стволов 12-й, вес — не более 3,2 кг. На базе ружья ТОЗ-94 разработаны модификации, отличающиеся наличием прицельной планки и сменных дульных устройств.

Разработано одноствольное многозарядное ружье ТОЗ-106 со складывающимся прикладом. Ружье удобно для охраны домашних животных, хозяйственных объектов и любительской охоты в тех случаях, когда приходится стрелять на короткие дистанции. Длина ружья со сложенным прикладом 530 мм, калибр — 20-й, вес — не более 2,5 кг. В магазине размещаются 4 патрона.

Освоено серийное производство одноствольного многозарядного ружья МЦ20-08. Это укороченное ружье длиной 810 мм с pistolетной рукояткой. Калибр — 20-й, вес — не более 2,3 кг. Вместимость основного магазина два патрона, но к ружью прилагается дополнительный магазин на 4 патрона.

— Скажите, пожалуйста, каковы перспективы дальнейшего развития охотничьей оружейной отрасли на вашем заводе?

— В стадии разработки находится ряд других моделей гладкоствольного и нарезного охотничьего оружия. Дальнейшее развитие производства спортивно-охотничьего оружия будет определяться требованиями рынка.

— Вы могли бы кратко охарактеризовать организацию производства охотничьего оружия на вашем заводе?

— Производство охотничьего оружия организовано по предметно-замкнутому циклу, то есть изготовление деталей и сборочных единиц производится на предприятии.

Производство оружия сосредоточено в специализированных цехах, в том числе заготовительном, по обработке стволов и командных деталей, дере-

вообработки, термообработки, гальванопокрытий, сборки и испытания готовых изделий.

Такая структура способствует изготовлению изделий с высокой точностью и качеством за счет высокой профессиональной подготовки работающих и сохранения традиций оружейного мастерства.

При изготовлении деталей оружия используется высокопроизводительное специальное и специализированное оборудование. Этим обеспечивается высокая культура производства и, как следствие, стабильность получения геометрической формы и размеров деталей.

— Николай Дмитриевич, что бы вам самому хотелось сообщить читателям о вашем предприятии и образцах выпускаемого на нем оружия?

— Тульский оружейный завод занимает достойное место среди предприятий нашей страны. Произведения тульских оружейных мастеров многократно экспонировались на выставках, ярмарках, и нельзя, пожалуй, назвать выставку, на которой тульское оружие не было удостоено высшей награды. Достаточно назвать Филадельфийскую выставку 1876 года, Парижские 1900 и 1972 годов, Брюссельскую 1958 года и другие.

К настоящему времени наше предприятие в основном провело конверсию и практически выпускает только гражданскую продукцию — охотничьи ружья, строительно-монтажные пистолеты, компрессоры для домашнего холодильника и прочее. Охотничьи ружья составляют значительный объем производства, однако здесь возникают трудности с их реализацией. Существующая налоговая система, введение акцизов, необходимость оплаты лицензий на право реализации и приобретения оружия, непрекращающийся рост цен на материально-технические ресурсы и энергоносители, инерционная разрешительная система — не позволяют нормально работать, так как отпускная цена ружья становится в 5—6 раз выше себестоимости, что практически сводит на нет все усилия коллектива.

Однако, несмотря на эти трудности, читатели журнала «Охота и охотничье хозяйство» вправе ждать, что в ближайшее время промысловики, любители охоты, работники лесного хозяйства и заповедников, охранные организации (акционерные и частные) будут иметь возможность приобрести то гражданское оружие, которое по своим характеристикам и типоразмерам вкупе с патроном полностью удовлетворит их личные и профессиональные потребности.

— Уважаемый Николай Дмитриевич! Разрешите вас поблагодарить за столь обстоятельное и интересное интервью и пожелать Тульскому оружейному заводу процветания и благоденствия.

КОНСУЛЬТАЦИИ ОРУЖИЕВЕДА М. БЛЮМА

Охотник Лукин Петр Ефимович из Вологодской области просит дать сведения о максимальной дальности полета дробы различных номеров, так как эти знания необходимы для предотвращения увечий при стрельбе на охоте.

Максимальная дальность полета одной дробины в дробовом снаряде зависит от массы дробины (материал, из которого она изготовлена), диаметра дробины, начальной скорости и угла между горизонтом и направлением оси канала ствола (угол бросания) в момент выстрела. На сопротивлении воздуха, состоянии атмосферы и других факторах, не зависящих от охотника, останавливаться не стоит, так как охотящийся не в состоянии на них повлиять, а вот выбор направления стрельбы и тип патронов зависят полностью от него. Поэтому об этом и стоит рассказать.

В стрелковых таблицах для криминалистов, изданных в Праге (1977), приводятся такие данные. Дробь диаметром 2,5 мм (№ 7) с начальной скоростью 340 м/с имеет максимальную дальность полета 293,54 м при уг-

ле бросания 25°. Эта же дробь с начальной скоростью 360 м/с имеет максимальную дальность полета 296,27 м при том же угле бросания. То есть максимальная дальность полета увеличилась незначительно, несмотря на то что скорость увеличилась на 20 м/с. Эти же таблицы для дроби диаметром 3 мм (№ 5) с начальной скоростью 360 м/с приводят максимальную дальность полета, равную 343,43 м, при угле бросания, также равном 25°. При тех же данных дробь диаметром 3,5 мм (№ 3) летает на 388,5 м, а дробь диаметром 4 мм (№ 1) — на 430,47 м. Все это говорит о том, что старое правило, известное обычно охотникам, в котором говорится, что максимальная дальность полета дробины в метрах равна ее диаметру в миллиметрах, умноженному на 100, не совсем верно. Возьмем, к примеру, дробь диаметром 2,5 мм. По старому правилу максимальная дальность полета этой дробины будет равна 250 м, а по криминалистическим таблицам эта цифра на 46,27 м больше при начальной скорости дроби 360 м/с. Поэтому лучше при использовании старого правила к полученной максимальной дальности прибавить еще 50 м, а можно и побольше, так как сейчас некоторые патроны заводского снаряжения, а особенно домашнего, могут

иметь начальную скорость дроби выше, чем 360 м/с.

Интересно, что «гражданский инженер» в своей книге «Современное дробовое охотничье оружие», изданной в 1913 г., приводит такие данные максимальной дальности полета дроби, картечи и пули 12-го калибра, считая, что максимум приходится на углы бросания 30—32°. Итак, при начальной скорости в 360 м/с дробь № 10 летит на 125 м, дробь № 6 — на 178 м, дробь № 3 — на 240 м, дробь № 0 — на 267 м, картечь диаметром 7,04 мм — на 448 м, картечь диаметром 10,5 мм — на 605 м, пуля — на 1067 м.

Он указывает, что «за этими пределами стрельба дробью безопасна, за исключением тех, очень редких случаев, когда две или три дробины сплавляются или сплавляются между собою, образуя одно целое».

Помимо всего вышесказанного, чтобы выяснить, насколько опасна дробь на предельных расстояниях, следует знать скорость дроби на максимальной дальности полета. Те же криминалистические таблицы для различных номеров дроби приводят данные по конечным скоростям дроби в пределах от 28 до 35 м/с. То есть скорости вполне достаточны, чтобы, например, лишить человека зрения.

ВОПРОСЫ—ОТВЕТЫ

Вопрос. Изготавливались ли когда-либо нарезные гильзы в гладкоствольном оружии, и если «да», то для чего?

Ответ. Вот что говорит по этому поводу «Гражданский инженер» в своей книге «Современное дробовое охотничье оружие» (1913 г.):

«Фабрика Жевело в Париже использовала свойство нарезных стволов разбрасывать дробь для изготовления особых гильз под названием «Cartouche Erevrier pour disperser»; она выпускает два сорта гильз. Это — медные гильзы с тремя вдавленными винтовыми нарезами. Снаружи гильзы оклеены бумагой. Гильзы, назначенные для стрельбы на очень близких расстояниях (от 5 до 15 м), имеют более крутые (примерно 12° от оси гильзы) нарезы и оклеены красной бумагой. Гильзы с менее крутыми (примерно 4° от оси гильзы) нарезами годятся для стрельбы на 10—25 м; они оклеены синей бумагой. Для этих гильз имеются особые пыжи с вырезами, соответствующими нарезами в гильзах. Гильзы с такими нарезами предлагают также для стрельбы пулей из гладкоствольных ружей, но они не достигли своей цели. Красная гильза с крутыми нарезами вызывает сильный разброс уже на ближних расстояниях, осыпь очень хороша, но кучность достаточно только

до 10 м (на 15 м кучность 41,8 %). Синяя гильза со слабыми нарезами дает до 25 м очень хорошие результаты, распределение дроби очень равномерное (на 25 м кучность 58,2 %).

Вопрос. Каким из двух способов лучше снаряжать патрон для получения малой кучности дроби: с крестовой, вставленной крест-накрест в дробовой снаряд, или разделить заряд дроби одним или двумя картонными пыжами?

Ответ. Вставленный крест-накрест картон в дробовой снаряд при стрельбе из ружья 12-го калибра с сильным чоком (заряд черного пороха 5,5 г, вес дроби диаметром 3,5 мм 30 г) дал кучность 59,1 % при стрельбе на 25 м с плохой равномерностью дробовой осыпи. Разделение снаряда дроби одним картонным пыжом мало влияет на кучность, и поэтому этот способ снаряжения патронов применять не следует. Разделение снаряда дроби двумя пыжами на три слоя заметно уменьшает кучность боя, не влияя отрицательным образом на равномерность дробовой осыпи. Этот способ снаряжения дает такую же кучность на 25 м, как при обычных патронах на 35 м. Эти опыты провел в свое время «Гражданский инженер», результаты которых опубликованы в его книге «Современное дробовое охотничье оружие» (Москва, 1913 г.).

ВЫСЫЛАЕМ наложенным платежом РЫБОЛОВНЫЕ ТОВАРЫ отечественного и импортного производства.

Каталог с текущими ценами высылаем бесплатно. В письмо вложите пустой конверт с марками на 900 руб. и Вашим адресом.

Адрес: 141400, Московская обл., г. Химки-10, а/я 14, МП «Сагитта»
Тел. для оптовых заказов:
(095) 562-54-17

Книгу-справочник «С ружьем и удочкой» (все по охотминимуму) и брошюры: «Выделка шкурок дома», «Ружье, которое бьет хорошо и служит долго» (советы оружейника), «Грибы и ягоды: заготовка и хранение», «Как снаряжать патроны», «Как сохранить мясо дичи и рыбу» можно заказать наложенным платежом по адресу:
117513, Москва, а/я 20.

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ОХОТА

ПОЛЯРНАЯ ВЕСНА

Из путешествия по полярному Я-малу

Константин Дмитриевич НОСИЛОВ — человек интересной судьбы, необыкновенно разносторонний и противоречивый. Он родился в 1858 г. на Урале, в семье сельского священника. Прошел через семинарию. Позже стал известен как географ и геолог, антрополог и этнограф (хотя и не профессионал). Он был талантливым писателем. Но главным его занятием в жизни были путешествия. Странник-оди-

ночка, пылкий натуралист — можно и так коротко охарактеризовать К. Д. Носилова.

Его странствия начались на Полярном Урале. Здесь, в глухой тайге и в горах, пролегли первые маршруты Носилова пешком и на лодке. Здесь он зимовал в одинокой избушке, собирал коллекции геологических образцов и предметов быта местных жителей, вел метеорологические наблюде-

ния, открыл месторождения золота, каменного угля, железной руды. Ставил опыты по заведению в этих местах хлебопашества и огородничества. Разрабатывал проект прокладки железной дороги из Европы в Сибирь (теперь по такой дороге из Воркуты в Лабитнанги ходят поезда). И все это в одиночку, в сопровождении лишь собаки лайки и за свой счет.

Всюду он находил общий язык, дружил с местными охотниками и рыбаками манси (тогда их звали вогулами), хантами (остяками), ненцами (самоедами), завоевывал их доверие и уважение, поскольку не уступал им в охотничьем мастерстве и смелости, обладал многими другими талантами.

Вообще нужно сказать, что охота для него не была развлечением, забавой, хотя в своих странствиях он не расставался с ружьем, кормившим его и защищавшим от опасного зверя. Среди многих его произведений нет собственно охотничьих рассказов, но эпизоды охоты фигурируют в них часто.

Наряду с ружьем его спутником в путешествиях был фотоаппарат. Тогда фототехника была еще несовершенна, громоздка. Носилу удавались многие снимки, которыми он иллюстрировал свои сочинения.

С Полярного Урала дух странничества зазвал его в Палестину. После Палестины — Новая Земля. Три зимовки здесь в конце 80-х гг. прошлого века. На Новой Земле он близко сошелся с немногими колонистами-ненцами, стал членом

этой колонии, делил с островитянами и горе, которого было много, и скромные радости. Много раз стоял на пороге гибели и не раз, подобравшись к стаду чутких диких оленей, добывал одного-другого, выручал от голодной смерти и себя и своих друзей.

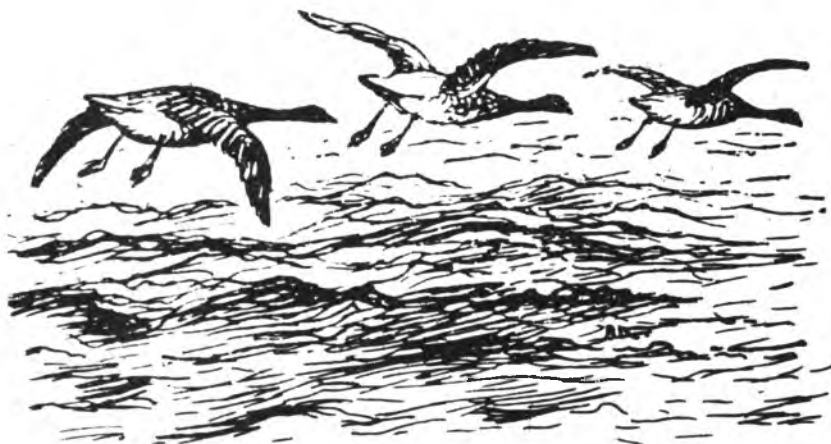
Здесь он тоже собирал геологические и зоологические коллекции, был первым исследователем, пересекшим Новую Землю. И все это тоже по своему почину, за свой счет.

Здесь, собственно, и родился будущий писатель. После Новой Земли — новые путешествия по Северному Уралу. Затем Париж. Сорокалетним студентом в Сорбонне он слушает лекции великого географа Элизе Реклю. И, наконец, годы жизни на родине, под Шадринском, годы плодотворной литературной деятельности. Он пишет очерки и рассказы, многие из которых посвящены животным — его спутникам-собакам, бурому медведю, к которому Носилов питал особую симпатию, чайкам, песцам.

Тесная дружба связывала его с писателями-земляками Д. С. Маминим-Сибиряком, П. П. Бажовым. Его дар литератора и натуралиста высоко ценили А. П. Чехов и Л. Н. Толстой.

Как писатель К. Д. Носилов был незаслуженно забыт. Из более чем 25 опубликованных им книг в советское время напечатаны 3 (2 из них в Свердловске и известны лишь узкому кругу читателей. Поэтому вспомнить о К. Д. Носиллове уместно и своевременно.

С. УСПЕНСКИЙ

К. НОСИЛОВ

Вот и весна, вот и май месяц, вот и белые задумчивые бессонные ночи. И, сидя на террасе своей дачки, прислушиваясь к голосам лугов, где уже начинает робко посвистывать только что прилетевшая с далекого Юга малиновка, невольно как-то смотришь на север и следишь, часами следишь, как там движется торжественно заря над таинственным северным краем.

Вон она бледно-зеленая, тихая, таинственная, с разорванными, темными, словно после бури, облачками, тихо

плывет, бросая нам свои лучи, и кажется, что там жизнь, а не здесь, под сумраком тихой ночи, кажется, что не здесь, а там теперь шествует весна со всеми ее прелестями и оживлением.

И это действительно верно: наша весна — только маленький сколочек с полярной, и все наши цветы и все наши соловьиные трели, полумрак и задумчивость и тишина вешних ночей — только, кажется, та преледия, тот аккорд, который предшествует истинной музыке...

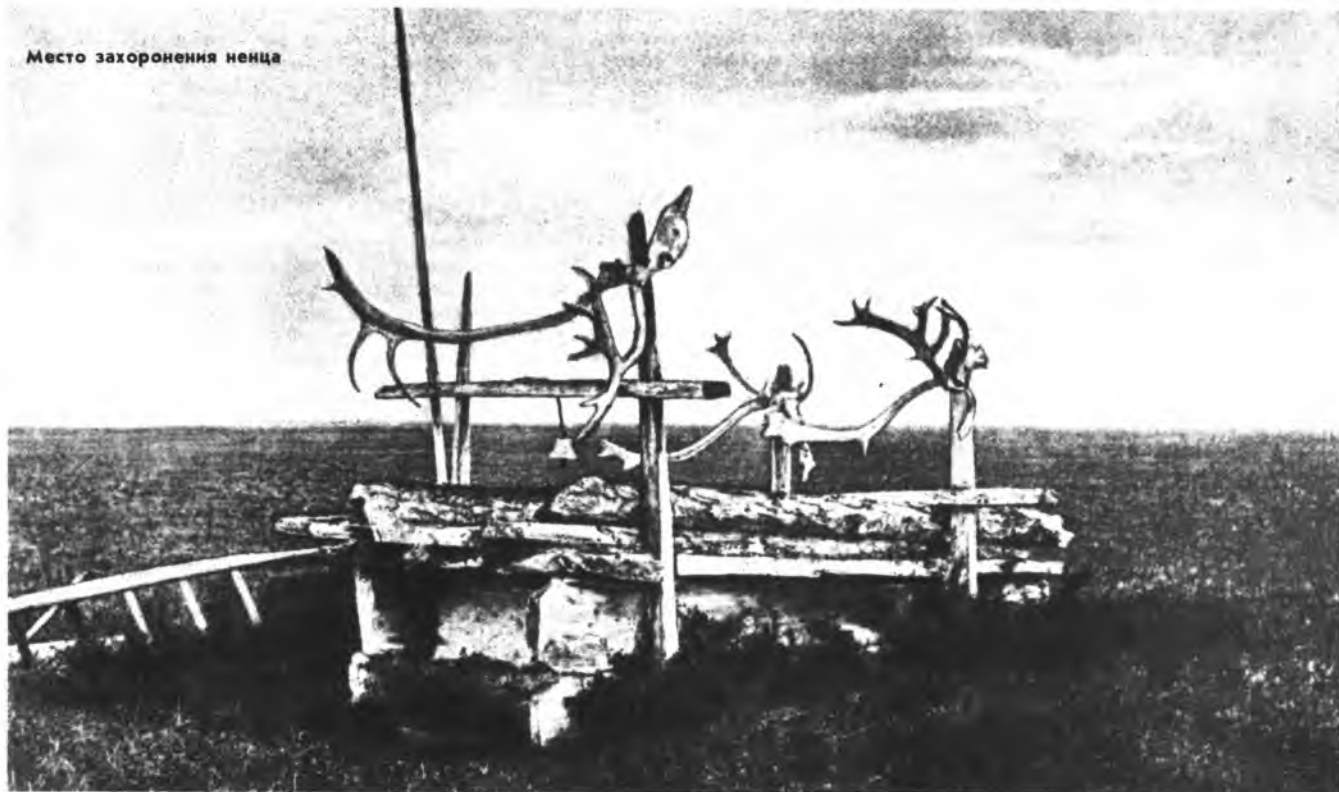
Это было на острове Литке, маленьком острове Литке в Карском море, на западном берегу полуострова Я-мала. Мы только что перевалили губу и въехали на его обрывистый волнистый берег, увидав на нем пару чумов самоедов. Был вечер, было светло и тихо; но я почему-то раздумал ставить свою петербургскую палаточку и, помню, просто зашел в чум самоеда, чтобы там напиться с проводниками чаю, чтобы там и устроиться, и переночевать, чтобы завтра же рано утром ехать далее по направлению к мысу Мора-Сале.

Чум был опрятный, и мне не грозило очень нашествие насекомых; молодая смуглая хозяйка мне постлала чистую, с воздуха, белую оленью шкуру, и я, помню, посидев за чаем с самоедами и послушав ихней болтовни, спокойно лег и заснул с дороги, предоставив себя на эту ночь даже с удовольствием близости добрых, ласковых, внимательных дикарей.

Как вдруг раздался ночью страшный шум голосов птиц, которые вот словно опустились на наше чумовище. Просыпаюсь и слышу удаляющееся гусиное стадо. Через минуту еще, еще с оглушительным знакомым криком казарки, — и сна как не бывало, и я так, проснувшись, приподнявшись на своей постели при первом их появлении, и остаюсь, прислушиваясь к удаляющимся и приближающимся звукам.

Господи! Какая масса птицы, и ру-

Место захоронения ненца

ка невольно ищет уже поблизости ружье, но его нет, оно забыто с вечера в повозке.

Господи! Какая светлая, тихая ночь, и как чудно сегодня в полярной тундре!

И я невольно останавливаюсь у чума и смотрю, и смотрю на эту волнистую бурую равнину, которая вот словно воскресает под первыми лучами утреннего солнышка, которое, прячась и снова показываясь в утрен-

них, легких, разорванных облачках, столпившихся над ним повыше, так и будит, оживляет сегодня эту суровую природу. И в ней уже проснулось все: и бледно-зеленый мак, как это небо, спрятавшийся под защиту маленькой тундровой кочки, и снежный жаворонок с своею однообразною песнею на торчащем из-под земли вместо дерева оленьем роге, и белый мохнатый пес, который уже проснул-

ся и прислушивается к чему-то, упорно смотря на море и поводя своею черною блестящею мыркою. И мысль — взять ружье, идти на эти голоса птиц, которые — вон видно — сели недалеко на зеленоватую лужайку, как-то сама собой теперь является бессмысленной, и я просто так, без ружья и шапки, в чем спал, направляюсь в сторону ясного солнышка, под которым видно, как блестят и отливают

Ненцы в зимнем наряде

Поморы Новой Земли

Шаман

близкие и дальние озера и море. Иду, потому что хочется только идти; потому что только хочется слушать; смотрю, потому что только хочется любоваться; довольный в душе, что ушел незаметно от человека, довольный, что скрылся от него и ушел, словно воруя это наслаждение ранним утром у сонливого ленивого человека, словно желая короче полюбоваться, насладиться таинственным редким зрелищем...

И действительно, это было редкое зрелище, которое, кажется, только раз в жизни дается человеку.

Тундра кипела жизнью, гуси, серые белолобые гуси, словно сошли с ума, летали решительно по всем направлениям целыми стадами с звонким пронзительным криком и опускались на каждую зеленую лужайку; белая куропатка подняла крик в зарослях полярной ивы; снежный жаворонок взмогил на кочки и запел однообразную нежную песню; тюлисеи, подорожники, песчонки и разных сортов кулички затянули такие песни, что застонало каждое болотце; все поморники, чайки взмыли в воздух и зашныряли бесшумно по всем направлениям; белый лебедь где-то запел свою музыкальную песню, и даже маленькие пеструшки-мышки полярной тундры и те сегодня вышли из своих маленьких нор и побежали куда-то, издавая мышинный писк, словно в земле уже не было им сегодня места... Но главный шум, главное утреннее оживление стояло не в голой тундре, а на болотах, и оттуда столько сегодня доносилось самых разнообразных птичьих голосов, что сначала даже трудно было определить их, так они перемешивались и звучали, и пели.

Я пошел туда к первому болотцу и тотчас же наткнулся на сцену.

У песцовых ловушек

На промысле тюленя

Колонисты на Новой Земле

В полярной заросли низкорослой ивы сидит на пригреве солнышка парочка белых куропаток. Самец с красными бровями взмостился сегодня на самую высокую, в пол-аршина талинку; самочка нежится, распутив крылышко под его кустом, и вдруг «кура-кура-кура» — красивый самец раскрыл рот, словно хохочет над тундрой, оглашая ее громким хохотом-криком. И снова тишина, снова он прислушивается, не отзовется ли где горячий соперник, с которым можно было бы немедленно вступить в драку.

Я поднимаюсь на первую сопочку, которая, как маленькая точка, стоит перед самым болотцем, и вспугиваю сову, которая неслышно снимается и летит прочь. Как вдруг, только что я остановился, залюбовавшись откровенным видом озера, сзади меня засвистали крупные крылья, и над головой ясно, ясно застал музыкальный лебедь: «О-хо-хо, о-хо-хо-хо-хо, о-хо-хо-хо-хо», и красивая, большая белая птица, вытянув шею, с черными лапами, плавно пронеслась мимо меня, словно бросая на землю музыкальные звуки.

«О-хо-хо-хо, о-хо-хо-хо», застал и я, подражая по-самоедски этой птице, и лебедь, белый, красивый лебедь, сразу отозвался, еще, еще и стал плавно изменять свое направление, видимо, желая воротиться на звуки отвечающей его призыву самки. Я присел на кочку, продолжая кричать по-лебединому, лебедь заворочился, не делая до болота; я припал к земле, он направился прямо в мою сторону, и крик его, музыкальный крик самке, так и приближался с ним снова к моей сопочке, невольно захватывая меня страстью и дрожью охотника. Вот он летит прямо на сопочку, свистя крыльями и, видимо, начиная спускаться; вот он уже недалеко, и я бросаю в сторону за кустик белый платочек; вот он видит его и снова подает голос, и белая большая чудная птица низко, низко так опускается и с криком, стоном, призывом любви начинает делать около меня круги, и видя меня, и, видимо, желая опуститься сама, полагая, что там в кустах белеет самка. «О-хо-хо-хо-хо, о-хо-хо-хо-хо», еще, еще раздается ее голос, и я вижу, как она уже опускает черные лапы и готова сесть, готова опуститься всего в каких-нибудь саженях пятнадцати, обманутая голосом и белым платочком. И жаль ее, и слезы восторга перед этой картиной, и страсть, страсть...

На склоне зеленой сопочки к самому болотцу — целое стадо петушков-турухтанов, целое стадо всевозможного оперения турухтанов, и серых, и пестрых, и черных, и сизых, и белых, и красных, и рябеньких, и рыжих, и все они, как словно маскированные, так заняты дракою, что ровно не обращают на меня никакого внимания, стоя, качаясь и бегая по сырým кочкам. Несколько пар из

них ведут отчаянный поединок из-за скромных, сереньких и рябеньких самочек, и только и видно, как они дерутся, как петушки, только и видно, как летят их перья и они вспархивают и бегают, преследуют друг друга.

Я осторожно подхожу к ним ближе и опускаюсь на кочку всего в каких-нибудь десяти саженях. Некоторые меня завидели и насторожились, но не улетают, и я через минуту уже замечаю, что птички, потешные, драчливые птички, снова занялись своею обыденною шумною жизнью и то дерутся, то бегают, гонятся друг за другом, то вспархивают, улетают и снова опускаются сюда же, как будто этот сырой склончик, как будто этот сырой берег травянистого болотца с осокою их любимое место сборища, их место постоянных поединков.

Я никогда не видел так много и так близко этих птичек и невольно залюбовался ими, как вдруг все они, словно по команде, снялись бесшумно с места и весело унеслись в сторону и снова опустились к другому стаду.

Я подхожу ближе к болотцу и останавливаюсь в очаровании. Его молодая травка как зелень южного, блестящего под солнцем камыша; его кочки, простые, плавающие, мшанные кочки, как ярко-зеленые островки на голубоватом фоне водной поверхности, и всюду, куда бы вы ни взглянули, всюду то неподвижные, словно заснувшие фигуры плавающих ледяных уточек и савок, то живые, вечно подвижные фигурки серых каменных чирков, которые так и шныряют тут в зелени повсюду, издавая короткий, но звенящий металлический крик. И это «кри-кри-кри» так и звенит над этим длинным зеленым болотцем, смешиваясь с не менее благозвучными криками алеек, которые беспрестанно оглашают воздух криками «аллы-аллы-аллы», которое так и тает в тихом воздухе этого весеннего полярного утра, словно растворяясь. И это болотце с свежеею зеленью, эта чистая вода его, сбегавшая только что с покостей темно-зеленой тундры из сугробов, все так и кипит этой пернатой жизнью, которая то плавает тут и прячется и нежится на лучах поднимающегося солнышка, то вспархивает и куда-то со звоном несется, то падает и опускается на это чистое, в зеленых рамках болотце и расплывается по нем, гоняется друг за другом, что-то шавкая, разговаривая по-своему, наполняя этот воздух всевозможными криками и милыми нежными голосами.

Я делаю еще несколько шагов и слышу крик гусей, черных, больших гусей, которые прямо срываются из-под обрыва. Я заглядываю туда и узнаю колонию этой птицы, которая, подобно пингвинам, несет свои яйца на обрывах скал, которая, подобно колонии северных чистиков, гнездится на берегах моря, несмотря, по-видимому, на такое странное соседство коршу-

нов и ястребов, которые должны бы, кажется, пользоваться ее детенышами и яйцами и ее самой жизнью.

Но там, где человек не внес в жизнь птиц и зверя еще своей все разрушающей жадности, там и самая жизнь птиц и зверей порою еще находится в первобытном порядке, и то, что непонятно для нас, то, что странно на первый взгляд для чуждого этим странам человека, то оказывается таким естественным и простым, как и все в нетронутой, первобытной жизни — и эта гусиная колония на берегу моря, эти десятки гнезд черного гуся на песчаном обрыве берега, рядом с гнездами северного коршуна и ястребов не что иное, как то же, повсюду наблюдаемое в полярных странах, сожительство, где с одной стороны слабый и беззащитный пользуется защитой сильного и доверяет ему и свое гнездо, и свое существование и с другой — заменяет эту услугу сильным своей зоркостью и чутьем ночью. И это сожительство, эта близость гуся к коршуну, ястреб, со своим, по-видимому, врагом просто объясняется тем, что они оба нуждаются в таком близком соседстве для одного и того же дела, для одной и той же цели — продолжения своего потомства.

Я помню, долго сидел, опустив ноги с обрыва, на этом странном берегу и любовался этой дружной жизнью и наблюдал ее и думал. И помню, что я долго еще бродил между болотами, кочками и озерами, наблюдая новую для меня жизнь и полярную весну, и, вероятно, представлял из себя странную фигуру — в одной рубашке, с непокрытой головою, только что пробудился и выполз из чума на улицу, — что ко мне наконец прискакал на оленях в санках пастух, чтобы, вероятно, убедиться в здоровом ли я состоянии.

И, должно быть, он меня на этот раз застал тут очень странным, потому что, помню, его очень удивило то обстоятельство, что я даже не мог ему протянуть руки, чтобы поздороваться, будучи по горло нагружен только что выгланувшими в это утро травами и цветами, которые я нес для своей коллекции и которые его страшно, помню, удивили.

Он взялся меня доставить в чум, видя мое почти беспомощное положение, — босиком в голой тундре, — и я охотно сел на его санки и свесил ноги, и мы поехали, оставляя позади себя пару узких, сухих лыжниц, которые, как следы колес, вероятно, долго еще так останутся, видимые по прижато му сырому мху.

Роса блестела кругом, как бисер; зелень проглядывала, как словно только что увидав свет, и солнце, низкое, все продолжавшее катиться вдоль горизонта тундры солнце, так обливало мягко, нежно своим светом эту бледно-зеленую растительность, как будто это был сплошной газон какого-то парка.

Алексей ДИТЕРИХС

Зимняя сказка

Лес дремлет, словно заколдованный,
Вдыхая изредка во сне;
И я стою, как зачарованный,
Любуясь лесом в тишине.

С деревьев ветви белоснежные
Свисают тонкой кисеей;
Весь лес окутан дивно нежною
Полупрозрачной синевой.

Не лес, а замок белокаменный...
Как стражи, ели встали в ряд;
На солнце сосны жгучим пламенем,
Как башни в золоте горят.

И стоит лишь на миг зажмуриться,—
Страж двери замка распахнет,
И синеглазая Снегурочка
Нас прямо в сказку поведет.

Весною все в природе ново

Земля под теплыми лучами
Снимает зимний свой покров,
И снег веселыми ручьями
Бежит с темнеющих холмов.

Весна! Как много это слово
Таит и жизни и любви,
Весною все в природе ново:
Рождайся, радуйся, живи!

И юность, как весна, беспечна:
Любовь, надежды и мечты.
Так пусть же сохранится вечно
Весна душевной красоты!

Алексей Дмитриевич Дитерихс работал инженером-строителем, сейчас на пенсии. Его детство прошло в сельской местности, неподалеку от Бежина Луга, воспетого И. С. Тургеневым. Стихи пишет с детства. Напевность его стихотворных строк заинтересовала композиторов-песенников Лядову, Листова, Мажукова. Песни на его стихи исполняли Майя Кристалинская, Валентина Толкунова, Лев Лещенко. В кинофильме «Деревенский детектив» прозвучала песня «Не приду на свидание» на его слова, музыка Лепина. И сегодня на радио можно услышать стихи Алексея Дитерихса.

Мимоза

Еще не сдаются морозы,
И мерзнут березки в лесу...
Я скромные ветки мимозы
Сегодня тебе принесу.
Пускай запоздалая вьюга
Стучится в окошко твое:
Посланница теплого юга
К тебе не пропустит ее.
Ты радостно, в светлой улыбке
Прижмешь к себе желтый букет.
Нет! Кто-то совсем по ошибке
Изменой назвал этот цвет.
Не смогут пурга и морозы
Горячей любви охладить.
Я желтые ветки мимозы
Всю жизнь тебе буду дарить.

Березы России

Мне дороги наши березы
И первый душистый листок.
Блестит, как волшебные слезы,
Чудесный березовый сок.

Березы цветущей весною
Тихонько листовой шелестят,
Как будто бы чем-то со мною
Они поделиться хотят.

Они и зимою и летом
Нам дарят веселость и грусть.
Не зря воспевают поэты
Березы и славную Русь.

Как девушки в платьицах ярких,
Березы стоят у плетня,
И золотом листьев по-царски
Они осыпают меня.

Живет в них могучая сила,
И сердце волнует до слез;
Не мысля себя без России,
Не мыслю я Русь без берез.

Летний вечер

Прохладу льет вечерний воздух,
Ласкаясь в сумраке ко мне.
И, отражаясь в тихих водах,
Мерцают звезды в вышине.
Кусты склонились над водою,
Замолкли птичьи голоса
На травы плотной пеленке
Легла холодная роса.
Природа чутко-чутко дремлет,
Пьянящей прелести полна,
И смотрит ласково на закат
Сквозь дымку облака луна.

Мавра Акимовна

М. БОРОВОЙ

С утра до обеда Мавра Акимовна Володина прокапывала в высоких сугробах дорожку к колодезю. С противоположного конца деревни к воде пробивалась бабка Шура, и когда обе женщины в изнеможении добрались до заветной цели, у них не было сил поздороваться.

Это незначительное событие произошло в небольшой архангельской деревушке в зиму одна тысяча девятьсот девяносто первого года от Рождества Христова и на шестом году горбачевской перестройки.

В деревне из четырнадцати дворов остались помирать, но не покинули отчий кров всего две пожилые женщины — Мавра Акимовна и Александра Ульяновна, бабка Шура.

Августовским погожим днем Мавра Акимовна рассказывает нам с приятелем о «дороге жизни», и в ее голосе и глазах нет ни обиды ни горечи. «Ну, да ладно, чо это я нюни распустила,— спохватывается она,— айдате в дом, угощать гостей буду».

Мы встаем со скамейки в палисаднике и идем в избу. Распаковываем походные мешки. Столичные подарки, дорогие и веселые в Москве и в пути, на широком столе северной двухэтажной избы-крепости превратились в горстку жалких кулечков.

Мавра Акимовна всплескивает руками, упрекает нас за хлопоты и траты, но наши чуткие уши улавливают в ее складной скороговорке нотки благодарности. Много ли нужно одинокой женщине? Улыбается, прячет старыми пятнистыми ладошками веселые морщинки на лице. Нет, все же не простая бабуля Мавра Акимовна. Таких бабуль поискать, не согнула ее жизнь, спина прямая, как у воспитанницы Смольной. А еще — глаза. Без городской мути и безысходности. Чистые, многое и многих простившие, наверное, всех, потому что, кроме светлой печали, ничего в них не осталось.

Взрослые дочери живут в Архангельске и Новгороде, замужем. Зовут в город, но как бросишь дом? Летом дочери, зятья и внуки на неделю-другую приезжают погостить, все здоровые и сытые, помогают пилить-колоть дрова, косить сено для овец, а Мавра Акимовна все равно сетует: «Не люблю молодым здесь, не нравится деревенская жизнь да еда — сладкого в ней мало! От лесной ягоды нос воротят, яблоков им подавай и заморских фруктов. Где их взять? Не растут они здесь, калина с рябиной не каждый дак год рождаются. Вот так. Чо ж, повела внуков в лес по грибы. Здоровые лбы, а от меня ни на шаг, как цыплята от наседки, боятся леса. А хедила я с ними

по самой опушке — деревню видать. Мы, бывало, с девушками да парнями в такие-то чащобы забирались».

Наша охотничья любовь к лесному бродяжничеству Мавре Акимовне по душе, и она, соскучившись по людям, все рассказывает и рассказывает: где нынче богатая ягода, где пошли грибы, встречается ли в лесу дичь. Вспоминает, конечно, и покойного мужа.

— Вот уж был охотник! Грех не грех, но сначала я его, Павла-то Андреича, ревновала к охоте. Молодая жена дома сидит, а он с колхозной работы придет, бродни нацепит, Тревогу кликнет и в лес бежать. Тревоге-от, значит, радость, а я, как царева Несмеяна, в окошко гляди. Разных он собачек держал, а всего больше любил Тревогу, гончей породы. Сам за стол не сядет, пока собачку не накормит. А только загрызли волки Тревогу. Собрал тогда Павел Андреич мужиков, какие были в деревне, и облаву устроил. Два дня охотники маялись, а убили волка дак, убили окаянного, по улице страмиду волокут, все дворовые кобели воют, рвутся как полоумные,— чувят врага смертного. Горевал мой Павел Андреич — не выразить. Так-то еще горевал, когда за рекой боры свели, а в тех борах мошники водились-токовали. И чо? Пришлось ему с другом, с Васильем Шубаковым, тоже покойным, за тридевять земель по барской дороге за мошниками таскаться, ох, тужко давались им те мошники! А сколько-то лет прошло, и на вырубках, где вы теперь лазите, тетири поселились — целыми ворохами по весне Павел Андреич носил. На двор утром выйдешь дак, а за рекой звон стоит, тетири булькат без перемолку. Или вот Василий Шубаков, даром что росту метр с кепкой, не баской, а уж отчаянный был — сорвиголова. Придет когда вечером к моему, шушукатся она в углу, а я все одно слышу: медведя удумали стрелить на овсу. Я своему: «Паша, говорю, Павел Андреич, выбрось из головы, на кой он сдался, медведь-от, поросенка заколем — мяса не поесть». И-и!. Слышать не хотят, мой-от и Василий Шубаков. Вот собрались, пуль наготовили — и на пустоши каляевские черти их понесли, уже и лабазы успели там в секрете понаделать, не знаю когда. Я дочерей — маленькие еще были — в охапку, сижу у окна, боюсь. Солнце село, темно, ночь на дворе. Дочки спят, сама спать хочу, а боюсь. Слышу с пустошей вроде чо-то щелкнуло, ну, думаю, слава тебе Богу, стрелили зверя. Не удержалась, на улицу выскочила, а чего там на улице-то — темь одна. Тут еще стрелили на пустошах, ой, матушка в кого же думаю,

опять? Чует мое сердце, чо-то не ладно быть. На пустоши бежать — далеко дак, а дома дочки спят — не бросишь. Я к соседу, разбудила, рассказала про медведя, про страхи свои. Смеется сосед: Василий, мол, Шубаков, первый в округе по медведям, а с твоим Пашей они медведя голыми руками задушат. Я соседу по другой выстрел толкую, тревожно мне, а он зевает: «Ложилась бы ты спать, Мавруша, утро вечера мудренее».

Мавра Акимовна замолчала. В тишине громче затикали старые настенные ходики. «Ребята, вы часом не спите ли? Простите старуху за болтовню», — оправдывается она. Но мы не спим, любопытствуем, чем же закончилась медвежья охота. «А чем закончилась. Считай, всю ночь тревожилась, а под утро Павел Андреич объявился. Такой-то радостный был после войны, когда вернулся. Чо ж, спрашиваю, так долго,— волновалась я. «Шкуру обснял да зверя разделывал,— говорит,— затопляй, Мавра, печь, яства из медвежьей печенки кушать будем».

Мавра Акимовна опять умолкла, вздохнула. Нам интересно узнать подробности, наверное, в то далекое утро и она спрашивала мужа, но сейчас думала совсем не о медведе, а вспомнила горящие, смеющиеся глаза молодого Павла, ввяв увидела посапывающих во сне маленьких дочек, вздрогнула, поежилась от пережитого когда-то страха.

— Почему же он стрелял в медведя два раза, первый раз промахнулся, что ли? — спрашиваем мы.

— Кто промахнулся? Павел Андреич-то? Нет, попал он, нельзя в медведя промахиваться. Второй раз Василий Шубаков стрелил, по другому медведю. Два медведя вышли на поле в ту ночь, оне обоих и прибрали, одного, значит, мой Павел Андреич, а другого — Василий Шубаков.

Ничего не осталось в архангельской жизни Мавры Акимовны — одни воспоминания. Конечно, можно было и не слушать ее, а сослаться на дорожную усталость, отвернуться к стене и храпеть. Да ведь время так обделило-обобрало стариков, что, если у них еще и последнее отнять — право на память,— все рухнет. Память — наши подпорки, ветхие, подгнившие, но других нет. И надо их беречь, иначе всем нам, России нашей настанет самый обыкновенный каюк.

Теперь Мавра Акимовна живет в деревне одна-одинешенька. Летом сдалась ее последняя подруга, несибаемая бабка Шура, уехала в район к младшей сестре. Эх, проводы, проводы! Долго ожидали на разъезде по-

езд, заплакали вволю, обнялись на прощанье. Бабка Шура все просила приглядывать за домом. А чего глядеть, если ни одной живой души окрест не сыщешь, заезжие туристы и те топают где-то в стороне от деревни. Знакомый машинист по уговору раз в месяц доставляет на разъезд богатую провизию: муку, макароны, крупу, соль да чай, еще пенсию, письмо вручит. Выгрузит прямо на насыпь кули, а уж Мавра Акимовна потихоньку тащит их к дому. Раньше, на пару с Ульяновой, было веселей, теперь вот одна осталась. Или все же к дочкам перебраться? Зовут...

Наш приезд взбодрил Мавру Акимовну, нам было даже неловко из-за ее постоянной заботы. Охотники — народ неизбалованный, а тут домотканые полосатые дорожки, занавесочки на окнах,akraхмаленные кружевные салфетки повсюду, всегда горячий обед в русской печке... и необъятные мягкие перины, вставать с них утром — настоящее испытание. Может быть, из-за перин-то наши охотничьи успехи были весьма скромными. Остудили пыл и нудные осенние дожди. Хозяйка сочувственно относилась к нашим неудачам. Правду сказать, ей нравилось, что мы сидим дома, а не ходим на охоту, втроем пережидать ненастье веселей. Сама она на охоте никогда не была, но с видимым удовольствием слушает охотничьи истории и любит рассказывать о муже-охотнике, даже окает будто бы мягче против обычного.

— Уж он свое ружье холил словно дитя родимое. Чуть живой приползет домой с охоты, птицу какую на штыри в сених развешат, бродни скинет, дочек обласкат и за ружье. «Мавра, тряпицу давай! Мавра, кудыть шонпол задевала!» Ужин дак на столе стынет, а он с оружием нянкатся. Я ему: «Павел Андреич, вперед покушай», а он знай себе в стволы поглядывает, да тряпку масляну шонполом туда-сюда гонят. Другой раз так-то, сидя на скамье, и задремет с ружьем в обнимку. Вы хоть и заркие тоже охотники, но Павел Андреич против вас горячий был,— говорит она и тут же добавляет: — А может, мне старой чудится, все раньше слаще да горячий было. Теперь вот к сахару пристрастилась, двух кусков на чашку мало. Или сахар стал не сладкий?

Зная о нашем интересе к старой охотничьей амуниции, Мавра Акимовна окружалась, что после смерти мужа не уберегла от просителей его охот-

ничье добро. Но ее память сохранила и легко оживляла эти вещи.

— Што он лыж понаделал — страсть! Жил в Березовом умелец лучше его — Никандров, но характером темен был, не жаловали его мужики, все больше к моему: Андреич, мол, так и так, смастери лыжи. А у него под стрехой всегда еловые особенные дощечки приготовлены были. Чо-то он все парил, гнул дак, шкурами обтягивал, под нос колдовал, а чо — не знаю, не велел мне за работой мешать. Поди, полдеревни на его лыжах чмыкали... А теперь ничего охотничьего не осталось,— сокрушалась Мавра Акимовна.— Вот, фотографию старую нашла. Охотничью. Возьмите на память о Павле Андреиче.

Фотография от времени пожелтела, обломанные уголки скруглились. На ней — молодой красивый парень в подпоясанной патронташем короткой телогреечке и шапке набекрень. Кругом — белый-белый снег. В руках у охотника пара глухарей-великанов с расщеперенными хвостами, рядом воткнуты в сугроб широченные камусные лыжи. Но не из-за этого фотография охотничья, главное — улыбка на лице парня, даже не улыбка, а радость счастливого человека. Ее не стерли годы, охотничье счастье всегда одинаково и понятно.

Между тем многодневный дождь ночью прекратился, и, когда я утром открыл глаза, в окно робко, по-северному заглядывало солнце. Елки-палки — десять часов! Стыдоба-стыдоба, охоту проспали, лежебоки, дундуки московские! Эх, перины пуховые...

Вышел на крыльцо. Сильный ветер смахнул с листьев и травы влагу, поникшие от дождей ветви распрямылись.

Мавра Акимовна стоит у края двора и смотрит за забор. Зовет меня: «Возьми-ка кружку. Иди, гляди!»

Дом Мавры Акимовны — крайний на улице, десять-пятнадцать шагов от крыльца — и под бугром быстрая речка. Большой, в рост человека, кустиче черной смородины прилепился к внешней стороне изгороди и навис прямо над речкой, роняя сорванные порывами нетронутые гроздья, открыл взору ягодную тайну,— в холодное северное лето смородина вызревает иногда в сентябре.

Мавра Акимовна, улыбаясь, стоит у куста и приговаривает: «Кушай, сокол, вдоволь кушай». Зрелые ягоды от гурбого и жадного вторжения в самое

нутро куста сыплются горохом, скатываются в реку и мгновенно подхватываются быстрым течением.

Однажды я набрел в лесу на ягодный клад — крохотную речную заводинку, со всех сторон окруженную кустами расплодившейся черной смородины. Поначалу невозможно было догадаться, что это заводь,— таким плотным многослойным ковром осыпавшихся смородиновых листьев она была застелена. Я разгреб влажное тяжелое покрывало ладонями и сквозь прозрачную воду увидел, что каменистое дно ямки, словно большое лукошко, наполнено черными ягодами вперемешку с утонувшими зубчатыми листиками. Не стану выдумывать и утверждать, что ягода была вкусной, скорее, водянистой, почти несладкой, но вода... Вода в заводи, соединенной с рекой узеньким рукавчиком, каким-то образом циркулировала, но не вымыла из ямки листья и ягоду. Круговорот, очевидно, был ничтожным, потому что запах и вкус свежей воды оказался таким ароматным и терпким, что я, опустившись на колени, как лесной зверь, цедил и цедил ее сквозь зубы и все не мог остановиться.

Обо всем этом я вспомнил в то памятное утро, но ничего не сказал Мавре Акимовне. Зачем? Она и без лишних слов понимает, что значит угодить ближнему, угодить не в современном искаженном смысле, а в изначальном, христианском, когда слова «угождать» и «делать добро» имели одинаковую суть. А Мавра Акимовна, зная, что отпуск наш подходит к концу, находила любой повод, чтобы нас порадовать. Чем мы могли ответить? Только тем, что по возможности не говорили в ее присутствии об отъезде, но наступил день, когда надо было собираться домой.

Мавра Акимовна сварила в дорогу картошки в мундирах, напарила сладкую репку, испекла из ржаной муки большой круглый хлеб. Щедро выставила на стол банки с солеными грибами и засахаренной калиной.

Стараясь не встречаться взглядами, мы с товарищем бесстыжими руками рассовали снедь по многочисленным отсекам своих бездонных рюкзаков. Но отказаться от гостинцев нельзя,— Мавра Акимовна подумает, что чем-то не угодила.

Вынесли вещи во двор. На Мавре Акимовне, несмотря на теплынь, валенки с калошами,— уже с неделю беспричинно зябнут ноги. «Женихов-стариков в деревне дак не осталось, перед кем хвастать-от? — шутит она.— А хоть и завалился бы, выбора ему все равно никакого нет».

Господи, откуда чувство не жалости даже, а вины перед этой женщиной? Почему так неуютно, неспокойно в душе, когда мы с приятелем уже у околицы, не сговариваясь, оглядываемся и видим на пустынной деревенской улице маленькую одинокую фигуру рядом с большим и еще крепким домом в два этажа?

ДРОФЫ

Дрофы образуют самостоятельный отряд птиц. Представители его — крупные или средней величины пернатые, по внешнему виду напоминающие кур. Ноги у них сильные, трехпалые, с короткими и широкими пальцами, на нижней поверхности которых развиты упругие кожные мозоли. Клюв птиц относительно короткий, выпуклый у основания надклювья, со сквозными ноздрями, перья лба до ноздрей не доходят. Оперение, сочетающее белый, рыжий, черный и серый тона, имеет, как правило, покровительственную окраску и хорошо маскирует затаившуюся при опасности птицу. Самцы у них значительно крупнее самок и обычно отличаются по окраске оперения. Наряд птиц различен также и по сезонам года.

Обитают дрофы только на открытых пространствах — в степях, полупустынях, среди полей. Все эти птицы — неутомимые и быстрые бегуны, хорошо также и летают. В брачное время стрепет и джек образуют пары (хотя насиживают у них только самки). Самцы дроф — «дрофичи» — участия в гнездовых делах не принимают. Спариванию у них предшествуют своеобразные тока. Гнезда представляют собой неглубокие ямки в земле: у стрепета они выстланы растительной ветошью, иногда перьями, у дрофы и джека гнезда без выстилки. В кладке бывают 2 яйца (у дрофы), 4 (у стрепета) рыжеватого или зеленоватого цвета с темными пятнами. Насиживание длится 20—23 дня. Птенцы рождаются покрытыми густым пухом, но первое время беспомощны и медленно растут.

Пищу взрослых птиц составляют разнообразные как растительные, так и животные корма: побеги, листья и семена трав, насекомые и их личинки. Птенцы питаются почти исключительно животными кормами. Линька у птиц происходит дважды в год: во второй половине лета и ранней весной.

В отряд дроф входит 23 вида, большинство из них обитает в Африке. В пределах СНГ встречается 3 вида. Все они перелетные птицы, хотя и зимуют недалеке от мест гнездовий — на юге Украины, в Средней Азии, Закавказье. На места гнездовых прилетают в марте — начале мая, улетают из этих краев в конце августа.

В России и странах СНГ все представители отряда дроф относятся к особо охраняемым видам, включены в Красные книги, и охота на них строго запрещена.

Дрофа (дудак). Это одна из самых крупных наших птиц. Длина самца дрофича составляет 1 м, а высота с вытянутой вверх шей достигает 1,2—1,5 м. Его вес осенью иногда

превышает 15 и даже 20 кг. Самка значительно меньше самца, ее вес чаще составляет 6—8 кг. Телосложение птиц плотное, массивное, шея толстая и длинная. Окраска оперения самца пестрая, рыжего, белого, черного и серого цветов. Весной у него рыжий «ошейник» и пепельно-серые «усы» — пучки нитевидных перьев по бокам шеи. Осенью шея и зоб дрофича серые, «усы» отсутствуют. Самка похожа на самца в осеннем наряде, а отличается от него, помимо меньших размеров, более тонкой шеей и стройным телосложением. Годовалые и двухлетние птицы похожи на самок, а отличаются наличием на темени рыжих пестрин. Пуховой птенец сверху грязно-белый с темно-бурыми пятнами и полосами, снизу рыжеватый, на горле и груди у него темное пятно.

Дрофы очень осторожны, чаще держатся стайками. Во время кормежки широко разбредаются по степи. При опасности, особенно в жаркую погоду, дрофы предпочитают затаиваться. Взлетают они тяжело, в воздухе взмахивают крыльями редко, однако их полет легкий и быстрый. Птицы эти молчаливы, лишь изредка слышен крик самца — громкий, короткий, гортанный. Обитают они почти исключительно в открытых местностях, распространены на юге европейской части России, в Западной и Средней Сибири, на Дальнем Востоке, а также на Украине, в Казахстане и на юге Средней Азии.

Как редкий, быстро сокращающийся в численности вид, дрофа включена в Красные книги России и стран СНГ.

В 80-х годах общая численность дроф в России (без молодняка текущего года) составляла менее 3 тыс. птиц, более обычны они были в Саратовской области и Бурятии. Известно также, что за десятилетие (с 1971 по 1980 г.) численность дроф сократилась на 27 %.

Помимо запрета охоты на них и некоторого упорядочения полевых работ, в России принимаются и другие меры охраны дроф. В Саратовской области и Бурятии организованы специальные заказники, практикуется сбор яиц из брошенных потревоженными самками гнезд и их искусственная инкубация с последующим выпуском подросших птенцов в природу. Некоторую надежду на сохранение этого вида дает и тот факт, что в последние годы дрофы начали приспосабливаться к обитанию и размножению среди сельскохозяйственных угодий.

С. УСПЕНСКИЙ,
профессор

Смотри также 4-ю стр. обложки

Николай Иович Яблонский широко известен знатокам охоты с подружейной собакой, как большой любитель пойнтеров и охоты вообще. Он начал печататься в конце прошлого столетия. Первые очерки его были посвящены описаниям охоты на Алтае. В рассказе «Дикий Пан», опубликованном в ж. «Природа и охота» (1900 г., № 7), он вспоминал: «В то хорошее, счастлирое время моей невозвратной молодости я прямо запоем охотился в окрестностях нашего имения».

В г. Барнауле Н. И. Яблонский создал целый питомник породистых пойнтеров.

В 1906 г. вышла его книга «Воспитание, дрессировка и натаска легавой». Об этом труде писателя известный эксперт и знаток охоты Б. Д. Востряков в предисловии писал: «...прекрасный труд Н. И. Яблонского... о котором существует мнение, что труд Яблонского — это перл в литературе вопроса и ценнейший вклад в сокровищницу родной охоты».

С 1903 г. Н. И. Яблонский — заведующий редакцией ж. «Охотничий вестник».

Неодолимая страсть к охоте сделала его писателем. В Москве в 1904 г. вышли первые тома охотничьих рассказов Н. И. Яблонского — «По тайге» [320 стр.] Т. I, «По тайге» [368 стр.] Т. II, «В листопад и другие рассказы» [322 стр.] Т. III и «Четыре времени года и другие рассказы. Т. IV».

В 1927 г. издательством Всеохотсоюза была переиздана его книга о легавой.

Рубрику ведет Б. МАРКОВ

Волшебные растения

ЗОЛОТЫЕ КАПЛИ

Охотнику севера России, Сибири и Дальнего Востока не нужно рассказывать о том, что такое Золотой корень. Там этим растением пользуется все население. Рассказ мой предназначен для жителей (и, разумеется, охотников) Центральной и Южной России.

Спиртовой экстракт (настойка) корневищ и корней Золотого корня, растения из семейства толстянковых, уже сравнительно давно принят и утвержден в отечественной фармакопее. Описание действия этого экстракта можно найти в справочниках и книгах по официальной и народной медицине.

В самом известном справочнике по лекарственным средствам М. Д. Машковского говорится, что капли Золотого корня принимают «в качестве стимулирующего средства при астенических состояниях, повышенной утомляемости, при неврастенических состояниях, вегетативно-сосудистой дистонии. Препарат может применяться у больных, перенесших соматические или инфекционные заболевания, у больных с функциональными заболеваниями нервной системы, а также у практически здоровых людей при астении и пониженной работоспособности».

Однако в том же справочнике говорится, что химический состав корневищ Золотого корня изучен еще недостаточно.

Думается, что официальной медицинской недостаточно изучен и терапевтический эффект действия Золотого корня. А между тем в народной медицине Золотой корень используют как лекарство значительно более широкого спектра действия.

Экстракт Золотого корня — сильное антисептическое и вяжущее средство. Его применяют для лечения стоматитов и других воспалительных процессов слизистых оболочек. Общеизвестно, что все медицинские средства обладают в той или иной мере индивидуальным действием. У некоторых людей экстракт Золотого корня в считанные часы ликвидирует поражения слизистых оболочек и кожи. Многих прием капель Золотого корня избавляет от геморроя. Наконец, многие сердечники, страдающие ишемической болезнью, сердечной недостаточностью, аритмией работы сердца, после примерно месячного курса лечения Золотым корнем забывают о своей болезни.

В официальной медицине такие средства, как настойка Золотого корня, называются адаптогенами. В отличие от стимуляторов, активизирующих физиологические процессы организма (стимулирующих подчас и развитие опухлевых процессов), адаптогены помогают организму приспособиться (адаптироваться) к неблагоприятным воздействиям, повышают активность иммунной защиты.

Есть и противопоказание: капли Золотого корня не рекомендуются принимать гипертоникам. Но если они рискнут принимать их, нужно следить за давлением и в случае его повышения тотчас отменить лекарство.

В настоящее время, к сожалению, не ведется централизованных заготовок этого растения. Только в Иркутске, в Чите и, кажется, в Хабаровске готовят целебный экстракт. Несколько лет назад централизованные заготовки были прекращены, вероятно, под влиянием геоботаников, считавших, что запасы Золотого корня в дикой природе очень малы и быстро истощаются.

В действительности дело в том, что Золотой корень — это общее название 11 видов растений рода Родиола (Родиола розовая, темно-красная, северная, морозная, ирмельская, сахалинская, разнозубчатая, перистонадрезанная, четырехчленная, арктическая, Стефана), встречающихся, пожалуй, на большей части территории России: на Кольском полуострове, в европейских тундрах, на Урале, на севере Западной Сибири, по всей Восточной Сибири (в особенности на Алтае и в Саянах), на Дальнем Востоке, Южных Курилах и Сахалине. К этому следует добавить, что многие выращивают Золотой корень на своих приусадебных участках.

Исследована, да и то недостаточно только Родиола розовая. Между тем местное население в лечебных целях использует все виды растений этого рода. Автор этих строк пользовался Золотым корнем с севера Коми, с Алтая и из Тофаларии. Никакой разницы ни в сырье, ни в действии экстракта мною не было замечено.

Хотелось бы, конечно, чтобы наука обратила самое серьезное внимание на все виды растений рода Родиола, но время идет, на исследование, как это обычно бывает, могут понадобиться годы, а в практике народной медицины Золотой корень широко используется уже с незапамятных времен, и, думается, нет никаких оснований препятствовать этому использованию.

Корни и корявые, бугристые корневища этого растения отряхивают от земли, промывают в проточной воде, очищают от побуревшего пробкового слоя и загнивших частей, режут на кусочки, подсушивают в тени и окончательно сушат в печах, духовках, жаровнях при температуре 50—60 °С.

Для получения настойки 50 г корневищ и корней заливают 0,5 литра 40° спирта и настаивают, изредка взбалтывая, 15 дней в темном месте. Готовый экстракт (настойку) сливают и хранят в темных пузырьках, в темноте.

В некоторых справочниках Золотой корень рекомендуют принимать по 10 капель на полстакана воды три раза в день за полчаса до еды. В народе обычно принимают по 15 капель примерно на 150 мл воды утром, натощак, за полчаса-час до еды. Продолжительность курса лечения определяют, исходя из самочувствия.

Р. ДОРМИДОНТОВ, биолог

АО «ВОЛОГОДСКИЙ ОПТИКО-МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗАВОД»

Оптовые поставки

- оптические прицелы «Пилад П4×32»
«Пилад П8×56»
- прицелы ночного видения PNS — 4,6×52
PNS — 2,4×30
- прицелы лазерные PL-1 для пистолета
PL-2 для ружья
- приборы ночного видения «Никс», TNS — 2,6×30,
TNS — 5,52.
- фотообъективы «Мир-1В», «Юпитер-21М»
- печь микроволновая «Берегиня»
- установки копильные УК-30, УК-150
- фризер для мягкого мороженого «ФОН»
- оверлок кл. 151-4Д

160001, г. Вологда, ул. Мальцева, 54.
Тел. (817-22) 3-12-81, 3-10-42, 3-66-10
Факс (817-22) 2-61-45
Телетайп 146224 Деталь

ПО СЛЕДАМ
ЗАБЫТОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

ГОЛЬ
НА ВЫДУМКУ
ХИТРА

«ТЫ ЧТО,
ГЛУХАРЬ?»

Уважаемая редакция! Обращается к вам охотничий коллектив с. Кривоносорова Россошанского района Воронежской области.

До 1992 г. в райцентре г. Россошь существовало ОО и Р, где мы перед открытием сезона приобретали охотничьи путевки за вполне умеренную плату. В 1992 г. наше общество каким-то таинственным образом превратилось в «Предприятие «Охотник» со своим директором, замом, бухгалтерией, охотоведом. Сейчас в районе появилось 17 егерей (группа захвата браконьеров) вместо прежних трех. Частные лица выкупили охотничий магазин.

Именно с этими изменениями мы, охотники, связываем резкое подорожание охотничьих путевок. Так, в сезоне 1993/94 г. путевка на зайца стоила 6 тыс. руб., на лисицу — 10 тыс. руб., а если охотиться с норной собакой, то платишь еще 10 тысяч. В целом путевка обходилась от 16 до 26 тыс. руб. В 1994 г. перед открытием летне-осенней охоты по перу путевка на голубя оценивалась в 5 тыс. руб., а на утку — 20 тыс. руб. За что, интересно, с нас берут такие деньги? Нам объяснили, что это — плата не за путевку, а за услуги по организации охоты. Но у нас же нет ни охотбаз, ни питомника по содержанию собак — ничего, а егеря выполняют чисто контролирующие функции. В этом сезоне у нас цены — 50—70 тыс. руб. за путевку.

Наше село граничит с Белгородской областью, там в прошлом году путевка на зайца или лисицу стоила 1800 руб., а в этом сезоне на уток всего 3,6 тыс. руб. Патроны в нашем магазине продают намного дороже, чем

Коллектив охотников
(45 подписей)
Воронежская обл.

Уважаемая редакция журнала! Хочу рассказать о случае, происшедшем со мной в конце апреля. В тишине еще ночного леса я отчетливо услышал глухариную песню. Вскоре стало светлее, и я разглядел птицу. Меня глухарь не замечал. Я решил сменить позицию и сел совершенно открыто, продолжая наблюдать. Внезапно глухарь прервал песню и, вытянув шею, насторожился. Мгновение — и он, с грохотом сорвавшись с дерева, исчез в сумрачном лесу. Я ушел с этого места, а часа через два, проходя здесь же, вдруг услышал щелканье глухаря. Я замер как стоял на совершенно открытом месте. И вдруг увидел, как с дерева планирует глухарь. Он сел метрах в пятнадцать от меня в подлесок. Раздул шею, распустил веером хвост и, опустив крылья, как бы по дуге двинулся в мою сторону. Расстояние между нами сократилось до 10 метров, до пяти, наконец до трех! Глухарь стал двигаться вокруг меня не более чем в двух метрах. При этом он издавал какие-то гортанные, kloчочушие звуки. Кружась взад-вперед передо мной, он вдруг сделал бросок в мою сторону, сокращая расстояние до одного метра и меньше, но, не коснувшись меня, отскочил назад и снова продолжал кружиться.

Один раз, отойдя метра на четыре в сторону, он полностью исполнил токовую песню. Это продолжалось минут двадцать. Наконец я, вдоволь налюбовавшись диковинным зрелищем, решил идти дальше. Осторожно шевельнул рукой, никакой реакции. «Эй, да ты что!» — произнес я, надеясь, что он испугается человеческого голоса. Снова никакой реакции, так же кружит и насккивает. Я сделал шаг, второй и тихонько пошел, глухарь побежал за мной! Он оказывался то справа, то слева, то немного сзади меня. Такой же расфуфыренный, хвост веером. Я прибавил шагу, глухарь стал отставать. Иногда он догонял меня бегом. Иногда, отстав метров на 10, вдруг резко взлетал, пролетал это расстояние и садился передо мной чуть в стороне, тормозя по земле хвостом. Я свернул и углубился в лес. Он за мной! Я поднял с земли рюкзак. Он сделал выпад в сторону рюкзака, почти касаясь его клювом и крыльями. Наконец он стал отставать все дальше и дальше. Подойдя к повороту лесной тропы, я, прежде чем скрыться за него, оглянулся. Глухарь токовал, двигаясь поперек тропы. Потом он остановился, и по лесу разнеслась полная токовая песня. Я скрылся за деревьями.

И. ТОКАРЕВ
Удмуртия

Уважаемая редакция! В статью «Мытарства с МЦ 21-12» (№ 9—94) И. Алексин сетует на самопроизвольное выпадание патрона при стрельбе в нижнее окно ствольной коробки ружья. Я все это испытал на себе и своим ружье, которое приобрел в 1987 г. на охоте по этой причине упустил двух лисиц. Последние два года ружье не брал на охоту. Искал неисправности. И только в 1994 г. нашел и устранил эту неполадку. На осенней охоте задержек при стрельбе уже не было.

В ствольной коробке МЦ 21-12 имеются передние (для левого и правого остановов) и задние пазы. При работе автоматики затвор при движении назад отсекает рычаг подавателя, который уходит в правый паз ствольной коробки (из-за имеющихся люфтов) и в последующем цепляется за его верхнюю кромку. Невероятно, но факт! И как следствие: при возврате затвор не задерживается рычагом подавателя и преждевременно поднимает лоток. Патрон из магазина выпадает уже только под лоток и через нижнее окно ствольной коробки падает на землю.

Данную неисправность нашел только после тщательного осмотра ствольной коробки при помощи лупы. Рычаг подавателя сделал выработку на верхней кромке паза коробки.

Обнаруженная неисправность в домашних условиях была устранена мною следующим образом. По размеру и конфигурации паза из стеклопластика вырезал вставку, которую закрепил винтом к ствольной коробке. После этого западание рычага подавателя вставка отражала. Работа автоматики нормализовалась.

Возможны и другие способы устранения данных неисправностей вплоть до замены деталей. Все это зависит от возможности и способностей владельцев МЦ 21-12.

Н. ШАРЫПА
г. Омск

Для многих молодых охотников вывоз из тайги добытого мяса оказывается неразрешимой проблемой. Я немного лосей добыл, всего двадцать три штуки, и проблем с доставкой мяса не возникло. Не бывало у меня никакой техники. Самостоятельно охотился. Вытащить мясо за 10—15 км — не проблема. Для этого надо изготовить легкие, но грузоподъемные нарты. Я у коми-охотников учился. Они лося на нартах за тридцать верст зараз припрут. Стакан спирту тянут после, на гармоны играют, да песни поют.

Как изготовить нарты, доходчиво описано в журнале «Охота...» за 1980 г., № 3, стр. 32.

Там вместо полозьев рекомендуют использовать широкие охотничьи лыжи. Это не совсем удобно, и тяжеловаты они, достаточно длинных гоночных лыж, укрепленных поперек рейкой. Кто как ухитрится. Лося весом 300 кг с потрохами на таких нартах можно вытащить за два рейса. Чоб легче было, от дороги до мяса прокладываю две параллельных лыжни по ширине нарты. За ночь снег огрубеет и нарты катятся легко. Если лось убит далеко и вытаскивать его нужна помощь — только свистни — найдутся помощники. Пообещай только мяска шмат хороший отрубить.

Итак, лось отстрелян, ошкурен, мясо под елкой лежит. Не спит охотнику — как бы волки не распозорили добычу. Страх напрасны, однако. Стоит котелок подвесить над мясом либо топорик склясть — волки не подойдут. Три дня будет ходить вокруг да около, а тронуть не посмеют. Помня об этом, не лишнее капканы сунуть под лыжню. Только куница да горностай не боятся человеческого запаха. Хоть скипидаром облей все вокруг, придут и погрызут самое лакомое местечко. Так ведь от них немного убудет.

Бывает и так. Лось отстрелян, а вытаскивать не на чем, нарты нет. В таком случае можно воспользоваться железным корытом. И капот от машины подойдет. Кто во что горазд, однако...

М. УЛЯШОВ
Г. Каргополь

Памяти А. А. ВОРОНИНА

16 октября 1994 г. ушел из жизни Александр Александрович Воронин — биолог-охотовед, кандидат биологических наук, доцент Калужского государственного педагогического университета им. К. Э. Циолковского. А. А. Воронин родился в старинном русском городе Тарусе, где и прожил большую часть своей жизни. В 1950 г. окончил факультет охотоведения и с 1955 по 1960 г. проработал охотоведом, старшим охотоведом и директором Куйтанского отдела Балхашского ондатрового промысла. По возвращении в Калужскую область в 1964 г. заочно окончил биолого-химический факультет Калужского государственного пединститута, а в 1967 г. аспирантуру в МОПИ им. Н. К. Крупской.

В 1970 г. Александр Александрович защитил кандидатскую диссертацию по теме «Охотничьи животные и охотугодья Калужской области». Как общепризнанный авторитет А. А. Воронин активно участвовал в работе Калужского областного общества охотников и рыболовов, был членом прав-

ления, Почетным членом общества. Под его научным руководством проводились работы по акклиматизации ондатры, реакклиматизации бобра и выхухоли в Калужской области. Достоверные, многолетние учеты численности копытных и боровой дичи, проводившиеся под его наблюдением, стали не только основой для организации лицензионного отстрела и отлова животных, но и положили начало мониторингу охотпромысловой фауны.

А. А. Воронин вел большую научную работу, у него более 140 опубликованных научных трудов по различным направлениям зоологии позвоночных, охране природы, охотоведению, вопросам образования. За 27 лет работы в педагогическом институте он воспитал и привил любовь к природе многим, теперь уже бывшим, студентам.

Ушел из жизни учитель, охотник, природолюб, общественник. Чувство глубокой признательности, любви и доверия питают к нему охотники Тарусского района, где он жил и охотился, где и похоронен. Страстный любитель природы, охотник, рассказчик и большой фантазер способствовал воспитанию у охотников Тарусы высокой культуры охоты.

Мы выражаем глубокое соболезнование родным и близким покойного, а также всем биологам-охотоведам и охотникам, знавшим его.

Правление Калужского областного общества охотников и рыболовов Управления охотничьего хозяйства администрации области

Дорогая редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство!» Обращаюсь с большой просьбой помочь мне в очень серьезном вопросе, касающемся внедрения оленегонных лаек на Дальневосточный Север, которых до 1938 года там не было.

Мой муж Волков Михаил Григорьевич в 1937 г. договором с Наркомземом РСФСР, Управлением Оленеводства и Сельского хозяйства Крайнего Севера был назначен для организации племрассадника оленегонных лаек в Чукотском национальном округе Камчатской области. Ему было поручено изучить оленегонное собаководство на полуострове Я-Мал и острове Белом. Закупить там определенное количество этих лаек и перевезти на Чукотку. М. Волковым была проделана сложная работа, о чем говорят его дневники: шесть толстых общих тетрадей, исписанных убористым почерком.

В 1938 г. М. Г. Волков вывез

оленегонных лаек на Камчатку в сопровождении ненца — инструктора по дрессировке лаек по пастьбе и охране оленьих стад. По мере распространения на Север Дальнего Востока оленегонные лайки внедрялись в оленеводческие хозяйства не только на Чукотке, но и в Корякском национальном округе, принося своей работой все больший эффект. Война помешала Михаилу Григорьевичу продолжить эту работу, он ушел на фронт.

Перед смертью муж завещал мне оформить для печати статью по истории внедрения оленегонного собаководства на Дальневосточном Севере, в частности на Камчатском полуострове и на Чукотке, где в свое время был организован питомник этих собак. Я пыталась по почте связаться с соответствующими организациями с просьбой рассказать о положении оленегонного собаководства в данный момент. Меня интересовали итоги забытой экспедиции Волкова. Но ответа нигде не получила.

Вся проделанная мужем работа была связана с большими трудностями, нередко с риском для жизни, и, если бы не война, Родина отметила бы его большую наградой за самоотверженный труд. Обидно, что эта экспедиция незаслуженно забыта. Может быть, вам удастся помочь мне восстановить справедливость и я смогу выполнить завещание мужа, буду глубоко благодарна вам. **Мой адрес: Московская обл., Раменский р-н, пос. Ильинское, ул. Спортивная, д. 18. Волкова Вера Васильевна.**

Уважаемая редакция, хочу рассказать вашим читателям один случай на охоте в сезон 1994/95 г.

К концу октября в наших лесах уже лег снег, но после обильного снегопада наступила оттепель, и он начал быстро таять под морозящим дождем. До избы в нежилом барачном поселке, заброшенном лесорубами еще в конце пятидесятых, оставалось недалеко, когда мою тропу пересек медвежий след. Мечта найти берлогу не оставляла меня за все время скитаний по охотничьим угольям.

Переночевав в избе, утром следующего дня вновь был у следа. По-прежнему моросил дождь, след таял на глазах. И вот вижу, медведь в сотне шагов от «зимника» наткнулся на жировку лося. Далее следы лося и медведя слились в одно целое. Судя по всему, это был крупный бык. Вряд ли косолапому удастся взять такого, подумал я. Лето на Пинеге было хоть и не жаркое, но сухое. Грибов в лесу не было, и ягода хорошего урожая не дала.

Местами лишь брусника созрела, да клюква, но очень мелкая. Наверняка медведь не нагулял достаточно жиру. Две речушки, взбухшие из-за осеннего ненастья, пришлось преодолевать без сапог и штанов. Лось тут только брюхо замочил, а медведь спокойно перепрыгнул за ним вслед.

Накоротке с таким медведем дело иметь, конечно, небезопасно. Да и в ружье особой уверенности не было. Но ноги несли и несли вперед, желая какой-то развязки. После почти двухчасового преследования я сел отдохнуть, а заодно спокойно взвесить все «за» и «против» такой охоты. Мысли по поводу ружья были мрачные, усложняло только наличие хороших пуль. И я двинулся вперед. Вскоре лосиный след круто взял на север, а медведь, наверно поняв бессмысленность своей погони за здоровым лосем, отвернул влево. Неожиданно среди обступивших меня карстовых провалов в одной из воронок среди белого снега забурели следы скрытой земли. Чуть впереди желтела ободранной корой осенка. Такие ободранные сосенки попадались мне не раз — явный признак, что тут хозяин тайги расправляется со своей добычей. «Неужели лось сбил, или...» Метрах в семидесяти под огромной разлапистой елью шевельнулось что-то темное. Медведь! Меня же он, конечно, почувал. И что думать делать? И что делать мне? Тихо уйти вряд ли удастся. И берлоги тут наверняка уже не будет. Мое появление спугнет его с этого места, доест свое и тихо уйдет. Прощай бесценная добыча! Мысли летят. Ружье как-то сразу потяжелело. Пуля в патроннике, предохранитель снят. Но стрелять по пятну бессмысленно. Значит, надо подходить.

Медведь встал, пригнул голову, за ней вздыбилась шерсть на хребте. Но уши оставались неприжатыми. Эти секунды противостояния запечатлелись в памяти как самый яркий эпизод охотничьей жизни, будут ли еще такие? Дальше будь выстрел. Хороший! Пуля пробила лоб выше левого глаза. Медведь упал как срезанный, но издав ни звука. Уши так и остались торчать, верный признак, что зверь мертв. И все же несколько минут я не решался подойти к нему. Не верилось, что такой огромный зверь может мгновенно умереть от маленькой латунной пульки.

Я зашел сзади и чуть не наткнулся на его добычу. А добыча, к моему удивлению, тоже была медведем, только гораздо меньшим. Молодой был съеден до самых легких сразу. В самой низине под нагромождением известковых камней был виден вход в пещеру. Снег у входа был перемешан с дерном. Оставалось предположить, что меньший был вытащен из своего убежища и загрызнен более сильным соплеменником.

Пуля «Блондо», пробив череп, застряла в шейном позвонке. А шкура была очень красивой — блестяще-черная с невысоким густым ворсом. Превосходный трофей без травм и дырок. Видимо, молодой медведь сдался почти без боя. Его череп и хребет были пробиты и истыканы клыками и когтями старого. Жир ровным слоем обволакивал остатки туши. А вот победитель был тотый. Закралось у меня даже сомнение, что он болен. Но тщательное обследование показало, что здоров. Мясо его оказалось очень вкусным, а череп украшает теперь мою коллекцию охотничьих трофеев.

В. ШАБАЛА
Архангельск

**ПИСЬМА
ЧИТАТЕЛЕЙ**

ЕЩЕ О ГЛУХАРИНОМ ТОКЕ

Несмотря на громадное количество различного рода описаний в охотничьей литературе глухариного тока, часто увлекательно и красочно изображаемого, почти нельзя встретить замечаний относительно ненормальности в «песне» глухаря. Не видно и хороших фотографий поющих глухарей, нет, вероятно, и фонографических записей песни.

Много охотясь на глухариных токах в бывшей Новгородской губернии, приведу свои наблюдения и выводы по этому поводу.

Как известно, среди непрерывного нормального токования бывает, что глухарь после учащенного «тканья» не производит «пиления» или «точения», а внезапно обрывает песню, замолкает. Охотники обычно считают, что это глухарь «обманывает» их, приготовившись к прыжку, охотник часто не может удержаться на месте и нечаянно может при этом подшуметь. Если охотник сумел удержаться на замахе — глухарь обычно начинает вновь яро петь. Я наблюдал это внезапное замолкание лишь у глухарей, певших на деревьях и притом затемно. Возможно, что это практикуется старыми петухами сознательно с целью выяснения, все ли в порядке поблизости. Возможно, однако, что это объясняется и случайными причинами.

Кроме нормальной песни, заключающейся в «ткании» и непосредственно следующим «точением», глухарь на току вполне сознательно издает два рода звуков — это «хрюканье» и «скыркание».

«Хрюканье» издается вне зависимости от песни обычно уже только при свете. Хрюканьем глухарь выражает свое явное беспокойство, когда он замечает охотника; этим самым он настораживает других глухарей. Часто «хрюканье» издается молодыми (не поющими) глухарями, заметившими охотника (это для них легче, чем для старых, — поскольку они не бывают заняты токованием). Старые (ноющие) глухари, увидев охотника, точно так же «хрюкают». Этот же звук можно слышать осенью.

«Скыркание» я называю звуки, раздающиеся сразу после учащенного «тканья», не похожие на нормальное «точение». Передать, изобразить это «скыркание» — трудно. Получается впечатление, что глухарь безуспешно пытается что-то отрыгнуть. При «скыркании», раздающемся после «тканья», глухарь держит шею не вертикально, как при «точении», а более или менее горизонтально, но распускает и поднимает нормально хвост. «Скыркание» производится глухарем так же, только уже на свету и обычно означает, что глухарь заметил что-то подозрительное.

В «скыркании» есть различия, которые трудно уловить. Я знаю случаи, когда к глухарям, производящим после «тканья» не «точение», а «скыркание», удавалось подойти на выстрел, как и к нормально поющим. Иногда «скыркание» издается и независимо от «тканья», и может быть, здесь есть некоторая зависимость от метеорологических условий данного дня. «Скыркание» производится как старыми, так и молодыми глухарями.

Забравшись раз в начале апреля в центр большого глухариного тока (с вечера) с расчетом переночевать на току без огня и поохотиться утром, я наблюдал следующее.

Апрельский, тихий, теплый вечер при безоблачном небе был великолепен. После быстро пройденных нескольких километров вязкого мохового болота с низкими редкими сосенками я услышал нескольких поющих глухарей.

Ввиду позднего времени и неяркого пения мне не удалось подойти на верный выстрел к глухарям, певшим только на земле и постепенно уходящим от меня среди высоких моховых кочек, луж воды, осоки и густых сосенок.

Солнце скрылось. Еще две-три песни, и последний глухарь замолк. И вдруг я начал слышать и видеть небольшие перелеты глухарей и глухарок, тревожное «кокотанье» последних и «скыркание» первых. Глухари были явно чем-то обеспокоены, но не мною, так как перелеты совершались в мою сторону. Оставаясь на месте, я скоро оказался в центре стаи, превисившей 50 штук. Здесь глухари очень походили на ворон, устраивающихся на ночлег. Лишь вместо карканья слышалось «скыркание».

Устроившись кое-как спать, я слышал, как понемногу угомонились глухари. В полночь я был разбужден внезапно поднявшейся сильнейшей бурей (вначале с дождем, затем с сильным мокрым снегом). Так вот отчего беспокоились глухари!

Продрогнув и насили дождавшись времени токования, я исходил в разных направлениях место тока, но не нашел ни одного певца. Лишь при полном свете я услышал одного поющего на земле глухаря.

Н. К. ВЕРЕЩАГИН
«Охотник», № 11, 1931 г.

ОТ РЕДАКЦИИ «Охота», № 1, 1914 г.

Еще незабвенный учитель многих из нас — покойный Л. П. Сабанеев, в одну из своих нехороших минут, говорил как-то, что охотничья литература меньше всякой другой имеет своих постоянных читателей и что русский охотник вообще очень мало интересуется тем, что пишется в журналах охотничьих... Так ли это? Нет, скажем мы смело: не так! Не верно положение это и мы не хотим даже и мысли допустить, не смеем допустить даже того, что русский охотник не интересуется тем, что пишется охотниками же и об охоте!.. Есть, положим, — и даже немало, к сожалению, — и таких лиц, считающих себя охотниками и понимающих под словом «охота» только то количество дичи, каковое им удастся накрошить, при каких угодно обстоятельствах и в какое угодно время года, — так такие действительно нисколько не интересуются всем тем, что печатается в охотничьей прессе... До нее ли им!.. Ну, так тех и не надо нам: пусть не интересуются и не читают нас!.. Не нужны они нам, как не нужны и «охоте» самой, являясь одним из главнейших зол ее, — тем мучительно болящим нарывом на ней, который давно уже удалить следовало каким бы то ни было, хотя бы и самым болезненным оперативным путем... Давно бы уже пора сделать это — и «Охота» только выиграет от удаления навсегда, из ее дружной семьи, этих детей приبلудных, так сильно позорящих ее, чистую... Да, они и не могут быть детьми ее: — чужды они ей и чужды семье ее дружной!.. И нашему журналу, одной из главнейших задач которого является обережение «Охоты» этой от вторжения промышленяющего ею элемента, возможное упорядочение дел охотничьих и хозяйства ее по всей России, так беспощадно разоряемого именно этими, именующими себя охотниками, — совершенно не нужны такие подписчики!.. И без них, даст Бог, обойдемся мы!..

Не верим мы также и в то, чтобы правильно поставленный охотничий журнал, стремящийся единственно к объединению всех истых охотников России, ратующий только за ведение правильной охоты и за повсеместное упорядочение хозяйства охотничьего, — не нашел бы себе достаточного числа постоянных читателей и не сделался бы необходимой книгой для каждого охотника, в полном и широком смысле этого слова!.. Раз у журнала охотничьего

нет читателей, то вина в этом никак не в читателях, а именно в журнале самом, не сумевшем поставить себя как должно и быть интересным для подписчика. Ведь существует же за границей немало охотничьих журналов, имеющих чуть не десятки тысяч подписчиков!..

Встретив сочувственное отношение среди некоторых охотников, журнал «Охота» позволяет себе вполне надеяться, что на товарищеский призыв его к объединению и общей работе на пользу упорядочения охотничьего дела и хозяйства в России, дружно отзовутся все истые охотники и грудью станут на защиту своего любимого дела охоты, стремясь к возможному его улучшению.

Выпуская первый номер журнала, редакция просит своих читателей не отказать в присылке ей, хотя бы и самых кратких заметок о состоянии охотничьего дела и хозяйства в том или ином районе, не стесняясь формой изложения. Такие корреспонденции, являясь очень ценным вкладом для журнала, дадут ему полную возможность, в конце года, составить общий обзор нужд и запросов, потребных для правильной постановки дела охотничьего хозяйства в России.

Памятуя ту мудрую русскую пословицу, которая говорит, что «в согласном стаде — никакой волк не страшен», еще раз призываем Г. г. охотников к объединению и пусть всегда ярким девизом нашего журнала — «Охота» служит истина, гласящая:

«В единении — сила!».

ЕЩЕ О ЖЕНЩИНАХ-ОХОТНИКАХ

С восторгом и с чувством глубокого нравственного удовлетворения я прочитала статью г. Боскета, обращенную к женщинам. Она дает полную возможность взглянуть на охоту женщин правдиво, а самим поклонницам Дианы смелее взяться за ружье.

К сожалению, и по сию пору, когда идет усиленная переоценка и ломка прежних понятий и форм жизни, когда женщина начинает постепенно выступать на арену общественной, благодаря ветхозаветному укладу семьи и общества, на охотниц смотрят как на людей, взывших не за свое дело, за спорт не женских рук. Так ли это? Неужели то высокое чувство наслаждения, какое испытывают охотники-мужчины, должно быть запретным плодом для женщины? Или оно ей не присуще? Или, наконец, по тем же раз установившимся понятиям, ей не к лицу убивать?

Какой наивный самообман!..

А кухня? Что представляет она в своей обыденщине, где обязанность и доля женщины четвертовать дичь и рыбу, взятые той же охотой, или резать домашнюю птицу? Или они не бьют тогда, а только нож подают, да приказывают другим:

— Бей!

— Режь!

Да, господа, там она священнодействует в образе хозяйки, а не охотницы, и ее руки чисты, как чисты кровавые руки Пилата!..

Повторяю: какой жалкий самообман!

Я говорю с уверенностью, ни один охотник не может наслаждаться кровавыми эффектами, а, наоборот, вид крови, вид загубленной жизни привносит в охоту неприятный момент.

Ничто так не освежает и не успокаивает в наш нервный век человека, как бодрящая прелесть охоты.

Выйдя в поле из душного, суетливого города, подавляющего своими безжизненными, каменными громадами, мы, прежде всего, глубоко вдыхаем чистый, не зараженный миазмами воздух широкого раздолья полей и лесов. Пред нами раскрывается живая панорама красот

природы, вид которых восторженно и умиротворяюще действует на наши души.

Все, что угнетало и подавляло нас до охоты, во время нее исчезает бесследно, и нередко охотник, несмотря на всевозможные неудачи и приключения, утомление, жажду и голод, несмотря на то, что жизнь его находилась на волосок от смерти, и зачастую не убив ни одного экземпляра, все же возвращается жизнерадостным, бодрым, и наскучившая, однообразная работа делается приятной и легкой, а сама жизнь с тысячами мелких и скучных забот становится привлекательной и милой.

И, устраивая мы, женщины, чаще такие прогулки, прав г. Боскет, без сомнения, мы крепили бы, развивались, а наши отцы и мужья меньше видели бы сцен с истериками, прихотями и капризами пошлого флирта, а наши дети приобретали физическую мощь.

Наталья ЛЕБЕДЕВА
«Охотничий вестник», № 10, 1908 г.

Репродукция с картины И. Репина «Охотница». 1892 г.

ТАЙНА СИЯ ВЕЛИКА ЕСТЬ

Было это не так и давно, хотя много уже лет минуло, а помнится ясно, словно продолжаясь незавершенностью и неразгаданностью.

Тогда я с партией охотэкспедиции обследовал приморскую тайгу. И вот как-то заночевали мы с проводником Ефремычем в охотничьей избушке у гостеприимного старого промысловика, а утром, собираясь по своему таежному маршруту дальше, услышали от него: «В том зимовье, куда к вечеру доберетесь, не чисто... Его старый хозяин погиб при каких-то не таких по ясности обстоятельствах прошлогодней осенью и вот уже второй сезон каждую, почитай, ночь посещает. Особливо, когда в нем чужие люди объявляются... Вроде бы ищет своего убийцу».

Мы, припозднившись с выходом, спешили и потому дергались, я торопливо пришивал не вовремя оборвавшуюся ляльку рюкзака, мой напарник никак не мог извлечь из винтовочного магазина перекосившийся патрон и собирал, соответственно моменту, святых и чертей, и потому эту дедову информацию усвоили как бы рикошетно, пропустив суть мимо ушей. А наступившим тихим солнечным днем, погрузившись в рассматривание следов на свежем снегу и в долгий обзор округи с горных круч, вовсе о ней забыли.

Вспомнили поздним, уже обогнанным ночью вечером, тихо было. В печке чуть слышно потрескивали угли, в каком-то бревне на потолке поскрипывала бог весть как ожившая личинка жука древоотца, в углу шебуршала мышь или полевка. От тепла в жилище по темному блеску оконного стекла змеились струйки пота, и я стал было следить за ними, думая о своем. И вдруг оторопел: снаружи очень легко, но вполне явственно заскрипели мерные, определенно человеческие шаги, и в окно заглянул... мертвенно-бледный старик. Словно только что вставший со смертного одра, однако вовсе не прибранный.

Его лицо было так близко к окну, что я успел, еще не сдавшись страху, четко разглядеть его и в общем и в частности. Давно не чесанную и оттого свалывшуюся длинную сивую бороду, глубоко ввалившиеся, помятые, пергаментные щеки, очень тусклые глаза под кустистой нависью бровей, совершенно бескровные губы, провалившийся рот. Из-под ветхой солдатской шапки на виски и уши свисали седые лохмы... Затертый полушубок был припорошен снегом... А дальше уже ничего я не мог рассматривать, потому что вошел в меня нешуточный страх.

Но я позвал своего напарника пальцем и кивнул на окно. Он подошел, заглянул в него, обронил сигарету и стал бледнеть. Раскрыл рот, округлил глаза, высоко поднял брови... А то, что было за окном, потопталось немного, явно разглядывая нас, чуть-чуть поскрипело снегом и сдвинулось в темень. Судя по мягкому шороху шагов, оно тихо пошло в обход барачка.

Я пытался взять себя в руки, хотел убедиться, что все это мне мерещится, но Ефремыч несомненно четко следил за скрипом шагов в мертвой тишине, напряженно глядя в ту сторону, откуда и мне они слышались.

Оказавшись напротив дощатой двери, шаги притихли было, словно кто-то прислушивался к звукам в избе, прежде чем войти в нее. Потом снег заскрипел совсем рядом... И уже на пороге... Вот сейчас распахнется дверь и...

Я взглянул на своего спутника: может быть, мне все-таки лишь кажется?.. Разве существуют привидения? Но увидел, что тот блее свежей пороши, а его совсем потерянный взгляд намертво уперт в дверь... А знал я этого человека смелым охотником с крепкими нервами. Разъяренного медведя подпускал он на верный выстрел, а свежие тигриные следы разглядывал без эмоций.

Но дверь не открылась, и шаги заскрипели обратным ходом — привидение или нечто иное, совершенно непонятное, возвращалось к окну... Старик снова стал глядеть в избу, переводя холодно-равнодушный взгляд с меня на моего напарника, потом принялся рассматривать внутренность избы... Повернулся спиной к нам, в свете из окна я увидел такие же длинные седые лохмы, не знавшие гребешка. Потом он повернулся боком, долго взирал на висевшие на дереве наши рюкзаки... И пошел к речке... Шаги были необычайно легкими и редкими, удалялись они медленно, однако скрип снега быстро растворился в мучительно застывшем времени и заледенелых наших душах.

Когда этот скрип стих, мы полушепотом заговорили. Я спросил: «Скажи, Ефремыч, что ты видел в окне?» И он сбивчиво ответил: «Дед... Седая, мятая борода, совсем худой и бледный, черные глаза мертвеца... Шапка солдатская, старый замусоленный полушубок...» Я попросил уточнить: «А видны ли были волосы на голове?» Подумав, тот спокойно сказал: «Да, торчало седое из-под шапки...» И еще я спросил: «А шаги?» И услышал: «Они обошли избу, у дверей потоптались... Думал, что сейчас войдет... Потом дед еще раз подошел к окну... Такого страха никогда не испытывал...»

Переговорив с проводником и выкурив подряд две сигареты и еще не освободившись от испуга, я силой заставил себя переодеться и с фонариком вышел из барачка, отчаянно нырнув в таежную темень, показавшуюся мне как никогда невообразимо жуткой. Я шарил лучом вокруг, но никого и ничего не было. Стискивая себя здоровым рассудком и волей, подавляя ненавистный страх, я обошел вокруг жилища, а там был нетронутый, как мне сначала показалось, ни нашими ногами, ни чьими-либо другими, в том числе и звериными, незапятнанный снег. И под оконцем он мерцал-серебрился ровно и вроде бы цельно и у дверей. А от избы к речке вела порядком нами истоптанная тропа, на которой и лапы медведя не прорисовывались бы, разве что когти...

Машинально, обдумывая случившееся, я опять подошел к ярко освещенному прямоугольнику снега под окном и будто по чьему-то повелению низко над ним наклонился. И разглядел едва заметные отпечатки некой обуви, вроде охотничьих олочей. Позвал Ефремыча и показал ему. Тот долго разглядывал снег и заключил: «Как бы совсем легкий человек потоптался... Из воздуха он состоял, что ли...»

Мы оба не спали в ту ночь, а всего лишь чутко дремали, настораживаясь на тончайшие шорохи и затаенно вздыхая. Встали рано, наскоро хлебнули чаю и ушли в предраассветном морозе с мелко сыпавшим снегом. А потом обсуждали случившееся много дней, так и не найдя ему объяснения.

Что за дед тогда напугал нас, опытных таежников и в общем-то трезвых людей, я и до сих пор не знаю. Но повторения той жуткой ночи не хочу, ибо случись еще такое — были бы, наверное, и тот же страх и то же недоумение. И кто что скажет мне о том деде? Кто рассеет мрак? Ведь есть же ему разгадка. Ну, должна быть. А ухмыльнуться да изречь: «Враки, причудилось» — проще простого.

С. КУЧЕРЕНКО

«КАНОПКА-ТО ВЫЛЕЗ!»

Ревность и зависть — родные сестры. По этому поводу вспоминается пример забавного негласного соперничества двух популярных охотничьих личностей. Происходило это на очередном VII Конгрессе биологов-охотоведов в 1965 году в Югославии. Ученые соревновались там в познаниях экологии зверей и птиц, в цифири, графиках и рисунках.

Три дня слушаний докладов в Белграде по всем разделам охотоведческой науки оживлялись серией цветастых фильмов и выездами в придунайское охотничье хозяйство «Елен». Там были питомники: фазанарий, перепел-

нарий; разливы Дуная, мощные дубравы и тополяники с красным зверем. Всем нам устроили грандиозный банкет под сенью вековых раkit. У меня сохранились превосходные цветные слайды тех времен и событий. Из демонстрированных фильмов запомнился один, итальянский, посвященный массовой стрельбе уток. Несколько сот крякв с детства выращивали после инкубатора и дрессировали в питомнике, приучая бегать, а потом и летать по будущей двухсотметровой дороге «утиной смерти». Грда утиных трупов и ружейной гильз оставалась апофеозом такой «охоты» на просеке в тростниках, между крытым питомником и кормовым водоемом.

Затем шумная компания основных участников Конгресса отправилась на двух комфортабельных автобусах в тур от Белграда через Альпы до итальянской границы на западе. Нас было больше ста человек, в том числе 15 советских биологов-охотоведов.

Уже на научных заседаниях среди двухсот участников Конгресса ясно выделялись две колоритные и «импозантные» фигуры. На фоне степенных англичан и притихших немцев, говорливых французов и итальянцев, флегматичных русских они были особенно заметны.

Барон Канопка — аполлексический канадец прибалтийского происхождения — носил тирольскую шляпу с фазаньим пером, сплошь обколотую всевозможными охотничьими значками и побрякушками. Из-под узких полей шляпы спереди поблескивали небольшие глазки и красный нос, а сзади выдавались тугие складки шеи и затылка с редкими прядками волос. Его коричневые гольфы дополнялись серыми в клетку чулками и широкими полуботинками на сыром каучуке. Барон прилично владел несколькими языками и охотно вступал в охотбеседы с представителями разных стран. Россиян он старался избегать и почему-то относился к нам враждебно, что сказывалось даже в его репликах по поводу наших докладов. Причины такой враждебности были для нас неизвестны. Однако подобным образом вел он себя и на следующем Конгрессе — в 1968 году в Финляндии.

После того как барон, наряду с четырьмя другими счастливыми, вытаскил еще в Люблинах жребий на право застрелить серну в Австрийских Альпах, а затем и убил эту зверушку при специальной остановке в горах, он стал непререкаемо авторитетной охотничьей фигурой, вроде Тартарена из Тараскона. Канопка подчеркивал еще и свой абсолютный физический вес увесистой палкой, украшенной серебряной монограммой. В конце смертельно жуткого серпантин при спуске автобусов с альпийской высот, на очередной остановке, уже в пределах приморской равнины мы увидели в его руках жалкий опилок лобной кости с двумя черными крючками рожек трехгодовалой самки серны. Канопка скоблил его перочинным ножом. На наш вопрос: «Где же шкура, череп и туша?» — барон пренебрежительно ответил: «Я ведь не мясник...»

Конкурентом Канопки по популярности оказался граф Сандуновский — средних лет брюнет с большой седеющей бородой, поповской шевелюрой и уже порядочным брюшком. Вся сила его была, пожалуй, именно в бороде, как у легендарного Самсона или Черномора. Национальную принадлежность графа с первого взгляда определить было трудно. В костюме восточно-европейского покроя он мог сойти и за грека и за иранца. Говорить на разных языках он был явно не мастак и при попытках беседы с ним участников Конгресса приспособился отыгрываться... на собственной бороде. Приемы эти были отработаны у графа артистически. Он слегка закатывал глаза и вместо ответов на вопросы собеседника задумчиво поглаживал волнистую прядь. Холеная рука проводила по бороде сверху вниз сначала снаружи, потом изнутри. Иногда при этом раздавались и какие-то неопределенные грассирующие звуки, прерываемые явно симулированным заиканием.

Естественно, что при такой моноглотности в присутствии полиглота-барона графу было туго и приходилось либо стыдливо отмалчиваться, либо попросту потихоньку

ретироваться. Зато на привалах и в номерах мотелей граф брал реванш. Из чемодана и «дипломата»-кейса извлекался неистощимый запас грузинского коньяка, и иностранное красноречие легко заменялось жестами и мимикой, вплоть до кулаков, которыми он запанибратски угощал подвыпивших собеседников по ребрам.

Маршрут наш кончался уже на виду Триеста — вольного города, засевшего меж Югославией и Италией. После купания в бухте у местечка Капор мы осели на день в небольшом городке Пуле, сохранившем даже полуразрушенный римский Колизей. Здесь многие участники Конгресса, завершив свой маршрут, отправлялись на родину автомобилями через итальянскую границу. Большинство их, особенно немцы и англичане, исчезали, не прощаясь и не сообщая о своих планах. Так уж повелось на Западе.

Два сильно опустевших автобуса с остатками разных делегаций, главным образом славян, румын и тюрков, были готовы тронуться обратно на восток к Белграду. Уже не через горы, а по приморской равнине Адриатики.

С другой стороны автобуса, на тротуаре, против Колизея с независимым и рассеянным видом стоял барон с объемистым саквояжем у ног. Поджидая таксомотор, он задумчиво постукивал резиновым наконечником своей клюки о край тротуара. На нас он не смотрел. Мы тоже не придали бы значения его исчезновению из нашей компании, если бы в автобусе внезапно не раздался торжествующий вопль: «Канопка-то вылез!» В этом возгласе было все — удовлетворение и даже тихая нежность к убравшемуся восвояси конкуренту. Прильнув к окну, обычно сумрачный граф яростно сжимал и разжимал обеими ладонями свою пышную бороду. Его чувственные губы растягивались в сардонической улыбке. Отныне и до конца маршрута первенство популярности безраздельно возвращалось к нему. Вокруг чела графа и даже его бороды был уже заметен бледный овал спецслужбы...

На обратном пути мы задержались немного в дипломатическом охотхозяйстве Словении, осматривая коллекции охоттрофеев в обширном деревянном охотничьем доме. Там на стенах висели рога оленей, косуль, серн, медальоны с мордами и клыками кабанов, черепа и шкуры медведей. Помнится, что уже тогда «медведь» продавался за 5 тысяч долларов. Суверенное и энергичное общество охотников Югославии «Елен» в те годы процветало, культивируя дичеразведение, спортивную охоту по перу и красному зверю. Владело оно своим долларозависимым и несколькими предприятиями.

В Белграде нам, русакам, устроили особый роскошный прощальный ужин с обилием отличных югославских вин с собственных «Еленовских» виноградников и заводов. Участвовали в пире и другие почетные гости, например зоогеограф С. Д. Матвеев, вывезенный в Югославию еще ребенком и натурализовавшийся поневоле за рубежом. Любезные хозяева — члены правления «Елен» — оказывали нам предельное внимание. Здесь-то уж граф получил полную возможность «соответствовать» и показать свои непревзойденные возможности приема возлияний.

Впереди, через три года нам предстоял следующий охотоведческий Конгресс в Финляндии.

Мало что остался теперь в живых из российских участников Югославского и Финляндского конгрессов. За прошедшие 30 лет отошли в лучший мир наши известные знатоки биологических проблем охотоведения: профессора В. Гептнер, А. Формозов, Б. Кузнецов, А. Колосов, Ю. Исаков, В. Попов, А. Банников, А. Слудский, О. Семенов-Тянь-Шанский, директор ВНИИОЗа В. Гаврин и др. Мир праху вашему, дороге друзья и коллеги!

Н. ВЕРЕЩАГИН,
профессор

Собиратель охотничьей литературы (интервью с М. В. Булгаковым) 1

ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЕЛ

ЩЕРБАКОВ В. На волков с флажками 6
 Письма о браконьерах и проходимцах 8
МАКАРОВ Н. Капкан Макаровых 10
ВЕЛИЧКИН И., ЕРШОВ Е., ХАХИН Г., РУСИНОВ Ю., КУРИЛОВ Н. Обсуждаем Закон об охоте
ФЛИНТ В., СОРОКИН А. Женщина с соколом на перчатке 20
ДОРМИДОНТОВ Р. Золотые капли 41

ОХРАНА ПРИРОДЫ

ДЕЖКИН В., МАКСИМУК А., АЛЕКСЕЕВА Л., ФЕЛЬДМАН М. А заповедники все-таки создаются 11

МОЛОДОМУ ОХОТНИКУ

ПЕТРОВ Б. Все, что до выстрела 16

СОБАКОВОДСТВО

ГРЕКОВ В. Моя симпатия — фокстерьеры 24
ДУРЫМАНОВ А., ШЕСТОПАЛОВ А., КАЗАКОВ Г. Парвовирусный энтерит и его лечение 26

ОРУЖИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ

МАСЛЕННИКОВ Н., БЛЮМ М. Тульский оружейный — охотникам (интервью) 28
 Консультации оружейведа М. Блюма 31
 Вопросы — ответы 31

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

НОСИЛОВ К. Полярная весна 32
ДИТЕРИХС А. Стихи 37
БОРОВОЙ М. Мавра Акимовна 38
 Письма читателей 42
 На привале 44
 Реклама 13, 31, 41

● Куплю свежие сырые шкуры медведя, волка, рыси. Тел. (812) 246-08-20 (вечером).

Главный редактор **О. К. Гусев**

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), **Л. А. Гибет, В. В. Дежкин, А. М. Лаврова, Я. С. Русанов, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, С. М. Успенский, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев, Ю. П. Язан.**

Художник **В. Ю. Есаулов**

Художественный редактор **М. Л. Кнерцер**
 Корректор **Э. С. Корчагина**

Сдано в набор 10.01.95. Подписано к печати 08.02.95. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04. Тираж 86 660 экз. Заказ 3851. Цена 1800 руб.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская, 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени
 Чеховский полиграфический комбинат
 Комитета Российской Федерации по печати
 142300, г. Чехов Московской области

ДИАНА
 БОГИНЯ ОХОТЫ

Перелистывая подшивки старинных журналов, часто встречаешь упоминание о Диане. Вся охотничья поэтика восемнадцатого-девятнадцатого веков пропитана этим образом. Для охотников, получивших образование в классической гимназии и университете, значение этого образа было понятно. Иное дело теперь. Имя Диана сохранилось у нас только что в качестве собачьей клички.

Так что же значил этот образ для многих поколений русских охотников?

Богиня-охотница пришла к нам из глубокой древности. Диана в римской мифологии — покровительница охоты и богиня Луны. Символом ее был лунный серп. Ее отождествляли с греческой богиней Артемидой, поэтому можно считать этих богинь вариантами одного и того же образа.

Богиня охоты родилась в одно время со своим братом Аполлоном на острове Делосе. Диана — Артемида покровительствует всем живущим в полях и лесах зверям и птицам. Она благословляет браки и рождения потомства у животных и людей, следит за соблюдением правил охоты и, говоря современным языком, природопользования.

Богиня девственница, она покровительствует девушкам и сурово наказывает насильников. Охотника Актеона, заставшего ее без одежды, она превратила в оленя и затравила его же собственной сворой собак. Она очень ревниво относится к своей охотничьей славе и другого охотника, Ориона, убила за попытку состязаться с ней в охотничьем искусстве. Она покровительствует обездоленным. В день основания ее храма отдыхали все рабы.

Диана — Артемида изображалась с копьем или луком в сопровождении диких животных и своры собак. Ее окружают нимфы-подруги и прислужницы. Одета она в короткий охотничий хитон, рядом — священная лань. С этой свитой она целыми днями пропадает в лесах и горах, и эхо далеко разносит девичий смех и лай собак.

В. ЕСАУЛОВ

Рисунки В. Шишкина

ДРОФЫ

обл.

